

**КЕТОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ «ТОБОЛ»**

Р ОДНИК

**ЖУРНАЛ -
БОРНИК**
ВЫПУСК № 17

Курган
2023

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
К 59

Редакционный издательский совет:

Email: ks-ark@mail.ru.

Кокорин С.А.

Анощенко Н.П.

Астафьева В.В.

Безносова О.В.

Воинков В.П.

Ефремова Н.В.

Мошенцова Т.Ф.

Портнягин В.И.

**Журнал-сборник «Родник» Кетовского литературного объединения «Тобол».
Выпуск № 17.**

Курган: ООО «Типография Дамми», 2023 – 166 с.

Рисунки художника В.П. Высоцкого (1911-1983 гг.) взяты из интернета.

ISBN 978-5-89506-132-9

© Кетовское литературное
объединение «Тобол», 2023
© ООО «Типография Дамми»,
2023

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Двадцать восьмого февраля сего года Президент России Владимир Путин подписал закон о государственном языке, регулирующий употребление иностранных слов. Теперь при применении русского языка как государственного недопустимо применение иностранных слов, за исключением не имеющих аналогов в русском языке, которые зафиксированы в нормативных словарях. Этого закона долгие годы ждали многие, кто обеспокоен судьбой русского языка.

Ещё одним важным литературным событием в этом году стал 16-й съезд Союза писателей России, который состоялся 10-го февраля в Москве, в Центральном доме литератора, событие значимое не только для членов вышеупомянутого Союза, но и для всей творческой России. Накануне съезда «Российская газета» писала: «В последние годы Союз писателей России возвращается на общественную, культурную и даже политическую сцены». Съезд наглядно показал – действительно возвращается. И не простым статистом. Напомню, что в этом году Союзу писателей России исполняется 65 лет.

Кроме главного доклада – отчёта Правления Союза о пятилетней работе, с которым выступил Николай Фёдорович Иванов – Председатель Союза писателей России, на съезде выступили: Степашин С.В. – Председатель Императорского Палестинского Православного Общества и Российского книжного союза, начальник департамента Администрации Президента РФ Синцов Н.В., зачитавший приветствие Кириенко С.В., Масалов В.И., который зачитал приветствие министра иностранных дел Лаврова С.В., Соловьёв В.Г. – председатель Союза журналистов, Стальмах Е.А. – первый заместитель председателя Союза писателей Белоруссии, писатели Юрий Поляков, Александр Проханов, Владимир Крупин, Станислав Куняев и многие другие.

В краткой статье не расскажешь всех подробностей работы съезда, который подвёл итоги пятилетней работы са-

мого крупного писательского Союза (правопреемника Союза писателей РСФСР), наметил планы работы на следующую пятилетку, переизбрал руководящие органы. Но на двух моментах хотелось бы остановиться.

Первое – это кардинальное отличие от прошлого, 15-го съезда, на котором шла борьба за кресло Председателя, и атмосфера на заседании высшего органа управления Союзом накалялась за предельно. В результате острых дебатов большинством голосов Председателем был избран Николай Фёдорович Иванов, военный писатель, полковник запаса, участник Афганской и Чеченской войны. Время показало, что писатели не ошиблись в своём выборе – Н.Ф. Иванов на посту Председателя Союза проявил себя умелым руководителем и энергичным организатором, способным сплотить Союз писателей и наладить конструктивное сотрудничество с другими организациями. Накануне 16-го съезда был создан Культурный фронт России, который возглавил депутат Государственной Думы РФ, Народный артист России Николай Бурляев. Сопредседателем стал Николай Иванов.

Сегодняшний 16-й съезд проходил в атмосфере духовного подъёма, братского единодушия и взаимопонимания. Все выступающие дали высокую оценку работе Правления Союза, и Николай Иванов был вновь избран Председателем Союза писателей России единогласно. Ни одного голоса против, ни одного воздержавшегося. Для творческого Союза это случай уникальный. Причина проста – за прошедшие пять лет была проделана огромная работа.

В соответствии с велением времени осваивалось интернет-пространство: к сайту «Российский писатель» присоединился «День литературы», открыли официальный сайт Союза «Слово. Отечество. Человек», развили официальную страницу «ВКонтакте», где сейчас более семи тысяч подписчиков.

Уделялось большое внимание работе с региональными организациями.

Учредили почётные звания: «Лучшая региональная писательская организация имени Леонида Соболева», «Губернатор литературной России», «Литературный город России»

Создали Луганскую, Донецкую, Карачаево-Черкесскую, Татарстанскую писательские организации, а также отделение Союза писателей в Австралии. Провели обмен членских писательских билетов. Ведётся работа по признанию профессии «писатель».

Проведено 19 заседаний приёмной комиссии, на которых рассмотрено 527 заявлений, принято в Союз 425 литераторов. Организовали Совет молодых литераторов, отделения которого работают в тридцати семи регионах. Благодаря этому в Союзе в два раза увеличилось количество молодых авторов. Подготовили проект нового Устава. Приняли участие в учреждении Ассоциации Союзов писателей и издателей России. В этом событии важно и ценно то, что писатели разных союзов нашли точки соприкосновения, что свидетельствует о продолжающемся процессе консолидации общества.

Издали пять сборников военной поэзии общим тиражом 200 тысяч экземпляров, которые отправили нашим воинам, сражающимся с бандеровскими нацистами. Книги отправили и в окопы, и в госпитали. Десятки писателей выехали на Донбасс для встреч с солдатами.

Отсюда и вторая особенность этого съезда, вызванная горячим дыханием времени. Съезд прошёл под лозунгом «Писатели России За победу!» в переносном и буквальном смысле, потому что этот лозунг висит на здании Союза писателей России на Комсомольском проспекте.

На съезде выступил Грезин Ф.Д.,

председатель Донецкой писательской организации, многие члены которой воюют, среди фронтовиков-писателей есть убитые и раненые. Представители Донецкой организации готовы выехать в регионы России, чтобы рассказать правду об этой войне. Были награждены медалями писатели Сергей Коткало и Сергей Бережной. Союз писателей России награждён грамотой Министерства обороны РФ.

Выступавший Сорокин В.И. из Симферополя, руководитель Крымского отделения Союза, доложил, что всё готово к конференции по созданию Запорожской писательской организации, которая намечена на 11 февраля. В новых регионах России распространяется «Литературная газета», приобщая людей к русскому миру, который наступает вслед за нашими войсками. Он также напомнил, что есть Указ Президента РФ о содействии писательским сообществам на местах, но не все губернаторы его выполняют.

Выступавший на съезде Фадеев В.А., Председатель общественного Совета по правам человека, сказал: «Русские – главный народ 20-го века», имея ввиду широкое понятие слова «русский». Именно русская революция заставила империализм всего мира повернуться лицом к рабочему человеку, именно победа нашей страны над германским (следует читать: «европейским») фашизмом спасла мир от коричневой чумы, а затем Советский Союз («колосс на глиняных ногах») разрушил колониальную систему Запада и первым вышел в космос.

Мы не забываем своего прошлого, потому и в будущее смотрим с уверенностью, ведь наше дело правое.

Белорусский писатель Сергей Клим-

кович написал, обращаясь к объединённому Западу: «Бойтесь разбудить русского. Вы не знаете, чем кончится для вас его пробуждение. Вы можете втоптать его в грязь, смешать с дерьмом, насмехаться, унижать, презирать, оскорблять. И в тот момент, когда вам покажется, что вы победили русского, уничтожили, ошельмовали на веки вечные, стёрли в порошок, вдруг произойдёт что-то необыкновенное, удивительное для вас. Он придёт к вам в дом. Устало опустится на стул, положит на колени автомат и посмотрит вам в глаза. От него будет нести

порохом, кровью, смертью. Но он будет в вашем доме. И тогда русский задаст вам вопрос: «В чём сила, брат?»

Именно в этот момент вы тысячу раз пожалеете, что вы не брат русскому. Потому что брата он простит. А врага – никогда. Французы помнят. Немцы знают...

Русский живёт справедливостью. Западный обыватель – лживыми брифингами и лукавыми пресс-конференциями. Пока жива в его сердце справедливость, русский поднимется из грязи, из мрака, из ада. И вы ничего с этим поделать не сможете».

**Ты ранен
(Дмитрий Мельников)**

Ты ранен, военкор.
Мы тут гостим в подвале.
Закончился БК. Не спи, браток, не спи,
Мы вытащим тебя.
Слегка в замес попали,
Но это ничего, немного потерпи.
Давай поговорим: ты что,
женат ли, холост?
Женат, ты говоришь?
Ну круто, что женат.
Губами шевелишь,
но я не слышу голос,
А дети... Дети есть?.. Да он плохой,
Марат.
Не будет БМП, нам надо выбирать.
Давай, берём его,
на спину мне клади.
А если что со мной...
Ты помнишь, дом пятнадцать,
там мать моя живет.
Ну всё, давай, иди...

**Полковник
(Дмитрий Мельников)**

Полковник был высок и сухопар.
Он говорил про фланговый удар,
прикидывал, насколько хватит сил,
оценивал возможность деблокады,
вставал, садился, вновь вставал, ходил
по комнате. «В кольцо замкнули,
гады,» -
он говорил с гримасой на лице,
скривившись, как от боли, а в кольце
живые люди из огня стреляли,
а мертвые, как ласточки, летали
над скалами из белого песка,
текла под ними тихая река,
и сосны из тумана вырастали,
и отражались в зеркале воды,
высокие, как русские мечты.
Давай, полковник, издавай приказ,
что смерть не обезличивает нас,
что город, не доставшийся врагу,
горит, телами нашими устелен,
но мы, кто до конца остался верен
присяге – мы стоим на берегу,
где лань со львом и Бог с учениками,
и бродят в поле тучные стада,
и дети, что играют рядом с нами,
не умирают больше никогда.

**Через Украину
(Дмитрий Мельников)**

Через Украину
мать родному сыну
пишет: «Где ты, Лёша?»,
сутками звонит.
На Изюмском шляхе,
в придорожном прахе,
сын её хороший
неживой лежит.

Видишь, мать героя,
на пути отхода –
сын за пулемётом,
звёздный небосклон?
Здесь, на поле боя,
в райскую пехоту,
в ангельскую роту
был зачислен он.

Райская пехота,
адская работа,
сотня литров пота,
крови декалитр.
Через Украину –
к дрезденским болотам
двигается рота,
мы меняем мир.

**Опять гремит за терриконами
(Дмитрий Мельников)**

Опять гремит за терриконами,
опять по городу прилёт.
Любовь с глазами воспалёнными
по нашей улице идёт.
Садится у окна на лавочке
под самый яблоневоый цвет:
«Здесь жил хороший мальчик Ванечка.
Красивый мальчик, спору нет.
А бабушку его вы знаете?
Такая, круглый год в пальто.
Да, у неё проблемы с памятью.
Конфеты любит? Нет, не то.
Она их покупает с пенсии
и носит Ване на кровать,
там шторы новые повесили.
Ну как? Не можете не знать.
В той комнате, в той светлой комнате,
там, где теперь его портрет,
жил мальчик Ваня – вы запомните.
запомните, что смерти нет.
Я говорю вам – всё кончается:
и боль, и слёзы, и война,
а в жизни той, что начинается,
останусь только я одна.

Я не меняюсь – вы меняетесь.
Становитесь другими, да.
Ну, улыбнитесь. Что, прощаетесь?
Я здесь. Я с вами. Навсегда.

**Напиши мне потом
(Дмитрий Мельников)**

Напиши мне потом, как живому,
письмо,
но про счастье пиши, не про горе.
Напиши мне о том,
что ты видишь в окно
бесконечное синее море,

что по морю по синему лодка плывет
серебристым уловом богата,
что над ним распростерся
космический флот –
снежно-белая русская вата.
Я ломал это время руками, как сталь,
целовал его в чёрные губы,
напиши про любовь,
не пиши про печаль,
напиши, что я взял Мариуполь.

Напиши - я тебя никому не отдам,
милый мой, мы увидимся вскоре.
Я не умер, я сплю, и к моим сапогам
подступает Азовское море.

**Письмо солдату
(Татьяна Кондрашова)**
*(ответ на «Письмо солдата»
Дмитрия Мельникова)*

Здравствуй, милый солдат мой!
Шлю привет тебе я...
И слеза по щеке покатилась...
Ты просил написать,
как живому,
письмо
Или мне это только приснилось?

Ты со мной, всегда рядом со мной,
Мой герой!
Ты и в радости рядом, и в горе,
И горжусь я тобой, потому что
Ты спас
Наше тёплое синее море!

Вспоминаю я часто тебя,
дорогой,
Твои сильные, нежные руки...
И спасибо тебе,
мой любимый, родной,
За то,
что ты взял Мариуполь!

Я хочу написать, что я вижу в окно...
Вижу стройку –
Земля расцветает...
И улыбки всё чаще я вижу
детей,
Понемногу все страшное тает...

Мариуполь растёт, как растут города,
После битвы смертельной,
поднявшись.
Мы отстроим его,
ещё лучше, чем был,
Всеми стойкими,
за руки взявшись!

Я люблю тебя,
Стойкий мой, верный солдат,
Милый, хоть ты вернёшься нескоро,
Но я жду,
И всегда тебя буду я ждать,
Будет ждать наше синее море!

Ты живешь, не умрёшь,
Мой любимый, родной!
Ты живёшь в моём сердце,
со мною,
Я тебя никогда никому не отдам!
Вместе мы
И Азовское море!

**Донбасс
(Татьяна Кондрашова)**

Сегодня пребывая на Земле,
Мы живем своей простецкой жизнью.
А рядом с домом боль, беда, война,
И люди гибнут за Отчизну!

Нельзя нам оставаться в стороне,
Не высказать всё, что переживаем...
За мир и солнце на Земле
Наши родные жизни отдавали!

Да, здесь когда-то шли бои,
Земля была огнем объята.
За землю русскую свою
Стояли русские солдаты!

Им всем хотелось в мире жить,
Любить, мечтать, страной гордиться,
Учиться, строить и творить,
И в жизни большего добиться!

Но враг пришёл на землю к нам,
Пришёл не с миром и цветами, -
Со злой картечью и огнём,
И грудой «жаркого» металла...

И снова здесь идут бои,
И вновь земля огнем объята,
И снова русский наш солдат
Готов помочь родному брату...

... В Донбассе беда,
постучалась с порога,
В поле нет уж давно
былых казаков...

Прикрываясь людьми,
эти горе - солдаты
В ребёнка стреляют
из-за спин стариков...

Земля рыдает безутешно
Пред этим злом, перед бедой.
Как распознать в дыму пожарищ,
Где свой «прибился», где чужой?

Они бомбят родной Донбасс,
Кругом кресты, детей могилы,
Разруха, копоть, голод, мрак...
Но наш солдат находит силы...

В родной земле, в родных полях,
В родном всем небе, чистом-чистом,
В Сапун-Горе, в героях тех,
Что жизнь отдали за Отчизну!

И память эту не стереть,
Там каждый камень полит кровью...
И маки красные весной
Нам шлют погибшие
с любовью...

ДРУГУ

**(Сергей Лобанов, поэт-фронтовик,
247-й гвардейский казачий
десантно-штурмовой полк)**

Ты выжил там, где властвовала смерть.
Она тебя, мой брат, три дня пытала.
Ты мог бы сдаться, мог бы не терпеть,
Но для тебя погибнуть – было мало.

Изнаненный, средь дыма и огня,
Три дня лежал ты в поле, где дорога,
Когда твои погибшие друзья
Уже в раю беседовали с Богом.

Ночами в ожидании зари
Боролся ты с чужой февральской стужей
И, чтобы жажду как-то усмирить,
Ты ел кровавый снег и пил из лужи.

Бои гремели где-то в стороне,
Рвались снаряды, голосили мины.
Едва дыша, ты думал о жене,
О некрещёном годовалом сыне.

На третью ночь тебя нашли свои.
Играло небо звёздной картечью,
И даже громогласные бои
Не заглушали звуков русской речи.

Живи, мой братец, всем смертям назло.
Со временем затянуться все раны.
И знай, тебе не просто повезло,
У Бога на тебя другие планы.

Моя жена (Сергей Лобанов)

Моя жена сильнее многих женщин.
Она жена военного, и ей
Обычный мир судьбою не обещан
С его привычным ходом дел и дней.

Смиренно наблюдая за часами,
Но в тайне их медлительность кляня,
Неделями, нередко месяцами
Она, не уставая, ждёт меня.

Моя жена сильнее многих женщин.
Когда в командировке я, она
Замажет на стене узор из трещин,
По комнатам пройдёт, как старшина.

Подвинет шкаф, сама починит дверцу,
Которую сломал проказник-сын.
А по ночам она рисует сердце
Из наших двух сердечных половин.

Даст Бог, меня любить не станет меньше,
Насытившись разлуками сполна.
Моя жена сильнее многих женщин,
Но в этой силе есть моя вина.

Проклятье невыученных уроков (Александр Онищенко)

Всё, последние сброшены маски,
Вновь сошлись силы Света и Тьмы –
Заметалось в безудержной пляске
Смертоносное пламя войны.

Снова Запад в Крестовом походе
Хлынул пёстрой толпой на Восток,
Чтоб устроить на русских охоту,
Чтоб Россию стереть в порошок.

И для собственной пользы прикрывлся
Ненавистников щирых ордой,
Чтобы те, не щадя своих жизней,
Ему путь проложили собой.

Ну, а те, опьянённые злобой,
Потерявшие облик людской,
Озверев от убогой «свободы»,
Рады скопом идти на убой.

Что ж, должно быть, придётся России
Снова силу свою показать –
И во славу добра и Мессии
В пыль рассеять бесовскую рать.

Русский дух (Александр Онищенко)

Русский дух – это бездна терпения,
Благородство души, широта,
К справедливости вечной стремление
И заоблачных дум высота.
Русский дух – это сила прощения,
Величавой державности свет –
Вера в Бога, в народ, в воскрешение,
В неизбежность великих побед.

Это мощь и готовность к смирению,
Это дерзких фантазий полёт,
Отторжение чуждого мнения,
И движение только вперёд.

К осознанию смысла творения,
Его сути и тайных основ,
К достижению новых свершений
По заветам великих отцов.

Вместе с тем это слепок стихии,
Необузданной воли кошмар –
Сплав могущества и бессилия
И по здравому смыслу удар.

И мечтательной лени безбрежие,
Суеверий и страхов угар,
Драма веры святой и безверия
И прозрений пророческий дар.

Моральные трансвеститы (Александр Онищенко)

Когда наши храбрые соколы
Проливают за Родину кровь,
Из страны, всей Европою проклятой,
Потянулся предателей рой.

Для которых Россия лишь пастбище,
«Богадельня», «страна дураков» –
Для трансгендерной вольницы
кладбище
И загон для нагула жиров.

У которых ни чести, ни совести,
Кто привык только брать и глотать
И молиться на шкурные ценности,
Да уродства свои выставлять.

А на всё остальное плевать
И плясать на костях своих предков,
Превратив свои жизни в рулетку,
В казино, чтоб себя развлекать.

А идти за страну воевать?
Нет уж, этому их не учили.
Им, как святцы, в «мякину» вдолбили,
Что себя надо прежде спасать.

И, презрев интересы народа,
За священное право стоять,
Своей личной, бесполой свободы,
Но никак не за Родину-Мать.

Время санации (Александр Онищенко)

И снова время нас взболтало –
И разделило, и свело –
Кого-то кровью повенчало,
Кого-то страхом замело.

Кому-то выпал гордый жребий
Собой Отчизну прикрывать,
Ну, а подгнившему отребью –
Дрожать, злословить и бежать.

Подальше от войны и горя
И от вскормившей их земли –
Собою род людской позоря,
Сжигая чести корабли.

И шкуры жалкие спасая,
Они во вражеских краях
Себе гражданство покупают,
Рисуя Родину «в цепях».

О, сколько ж таких фекалий,
Вдруг всплыло с мутной волной?
Что ж, нам предписано судьбой
Их смыть, чтоб ими не воняло.

Армагеддон (Александр Онищенко)

Вот и снова труба нас зовёт
Грудью встать за родную Отчизну –
Всколыхнулся, поднялся народ,
Чтобы рыло расквасить фашизму.

Потянулись к границе полки,
Наливаясь отвагой и сталью –
Пусть скулят и трепещут враги,
Пусть в смятение сбиваются в стаи.

Шутки кончились, русский солдат
Им не даст ускользнуть от расплаты –
Как не раз уж бывало когда-то,
Он устроит им огненный ад.

Небо рухнет и вздрогнет земля,
Встанет дыбом у них под ногами –
Беспощадных ударов цунами
Их телами усеет поля.

Отольются им слёзы и кровь,
Отзовутся невинные жертвы –
Их вина тяжела и безмерна –
Ждут их суд и проклятье богов.

Нарыв (Александр Онищенко)

Время ставит страну на разрыв –
Разделило по линии фронта –
И смердящий гангреной нарыв
Должен лопнуть и выплеснуть «контру».

Тех, чьи виллы под небом врагов,
Чьё бабло на счетах за границей
И чьи дети в заморских столицах
Льют помой на наших отцов.

Тех, которых всеядная власть
В теремах, у кормушек пригрела –
Для которых солгать и украсть
Стало целью, привычкой и делом.

А отчизна, народ – пустой звук,
Лишь лукавая формула речи,
Чтоб и дальше их власть и досуг
Не давали ни крена, ни течи.

И пока наши славные парни
Бьются львами, себя не щадя,
Этой гнили несметная стая
Вьёт интриги, крутятся и юля.

Щирым (Александр Онищенко)

За всё придётся заплатить –
За печенюшки и майданы,
За рыхлой памяти провалы –
За всё придётся заплатить.

За всё придётся отвечать –
За лиходейства и измену,
За страх, расправы и обстрелы –
За всё придётся отвечать.

Вас не минует Божий суд,
Вам отольются кровь и слёзы –
Вас англосаксы не спасут –
Забудьте тешить свои грёзы.

Вам, щирым слугам Сатаны,
На всей Земле не станет места –
Вас ждут проклятье стылой бездны
И ужас вечной темноты.

Казачья песня (Влад Селецкий)

Эй! Казак, взмахни нагайкой!
Вороного не жалей!
И лети, как в море чайка,
В чистом поле ковылей.

С колокольным перезвоном
Пусть сольётся звон стремян,
Зачерпни воды из Дона
И от счастья будешь пьян.

Пусть блестит на солнце шашка,
Как ведётся испокон,
Чтоб жила станица наша
И наш батька - тихий Дон!

Чтоб жила твоя станица,
И чтоб вольной жизнь была,
Чтоб тебе краса-девица
Казачонка родила.

Сквозь огонь пройди и трубы
С плёткой, шашкой и конём!
Казаки, живите любо!
Живы будем - не помрём!

И пускай живёт Россия,
Казаки не подведут,
Всех врагов они осияют,
Все напасти изведут.

Пусть пшеница колосится,
Пусть в лугах стоят стада,
И пускай в донской станице
Песня слышится всегда.

Он работал на лопате... (Влад Селецкий)

Он работал на лопате...
Так шахтёры говорят,
И свои он силы тратил,
Чтобы выполнить наряд.

Уголёк рубил прилежно
Изо всех стараясь сил,
И улыбкой белоснежной,
Как фонариком, светил.

Хоть нелёгкок труд шахтёра,
Знал он - в шахте он затем,
Чтобы рос любимый город,
И тепло чтоб было всем.

Чтоб рекорд поставить новый,
Подарив его стране,
Чтоб домой прийти с обновой
И «люблю» сказать жене.

Чтобы рассказать сынишке
Про работу с угольком,
Ведь когда-то сам мальчишкой
Он мечтал быть горняком.

Рассказать чтоб о комбайнах,
Но не тех, что на полях,
О комбайнах, что с урчаньем
В пласт вгрызаются угля.

А потом опять к лопате,
А потом опять в забой,
Тот шахтёр не думал, кстати,
Что он истинный герой.

Что о нём напишут песни,
Как работал он и жил,
Как из шахты после смены
В степь донскую выходил.

...Он работал на лопате...
Как шахтёры говорят
И хребет он свой горбатил,
Видит Бог – совсем не зря...

А представши перед Богом,
Скажет, душу веселя -
Не суди меня ты строго -
Я давал стране угля!

Бессмертный полк (Влад Селецкий)

Гремят салюты Славы без конца,
России освещая уголки,
А души освящают и сердца
Бессмертные Российские полки.

Течёт рекой страны парадный строй
От Владика до западных границ,
И в каждой фотографии – герой!
Единый полк из миллионов лиц.

Бессмертный полк идёт на рубежи.
Берёт одну преграду за другой,
Не тихо похороненный лежит,
А миру заявляет, что живой.

Он на руках – поближе к небесам –
У сыновей, у внуков, у детей.
Кричит он вместе с ними: «Не отдам
Врагам Победу Родины своей!»

Живой навек, чтобы заткнулась пасть,
Вдруг осмелевших в наглости врагов,
Чтоб знали все – Победу не украсть,
Российских наших дедов и отцов.

Не скрыться от карающей руки,
И пусть навеки всякий враг поймёт -
Покуда есть «Бессмертные полки» -
Бессмертен весь Российский наш народ.

Честь имею (Влад Селецкий)

Пока в себе я честь имею,
Надеясь дальше с нею жить,
Я буду драться за идею,
За то, чтоб Человеком быть.

Я буду жить простым солдатом -
Претит мне званье – генерал.
Присягу, что давал когда-то,
Ещё никто не отменял.

А кто другой живёт идеей,
Продав Россию – мать свою,
Не по пути нам. Честь имею.
Я их людьми не признаю.

Россия рулит, пацаны! (Влад Селецкий)

Россия рулит, пацаны,
Втопив на всю педаль победы,
Чтобы боялись нас враги,
Чтобы гордились нами деды.

Над сворой НАТОвских волков
И над бандеровской скотиной,
Взметнулась, сбросив груз оков,
России грозная дубина.

Россия рулит, господа,
Сынов, отдавших жизнь, не предав.
Чтоб стягом реяла всегда
Над миром русская победа!

Я русский! (Влад Селецкий)

Мне повезло, мне очень повезло,
Что я живу сегодня, в это время,
И что врагам России всем назло
Мы русское своё сплотили племя.
Мне повезло на стыке жить эпох,
Эпохи «той», и новой – Возрожденья.
Мне повезло, что осознать я смог
Своей Руси Святой предназначенье.
Мне повезло, что так болит душа
За нашего российского солдата,
Который, спутав планы США,
Стал обнулять бандеровцев и НАТО.

Мне повезло, что русские сейчас
Так не подходят европейской норме,
Что на парадах мужики у нас
Идут не в стрингах, а в военной форме.
Я счастлив жить в решающий момент,
Мечта вдали вдруг стала очень близкой,
Мне повезло, что Путин – президент
И государь всея земли российской.
Мне повезло Петра потомком быть
И что стихов я Пушкина наследник,
Что школьник может с гордостью открыть
Российский исторический учебник.
Рад, что народ сегодня показал
Российский негибаемый свой мускул,
И что при этом гордо он сказал –
Смотрите и завидуйте – я русский!
Да русский я! И этим я горжусь!
И никогда той гордости не скрою,
Что Родина моя – Святая Русь!
И русским быть мне выпало судьбою!

Песня о погибшем солдате (Влад Селецкий)

В боях он смел был и отважен,
В свои неполных двадцать лет,
Теперь лежит он в камуфляже
С пробитой пулей буквой Зет.

Атака шла, гремели танки,
Стоял войны тревожный гул,
А на ромашковой полянке,
Казалось, парень тот унул.

Блестит на солнце медный крестик,
Наш, православный, на груди.
Не скажет больше он невесте
Слова заветные любви.

И маму больше не обнимет,
И песню с другом не споёт,
И солнце для него отныне
Над головою не взойдёт.

Лежит обвитый он цветами,
И в тот, казалось, смертный час,
Как будто землю он руками
Хотел обнять в последний раз.

Багрянец небо разукрасил,
Склонилось солнце на закат,
За честь и правду на Донбассе
Погиб Российский наш солдат.

Народной памяти достоин
Солдат, защитник и герой.
Покойся с миром, русский воин.
Мы не забудем подвиг твой!

Когда умрёт... (Влад Селецкий)

Когда умрёт последний русский,
Все реки повернутся вспять.
Исчезнут совесть, честь и чувства,
И звёздам больше не сиять.

Когда умрёт последний русский,
Когда исчезнет русский дух,
На всей планете станет пусто,
И мир бесцветным станет вдруг.

Не станет русского балета,
Пожухнут русские поля,
И гениального поэта
Не явит русская земля.

Затихнут звуки балалаек,
Гармошек, дудок, бубенцов,
Не станет русских сказок, баек,
Ни песен дедов и отцов.

Не станет русского раздолья,
Порвётся русский хоровод,
А вместо русского застолья
Войдут хот-доги в обиход.

Когда истает дух российский
И канет в Лету русский край,
Заменят водку шнапс и виски,
Маца заменит каравай.

Патриотизм заменят деньги,
Любовь запишется в контракт,
А таинство совокупленья
Заменит пошлый порноакт.

Не защитит солдат российский
Чужую слабую страну,
И впишет ад в живущих списки:
Иуд, чертей и сатану.

И наконец-то англосаксы
Устроят свой кровавый пир,
Погибнет рубль, а евробаксы
Все души скупят и весь мир.

Когда последний русский встанет
На край могилы, уходя,
Земля Землёй быть перестанет,
И Бог заплачет, как дитя.

Но умирая, на излёте,
Он закричит вдруг в пустоту:
– Да хрен вам, твари!
Не дождётесь!
Я всех чертей переживу!

Пусть знает мир – Бог не заплачет,
И не иссякнет русский род,
Бог любит Русь, а это значит –
Последний русский не умрёт.

И злыдней помыслам не сбыться,
Не повернуться рекам вспять,
Хоть перекосятся их лица –
Русь в пыль забвенья не втоптать.

Россия раны все залечит,
Сто раз пройдёт и Крым, и Рим,
Пусть знают все, что русский вечен!
И Русский Дух неистребим!

Мне стыдно за тех...
(Ольга Сполохова)

Мне стыдно за тех, кто бежит из страны –
От Бога не скроешься, нет.
Никто не избегнет священной войны
За душу, за истины свет.

Великое время крещения пришло –
Проверки на совесть и честь:
Дух сильных низвергнет фашистское зло,
Неся благодатную весть.

Бегите, от совести не убежать –
догонит, накроет, спалит
огнём Божьей искры... Поднимется рать
во славу родимой земли.

Не первый раз дышим, известен итог –
Враг будет разбит до конца!
Пока сберегается русскими Бог,
они под защитой Отца...

Верните Сталинград!..
(Александр Вольф)

В мороз с февральскою порошей –
Я очень этой дате рад –
Мы устояли с тяжкой ношей
И не отдали Сталинград!..

Вся в оспинах от взрывов площадь,
Нет уцелевших зданий... Взгляд
На толпы пленных – тусклых, тощих...
Что? Посетили Сталинград?

А наши воины прекрасны.
И я меж них, и рад стократ.
Слеза по жертвам не напрасным...
Мы отстояли Сталинград!

За каждым домом имя: Павлов,
Василий Зайцев, Иванов...
Полмиллиона пало славных
России-матери сынов.

В раздумьях я: а не пора ли
Потребовать вернуть обрат? –
По высшей – божеской морали –
Народу город Сталинград!

Дядя-солдат
(Александр Вольф)

*Владик Шихов, 5 лет, убит во дворе
собственного дома на Донбассе.*

Не родился я в жизни мирной,
Взрывы слышал и пули свист.
Дядя, где-то вдали, настырный,
Нас в прицелы ловил, садист...

На тебя не в обиде, дядя,
Может, ты не в меня стрелял,
В перекрестье прицела глядя,
Отодвинув хмельной бокал.

Долго-долго живите, дядя,
«Вечным жидом» несите крест.
Мой век вами вчера украден,
Я простил вас претензий без.

Если сына макушку глядя
или дочки, вдруг вспомнишь нас –
Всех, убитых тобою, дядя,
Объясняя, сошлись на приказ.

Мне не больно, мамуль, нисколько.
Жалко только, что в первый раз
Без меня в класс войдёт друг Колька:
Дверь тот дядя закрыл мне в класс.

Ну не плачь так, не надо, мама!..
Ты звала меня – «мой пострел».
Говорят, время лечит раны...
Я тебя оставлять не хотел.

МУРКА-РАЗВЕДЧИЦА

К весне дед Егор немного захандрил, видимо, сказывались старые раны и болячки.

«Ничего, — подбадривал Егор сам себя, — уже февраль на исходе, скоро весна, а там — майские праздники и самый желанный — День Победы! Встречусь с друзьями-ветеранами, вспомним прошлое. Эх, дожить бы...»

Но под сердцем закололо — о себе напомнил осколок разорвавшейся мины. Он принял таблетку и прилёг. Лучше не стало: голова шла кругом, не хватало воздуха, и вдобавок ко всему появились слабость и тревожное чувство обречённости. Прошло несколько минут, приступ стал уходить. Егор открыл глаза и увидел на своей груди кошку Мурку. Касаясь его лица упругими усами и своим носом, она словно спрашивала: «Что с тобой?»

Почувствовав себя лучше, дед Егор приподнялся; он не понял, что помогло ему: действие лекарства или кошка, пытающаяся своим вниманием вернуть его из состояния забытья. И это не было чем-то удивительным; кошка и раньше, когда ему нездоровилось, терлась головой о его ноги, а затем усаживалась на больное место или просто на колени и тархтела свою однотонную мелодию. И становилось легче: боль проходила, а нахлынувшая грусть исчезала — ну чем не доктор? У неё и шерсть была белая, словно медицинский халат, да и в завершение образа лекаря — добрый и спокойный взгляд.

Тем не менее являясь по природе хищником, Мурка не забывала и о своих прямых обязанностях. Дед Егор однажды увидел, как в курятнике она не на жизнь, а на смерть схватилась с большой серой крысой, пытавшейся утащить цыплёнка. Победа над серым хищником далась ей нелегко, крыса покусала кошке лапы. Дома, оказав ей медицинскую помощь, дед Егор рассказал своей супруге про Муркин подвиг. И тут на него нахлынули воспоминания.

Мысли унеслись в 1942-ой год, в Сталинград, куда он будучи молодым, но уже опытным бойцом был направлен в войсковую разведку. У разведчиков была кошка, и тоже — Мурка. В ту далёкую зиму непрерывно атакуемый врагом го-

род представлял собой жуткое зрелище: частично или полностью разрушенные дома со стенами, испещрёнными пулями и осколками снарядов; на улицах — сгоревшие деревья, поваленные фонарные столбы, горы кирпича, железной арматуры, обломков плит и осколков стекла. На земле кровь, трупы солдат и погибших от бомбовых ударов жителей города. И повсюду витающий в воздухе, невидимый, но остро ощущаемый дух смерти, навязывающий мысль, что сама по себе человеческая жизнь ничего не стоит, — она настолько хрупка, что может оборваться в любое мгновение. Нет, картины тех страшных дней дед Егор не забыл — их по-прежнему хранила его память.

Разведчики располагались в здании бывшей столовой на территории завода, практически полностью разрушенного вражескими бомбардировками. Сохранились лишь отдельные здания цехов и административные одноэтажные корпуса, примыкавшие к проходной. По территории завода проходила линия обороны. Здесь и предстояло воевать Егору. Вместе с другими бойцами он прибыл с противоположного берега Волги для выполнения поставленных командирами задач.

Егор зашёл в штаб полка. На полу, у деревянной стойки гардероба, лежали ящики с патронами. Сидя на лавке у стены, оживлённо беседовали бойцы. Рядом с ними на стуле сидела кошка, тщательно облизывая свою полосатую шкурку.

Егор доложил о прибытии и в ожидании вызова присел на свободный стул рядом с кошкой. Она отвлеклась от своего занятия и уставилась на Егора большими выразительными глазами. Что-то в её взгляде ему показалось необычным: кругом война, где от боли и жестокости чувства притупились, и вдруг такой наивный, полный доброты взгляд. Егор улыбнулся. Кошка, внимательно осмотрев его, решила, что Егору можно доверять, после чего по-дружески устроилась у него на коленях. Поглаживая её, Егор ещё не знал, что ждёт его на новом месте, но судьба уже сама распорядилась за него.

В один из дней ему предстояло проникнуть на вражескую территорию, чтобы узнать место скопления сил противника

и его огневые точки, а потом полученные сведения срочно доставить в штаб. Однако сделать это было нелегко: в дневное время дорога была под огнём снайперов и пулемётчиков.

Тогда Егор с удивлением узнал, что кошка Мурка, которую он встретил в штабе в день своего прибытия в часть, была настоящим разведчиком. До войны она жила в заводской столовой, а когда там организовали штаб полка, то её как-то само собой мобилизовали на службу. Она доставляла полученные разведчиками сведения в штаб, в место своего проживания. В радиусе трёх-пяти километров от штаба кошка безошибочно ориентировалась на местности и с помощью своего природного чутья всегда возвращалась обратно, доставляя важные сведения. Они содержались в записке, закреплённой разведчиками на небольшом ошейнике из кожаного ремешка.

Мурка против этого не возражала, ответственно выполняя порученные ей задания. По большому счёту она тоже воевала и внесла свой, пусть и небольшой, вклад в победу, оставшись малоизвестным участником Сталинградской битвы, унесшей жизни миллиона русских солдат.

После нескольких удачно выполненных операций кто-то из солдат в шутку прикрепил на её небольшом кожаном ошейнике знак воинского звания в виде эмалевого треугольника — знак отличия младшего сержанта. Хотя вряд ли Мурку интересовали воинские звания — больше всего ей, не избалованной судьбой, бродячей кошке, хотелось простого человеческого внимания, доброты и ласки. Можно было только догадываться, что пришлось ей пережить во время этих боевых операций, — ведь доставка сведений в штаб не являлось легкой прогулкой — это был трудный и полный опасностей путь, где ей встречались многочисленные враги — бродячие собаки. Голодные и одичавшие, они с громким лаем бросались на всё, что двигалось. Поэтому Мурке порой приходилось скрываться от них в подвалах, пережидая возникшие опасности.

Однажды Мурка убегала от преследующей её собаки, и в этот момент начался артобстрел. Такого грохота она не слышала никогда. Мурка неслась быстрее пули, но и преследующая её собака не отставала. В какой-то момент она даже схватила её зубами. Мурка почувствовала боль в

задней лапе, но у неё было единственное желание — уйти от погони и выжить. Она заскочила на обрушившуюся железобетонную плиту и оказалась в относительной безопасности. Было морозно, но особо неприятны были холодный, пронизывающий ветер и грохот разрывающихся неподалёку снарядов, заставляющих каждый раз вздрагивать. Через несколько минут Мурка замёрзла. Похоже, что и собаке стало зябко, она скрылась в подвал. Воспользовавшись этим, Мурка спустилась со своего укрытия и бросилась бежать, но неожиданно столкнулась с большой серой крысой. Оскалив страшную пасть, та, не сводя злых глаз с Мурки, начала пятиться в сторону дома, где её за спину внезапно схватила собака, высунувшаяся из подвала.

Выжить в этой схватке у крысы не было никаких шансов. Пока собака разбиралась с крысой, Мурка бросилась вдоль дома, перепрыгивая на ходу обломки кирпичей, камней и поваленных деревьев. Кругом был настоящий хаос: взрывы, яркие вспышки каких-то огней и невыносимый запах копоти. Снег, недавно выпавший, был грязно-серый и лишь в отдельных местах неестественно чист. Мурка хватала его зубами, пытаясь хоть немного утолить жажду. Останавливаться ей не давал страх. В таком сумасшедшем темпе Мурка быстро добралась до штаба.

Снимая с ошейника записку, дежурный офицер увидел у кошки рану на задней лапе и попросил санитара её обработать. Хорошо ещё, что укус собаки пришёлся в мягкую ткань; если бы пострадала кость, все было бы намного хуже. И ещё Мурка отморозила уши.

Прочитав записку, капитан даже присвистнул, оценив важность доставленных сведений. В ней были отмечены места, где находились танки и прочие мобильные силы противника. Собирая эти данные, Егор проник на нейтральную территорию, где на крыше высотного дома в течение нескольких часов вел наблюдение за вражескими позициями. Отметив координаты важных целей, он отправил полученные сведения с Муркой.

Вскоре реактивные миномёты «Катюши» ударили по обозначенным в записке местам, уничтожая технику и живую силу противника. «Мурка дошла!» — радостно подумал Егор. В бинокль он увидел, как загорелись два танка, а затем вспыхнул

находящийся поблизости склад с горючим. Обстрел ещё продолжался, а Егор, решив, что немцам сейчас не до него, покинул свое укрытие. Обратный путь оказался безопасным, и примерно через полчаса он был уже в штабе.

Егор глазами искал Мурку, но её нигде не было. От дежурного он узнал, что кошка поранила лапу и отморозила уши. Ей хотели оказать медицинскую помощь, но в руки она не далась, а убежала и спряталась за ящиками с патронами. Только под вечер Мурка вылезла из своего укрытия. Она жалобно мяукала, чесала лапами уши и терлась ими о свёрнутое одеяло, лежащее на тумбочке. Егора она подпустила, и он осторожно смазал ей уши мазью, оставленной санитаром. Рану на лапе Егор обрабатывать не стал, так как она уже затянулась и кошку не беспокоила.

Процедуру лечения ушей Мурка переносила спокойно, проявляя явное безразличие к окружающим, словно говоря, что с ней поступили несправедливо, устроив такое суровое испытание. Возможно, у неё случился стресс: она не реагировала на знаки внимания и пренебрегала лаской, а потом вообще отошла в глубь коридора и села ко всем спиной, выразив свое отношение к происходящему.

Егору было жалко кошку, но в то же время он понимал, что ей еще не раз придется пойти с ним в разведку. И если разведчик знал, во имя чего он ежедневно рискует жизнью, то Мурка вряд ли понимала, зачем её такую добрую, ласковую и нежную забрали на войну и подвергают тяжёлым и страшным испытаниям.

Несмотря на все трудности и лишения, Мурка продолжала нести нелёгкую службу. Доставив очередную записку в штаб, она подбегала к столу дежурного и мяукала, будто докладывала о выполненном задании, хотя на самом деле просила еду. Случайно увидевший эту картину командир дивизии был в немалой степени удивлен. Конечно, Мурка не знала устав и, минуя генерала, сразу подбежала к дежурному офицеру, но ей это было простиительно. Тогда ещё кто-то пошутил, что не худо бы кошке сначала у генерала спросить разрешения.

После полученного ранения и обморожения Мурка несколько дней отдохнула, а потом её снова привлекли для вы-

полнения очередного задания. С целью выявления огневых точек противника Егор ночью проник на вражескую территорию, где в одном из разрушенных высотных домов занял удобное место для наблюдения. Мурка сидела в рюкзаке, высунув из него голову. Ей хотелось выбраться из него и пуститься в обратный путь, но приходилось ждать. Успокаивало то, что рядом был разведчик, ласково тербивший её за шкурку.

Вскоре наступило утро, и вражеские позиции стали видны как на ладони. Наблюдая их в бинокль, Егор обнаружил немецкую батарею и укрытые маскировочной сетью танки. Стало понятно, что враг накапливал резервы для наступления, намереваясь прорваться к Волге и опрокинуть наши войска в реку. Отметив в записке расположение вражеских объектов, Егор услышал начавшуюся стрельбу – в двухстах метрах от него завязался бой: немцы пытались взять штурмом здание, но, получив отпор, отошли. Выстрелы стихли.

Егор понял, что сопротивление врагу оказывают наши бойцы, попавшие в окружение. Он указал в записке дом, где шёл бой, и отправил Мурку в штаб; сам же стал ждать наступления темноты, чтобы под её покровом вернуться обратно. В своём укрытии разведчик был в относительной безопасности, так как немцы без надобности не совались в разрушенные здания. Кроме этого, в случае обнаружения он мог укрыться в расположенном неподалёку канализационном колодце. Егор обследовал его ночью, обнаружив на расстоянии примерно пяти метров небольшое тупиковое ответвление влево размером в два квадратных метра, вполне пригодное для временного укрытия. В глубину колодца он не проник, но видел уходящий в темноту ход.

Был полдень. Устроившись у стены, Егор ждал наступления сумерек и тут он снова услышал выстрелы и немецкие команды. Выглянув в окно, увидел – немцы, окружив дом плотным кольцом, вновь начали атаку. Один из вражеских солдат, пытаясь бросить в окно гранату, упал, сраженный ответным огнём из осаждённого дома. Несколько фашистских гранат всё же попали в проемы окон. Раздались взрывы. Сопротивление в доме ослабло, но окончательно не прекратилось. Были слышны отдельные винтовочные выстре-

лы сопротивляющихся защитников. В какой-то момент Егор заметил, как к проёму подвала, откуда велась стрельба, скрытно пробирается группа немецких солдат. У одного из них за спиной был бачок, а в руках длинное приспособление в виде металлической трубы. Подобравшись к подвалу, немецкий солдат направил в проём окна длинную струю пламени. Это был огнёмёт. Фашисты пытались сжечь сопротивляющихся солдат, направляя сильное пламя огня в подвалы и оконные проёмы первого этажа, откуда ещё продолжали звучать выстрелы.

Смотреть на это не было сил. Егор, поддавшись эмоциям, вскинул автомат и прицелился, понимая, что обнаружит себя. Прозвучала короткая очередь, и пробитый пулями бачок огнёмёта вспыхнул, как факел, охватив огнём немецкого солдата. Подбежавший на помощь немец получил от разведчика несколько пуль в спину и упал рядом. Фашисты застыли на месте и стали осматриваться по сторонам, пытаясь понять, откуда стреляли. А в это время к ним прилетела граната, брошенная защитником дома. Раздался взрыв, и Егор увидел, как прижавшиеся к стене дома трое фашистских солдат упали на землю, сраженные разлетевшимися осколками. Штурм дома прекратился.

Понимая, что сейчас немцы начнут искать его, Егор бросился к своему укрытию. Быстро отодвинув крышку, он юркнул в отверстие, закрыв за собой колодец. Затаившись, услышал отдалённую немецкую речь. Вскоре всё затихло, но ещё не менее часа Егор находился в укрытии, прежде чем решил его покинуть. Потихоньку отодвинув крышку, он увидел удаляющиеся фигуры немецких солдат в серых шинелях. Егор осторожно стал закрывать колодец, но вдруг увидел немецкого офицера в кожаном плаще. Тот знаками давал указания солдатам, прочёсывающим территорию. Заметив Егора, офицер громко прокричал команду и открыл огонь из пистолета. Две пули попали в бетонную плиту, совсем рядом с Егором, третьего выстрела офицер не успел сделать, так как, прошитый автоматной очередью упал на землю. Этим себя разведчик и обнаружил.

Немецкие солдаты бросились к колодцу. А Егор уже полз на коленях по бетонному полу подземного хода, стараясь как можно быстрее уйти с линии возмож-

ного поражения. Он понимал, что немцы, скорее всего, рисковать не будут и в колодец не полезут, но непременно бросят в него гранату.

Путь до небольшого ответвления внутри бетонного короба, где можно было затаиться, составлял не более пяти метров, и боец преодолел его за несколько секунд. Едва он оказался в безопасном месте, как раздался мощный взрыв, оглушивший его. Один из осколков, отскочив от выступа стены, больно кольнул в плечо. Ощущение было такое, что ударили ножом. Егор приготовился к обороне: достал две имеющиеся у него гранаты, запасной диск автомата и пистолет. Из-за взрыва гранаты он ничего не слышал; из ушей текла кровь, плечо пронизывала сильнейшая боль.

Спускаться в колодец немцы, конечно, не рискнули — они просто завалили люк, исключив возможность его открыть. Через час, когда все успокоилось, Егор возвратился к люку и попробовал его приподнять, но сделать это оказалось невозможно. Теперь у него был единственный путь — уходящий в темноту проём вдоль большой металлической трубы. Егор надеялся, что где-то там должен быть выход. Но если там тупик, тогда он в запад-не.

«Хорошо ещё, что успел выполнить задание и передать сведения в штаб», — успокаивал себя Егор, стараясь не думать о том, что ждёт его впереди. Возможности осмотреться вокруг не было: у фонарика разбились стекло и лампочка, а спичек у него не было, поэтому пришлось на ощупь ползти по бетонному коробу вдоль трубы. Вскоре он обнаружил в проёме ответвление вправо, что немного успокоило. Появилась надежда на спасение. Но это оказался тупик, ведущий вниз. Егор бросил перед собой камень и услышал всплеск воды. Возвратившись обратно, боец продолжил движение. Он полз по ледяному бетону, натыкаясь на камни и остатки арматуры. Оглушённый взрывом, Егор не слышал крысиного писка, а замёрзшие пальцы не чувствовали прикосновения серых хищников; только один раз ощутил сильную боль в ладони, поняв, что его укусила крыса, которую он случайно прижал рукой. Егор взял камень, бросил его вперёд, чтобы напугать отвратительных грызунов, и снова продолжил движение. Пальцы и колени

были изодраны в кровь, а раненое плечо и спину пронизывала нестерпимая боль; вдобавок ко всему навалилась сильная усталость. Егор чувствовал, что силы покидают его, но не сдавался: продолжал двигаться вперёд, преодолевая боль, холод и усталость.

Сколько прошло времени, разведчик не знал, но вот он почувствовал, что проём расширился — это был колодец. Попробовал встать, но разогнуться во весь рост сразу не смог. Тело затекло. С большим трудом Егор выпрямился, забравшись по металлическим ступенькам, попробовал осторожно приподнять чугунную крышку люка. Она отодвинулась, и дневной свет заставил Егора зажмуриться. Вскоре глаза привыкли, он осторожно осмотрелся по сторонам. Понял, что находится на нейтральной территории, совсем недалеко от наших позиций и штаба. От этого стало легче, неизвестно откуда появились силы.

Егору вроде бы и повезло — он выбрался из своего заточения живым, но по пути в штаб удача отвернулась от него: он попал под артиллерийский обстрел и был найден лежащим на земле без сознания нашими бойцами, возвращающимися с задания.

Судьба хотя и устроила разведчику суровое испытание, но все же была благосклонна к нему: несмотря на серьёзное ранение в грудь, он выжил. Егор не знал, что в тот же день от взрыва вражеского снаряда пострадала и Мурка. С запиской на шее её случайно обнаружили наши бойцы. Присыпанная землёй, она лежала на краю воронки, не подавая признаков жизни и вытянув лапы. Её опознал один из разведчиков. Когда он снимал ошейник с запиской, то понял, что кошка ещё живая. Мурку принесли в госпиталь, где санитар отказался её принять, чем вызвал возмущение у доставивших её солдат.

— Что значит не возьмёшь? Ты знаешь, что она для нас значит? — вспыхнул один из разведчиков, хватая санитар за халат.

— Дайте мне кошку, — вмешалась в конфликт молодая медсестра. Девушка осторожно взяла Мурку и унесла её в помещение госпиталя. Разведчиков она успокоила, сообщив, что обязательно ей поможет — сразу, как только появится свободная минута. Своё слово девушка сдержала. Очнувшись Мурка на следующий день. Израненная, с пятнами зелёнки

на голове и спине, с перевязанной передней лапой и отмороженными ушами она бродила по госпиталю.

Егор пришёл в сознание на второй день после ранения. Увидев мелькнувшую в проёме двери Мурку, он сначала не поверил своим глазам. Но когда кошка, прихрамывая, прошла обратно, он громко позвал её. Услышав знакомый голос, Мурка замерла и осторожно заглянула в палату. Узнав Егора, она с поднятым хвостом, радостно урча, подошла к его кровати, запрыгнула и стала ласкаться.

Рассказ Егора о подвигах Мурки вызвал у соседей по палате живой интерес. Вскоре молва о героической кошке облетела весь госпиталь. Каждый раненый, если мог ходить, непременно хотел её увидеть, угостить чем-нибудь вкусным, а то и просто погладить.

Наверное, жизнь была несправедлива к Мурке, ведь Егора за последнее выполненное задание наградили орденом, а её, доставившую ценные сведения и получившую боевое ранение, оставили ни с чем. Да что говорить, её даже в госпиталь не хотели принять. Но не это было главным для Мурки. Здесь, в госпитале, у неё был друг и хозяин — Егор. Он с самой первой встречи показался ей своим, близким. До войны у неё тоже был друг — повар из заводской столовой. Для неё, как и для людей, начавшаяся война была трагедией, изменившей жизнь и судьбу.

Днём у Мурки в госпитале были свои дела, и она где-то гуляла сама по себе; потом сидела на медицинском посту, где её подкармливали раненые солдаты. А ночью, устроившись у Егора в ногах, она спокойно спала, свернувшись калачиком.

В соседней палате лежал раненый корреспондент военной газеты. Его заинтересовала история отважной кошки, впоследствии он написал небольшой очерк о необычном четвероногом бойце. Правда, об этом Егор узнал уже после войны.

Из-за осколка, оставшегося рядом с сердцем Егор вышел из госпиталя инвалидом. Было ему тогда девятнадцать лет. Узнав о таком решении военно-врачебной комиссии, он был в растерянности, не представляя свою дальнейшую жизнь. В таком состоянии легко упасть духом и смириться с тяжёлой участью, но солдат решил по-другому: жить дальше не отчаиваясь, пусть столько, сколько отмерит судьба. Это была победа воли над отча-

янием после решения врачебной комиссии. Егор понял, что в жизни не болезнь должна диктовать условия, а воля и сила духа.

Укрепиться в этом ему помогли друзья, врачи и особенно медсестра по имени Татьяна. Её впервые Егор увидел, очнувшись после ранения. Она тогда улыбнулась и вызвала врача, а потом, проявляя внимание и заботу, несколько дней ухаживала за ним. Впрочем, так она относилась ко всем раненым. Общась с ней, Егор узнал, что до войны она проживала в Смоленске и в первый месяц вражеских бомбардировок потеряла родителей. За месяц, проведённый в госпитале, они успели подружиться.

Чем больше Егор общался с Татьяной, тем чаще ему хотелось ее видеть — даже просто быть рядом. И вроде обычная девушка, не красавица, а ведь тронула невидимые струны души Егора своей добротой и вниманием и стала для него особенной — единственной и неповторимой.

Перед отъездом Егор тепло попрощался с Татьяной. Договорились, что он

ей напишет. В его родном Свердловске был медицинский институт, куда девушка собиралась поступать. Через несколько часов поезд увозил его на Урал, домой, на коленях у него, свернувшись калачиком, лежала Мурка.

Родители были счастливы, что сын вернулся с фронта живым. А потом приехала Татьяна поступать в институт. Они вместе учились, поженились, работали врачами и прожили долгую и счастливую жизнь. Хотя почему прожили? Они и сейчас живут.

Жаль только, что Мурка из-за полученных боевых ранений прожила всего несколько лет. Но нынешняя её далекая родственница, тоже Мурка, в полном здравии. И пусть она другой окраски, но такая же добрая и ласковая, и в то же время — боевая.

После войны знакомый корреспондент прислал Егору вырезку из газеты о Мурке. В ней были такие слова: «Она показала себя достойным защитником Сталинграда, и нельзя не дать высокую оценку таким действиям, будь то кошка или человек».

* * *

Последний тёплый вечер, а за ним
Холодная зима и неизвестность.
Пусть каждый будет ангелом храним
За стойкость в испытаниях и честность.
Настало время миру повторить,
Что русские слова от высшей силы!
Одной судьбы повязана нам нить
От первого мгновенья до могилы.

* * *

Запад приносит дым –
Значит, не кончен бой.
Где-то за нас с тобой
Сгинуть им – молодым!
Кровью одной залит
Мир православный весь.
Там, где в нём сердце есть,
Киева Русь болит...
Борется зло с добром,
Бьёмся: за мостью – муть!
Только враги не здесь,
А за большим бугром
Из черепов войны
И нерождённых душ –
Всех, кто во след уйдут,
В прошлое без вины.

* * *

Война любая мира не отсрочит.
Когда устанут землю обагрять,
Настанет утро после долгой ночи:
Из моря крови выльется заря.
Забрезжит свет над реками окопов,
Впадающих в один большой – на всех –
Гражданский –
самый страшный из потоков –
До края судьбоносных наших вех.

* * *

Ничто не происходит просто так.
Всё матрицею связано незримо:
И тьма, и свет, и зло, и доброта
По правилам живут соизмеримо.

Всё ноль и единица – может быть,
А может – по восьмёрке – повторенья.
Ни помнить не дано нам, ни забыть
Свои или чужие озаренья...
Мы строим путь, что выбирает нас,
И каждый шаг – зубец на шестерёнке.
Мы сверху – вниз, покорно, ещё раз,
Песок времён, стекающий в воронке.

* * *

В паутине дней
Мотылёк-судьба.
Нити рву сильней –
Только зря борьба.
Кто рождён в сети,
Пауком не став,
На огонь летит,
Не живёт до ста...
Паукам – обед
Не душа, а плоть.
Выбираю свет!
Покажи, Господь!

* * *

На этой шахматной доске мест нет,
Но каждый видит не чужой – свой след,
И всякий хочет совершить шаг-ход,
Наивно думая, что – вот – шанс тот!..
Но право выдано другим – нам – пат.
Родился, пожил – умирай – шах... мат.

Летний дождь

День зелёный земной
Самой летней поры
Мочит дождик грибной
Под восторг детворы.
Каждый листик – ладонь,
Ловит неба прибой.
Мир растёт молодой
Прямо вместе с тобой!..
Не считаю я лет,
Мне милее дожди.
Много дождиков мне:
Скоро сорок один.

* * *

Стрекочет ночь. Июльское окно
Вздыхает разнотравьем горько-сладким.
Глазам привыкшим вовсе не темно.
Сознание до краёв отрешено –
Как будто я не дома, а в палатке.
И так легка бессонница моя,
Что кажется: на сон она похожа.
Глаза открыты смыслу бытия,
Смотрю, свои тревоги не тая,
Но никого на свете не тревожа.

* * *

Синева журавлиная
Плавит золото – в медь...
Красота неповинная –
До снегов переметь.
Клонит север распятия
Оголённых ветвей,
Тянет осень объятия:
– Мы единых кровей!..

Слышу крики-прощания
Ещё долго внутри.
Ни к чему обещания,
Просто вслед посмотри.

* * *

Ты пришла в золотом,
Ослепительно медном,
И в сознание наследном
Тихо ожило то,
Что зовётся тоской,
И любовью зовётся,
И на веточке бьётся,
Чуя белый покой...
Я смотрел и молчал
В эти яркие дали,
Что со мной увядали
От начала начал.
Ты с дождями ушла,
Бросив брэнное – ветру.
Осень – страсть без ответа,
Ты красивой была.

Сентябрь

Навстречу уходящему теплу
Сентябрьского маленького лета
Иду, и так легка прогулка эта,
Шагал бы вдаль всю жизнь и пел хвалу
Природной красоте и правоте
Всего, что было создано не нами,
Того, что называю именами
Удобными на взгляд и право тех,
Которые придумали тепло,
И листья золотые под ногами...
И всё, что уместилось в этой гамме
Цветных и непонятных миру слов.

* * *

Стёганое небо-одеяло
Утро укрывает октябрь.
Долго бабье лето простояло,
Стужей обернувшись втихаря.
Белая крупа летит – на пробу –
Время наступило – путь торить –
Прямо – от сырой земли – к сугробу,
И опять – к земле, держу пари...
Сколько раз такое повторится,
Если зачастили октябри?..
Знаю: поживём..., как говорится,
Было бы о чём поговорить.

* * *

Тянет клён при встрече пятерню
Золотую, пробы неизвестной, –
Красоту живой руды древесной –
Той, что выше золота ценю.

Здравствуй, брат мой – клён на берегу,
Над рекой, пока ещё свободной,
Ты мой дух природы первородной –
Тот, что больше жизни берегу.
В пояс, осень, кланяюсь тебе,
Ветреные листья поднимая,
Ты, как мать моя глухонемая,
Тихая и верная в мольбе.

* * *

Мне снова скажут: «Как устали мы
Жить в захолустье, посреди зимы!»
Я улыбнусь и просто промолчу,
Ведь жить в раю с такими не хочу.

* * *

Песчаный берег жизни – место силы.
Здесь над рекою красочный закат,
Мгновенья неба – мастерские спилы.
Картинка мира – редкостный агат.
Бегут секунды, гаснет солнца пламя,
Проходит счастье жилкой красоты,
Но остаётся радостью – на память
Всё то, что видел в этот вечер ты.
И, может быть, однажды повторится,
И снова станешь счастлив ты и рад:
В руках твоих в агате отворится
Тот самый берег жизни и закат...

* * *

Посидим на завалинке:
Я и рыжий мой кот.
В полисадничек маленький
Жизнь тихонько идёт:
Распускаются листики –
Будет яблони цвет.
В переписке-статистике
Нет нас, Васенька... нет.
И деревни название
Ветер времени стёр.
Греет солнышко раннее,
Что огромный костёр, –
Неподвластный логистике
Мир-картинку-лубок...
Нас не видят статистики –
Видят предки и Бог.

Виктору Фёдоровичу Потанину

Седых волос пригладив вольный дым,
Вздохнёшь о том, что молодость не вечна,
Но добрым словом, вечно молодым,
Продлится жизнь и станет бесконечна.

Ты встанешь здесь – на этом берегу –
Смотреть – на тот, что кажется далёким,
И годы-книги в мыслях пробегут,
Как облака, гонимы ветром лёгким.

И будет память – тёплая река –
Красна в объятьях летнего заката...
Поправит прядь уставшая рука,
И вновь пойдёт строка твоя куда-то...

* * *

Веточка очень тонкая
Станет вершиной дерева.
Верил в мечту не только я,
Бабушка – тоже верила...
Двое терпели тяготы:
Старость и юность ранняя.
Правдой жила сермягой ты,
Чистые видел грани я.
Тополь большой над холмиком
Подняли годы прошлые.
Вновь посижу за столиком,
Вспомню слова хорошие.
Ты говорила правильно.
Молодо было, зелено...
Истинно – то, что праведно,
Богу угодно сделано.
Верил в себя не только я,
Ты в меня свято верила.
Веточка твоя тонкая
Стала вершиной дерева.

* * *

Постучалась синичка в окно,
Заглянула и прочь улетела.
Что то было – мне знать не дано,
Может, промысел – Божие дело.
Накануне приснился отец:
Крепко-крепко его обнимая,
Я проснулся в ночной глухоте,
Сильно-сильно подушку сжимая.
Мы не виделись очень давно,
Но душа не всегда доля тела...
Постучала синичка в окно,
Заглянула и прочь улетела.

* * *

Поскрипим вдвоём со снегом:
Первый он и первый я.
Началась в окрасе пегом
Зимней жизни колея.
Соревнуется погода,
Не поспеть за нею мне.
Слякоть – рай для тихохода,
Для поэта – рай тройне!

* * *

Простая сорная трава,
Осенний снег простой,
Но вместе – чудо волшебства –
Наш мир необжитой.

Настало время открывать
Глазами и душой,
И в самом малом познавать
Талант зимы большой.
Этюд рождён едва-едва,
Но манит красотой
Простая сорная трава,
Осенний снег простой.

* * *

Дождь не спешит уходить,
Кажется, бродит внутри:
Топчется где-то в груди
И говорит, говорит
На языке ноября,
Странном и редком для нас.
Жалко, что нет словаря
На развороте окна...

* * *

Оранжевым серпом – по кромке поля –
Слепое время пожинает ночь.
Таится и моя в том жите доля,
Муки хорошей можно натолочь.
В душе желаний угли не остыли,
Я снова со словами потомлюсь,
Оставлю отдыхать, чтоб мягче были,
А утром свежим «хлебом» поделюсь...

* * *

Бродит в поле стая белая
Лютых северных ветров.
Спит держава запустелая –
Семь людей – на семь дворов:
Дремлет вор в наколках выцветших;
Спит вдова – труда герой;
Спит солдат – один из выживших –
На Великой на второй;
Свечку жжёт ведунья древняя,
Шепчет, клонится ко сну.
Снежный морок над деревнею,
А темно – на всю страну...
Дрыхнет пьяница в предбаннике:
Лёг под лавку на бочок;
Спит у печки, сидя в валенках,
Местный Ваня-дурачок.
Ссылный батюшка, в объятиях
И Морфея и Христа,
Видит бурю и распятия –
Правду Русского Креста.
А в восьмом доме случается:
В самый тёмный, страшный час
Свет надежды появляется
На соседей и на нас.

ВЕТЕР УДАЧИ

приключенческая повесть

От автора

Если я назову несколько имён: Томас Майн Рид, Роберт Льюис Стивенсон, Рафаэль Сабатини, Жюль Верн, Даниель Дефо, Вальтер Скотт, Джек Лондон, Джонатан Свифт, Луи Жаколио, Александр Дюма, Артур Конан Дойль, Вашингтон Ирвинг, Роберт Штильмарк, Александр Грин, Александр Беляев, Николай Гумилёв, Леонид Соболев, Вениамин Каверин... то у людей моего поколения, да и не только моего, возникнут весьма острые ассоциации. Вспомнится тот дивный мир приключений, что создавали эти авторы в своих произведениях — мчались мушкетёры на своих неутомимых конях, пробирались индейцы сквозь заросли дикого леса к лагерю бледнолицых, уходила в набег пиратская шхуна с отчаянными авантюристами на борту, стучали по коридорам старинного замка своими ботфортами ворвавшиеся разбойники, звенели клинки и блесело золото в трюмах испанских галеонов, шли на abordаж лихие корсары, поднимались на воздушном шаре воздухоплаватели, прорывались к Северному полюсу отважные первопроходцы...

Строгие литературные критики часто называли это кич-литературой, ну а мы, двенадцатилетние пацаны, не зная этого, упивались захватывающими историями и воображали себя на борту поднимающей паруса бригадины в «флибустьерском дальнем синем море» у изумрудных берегов экзотических островов.

Проводили мы за чтением этих книг времени вдесятеро больше, чем за приготовлением уроков и черпали из них многое, что потом пригодилось в жизни: настойчивость в достижении цели, верность мужской дружбе и своему слову, умение не пасовать перед трудностями.

Память о первых книгах, что оставили навсегда след в душе, и сподвигла написать эту повесть в том ключе, что полюбился с детских лет, чтобы

отдать дань тем литературным героям, что не забываются до сих пор. Конечно, эта книжка не без морали. Идея она всегда есть, потому что она бессмертна, как говорил известный персонаж. Но постарался я облечь всё в ту форму и нанизать на тот сюжет, что называется приключенческой литературой.

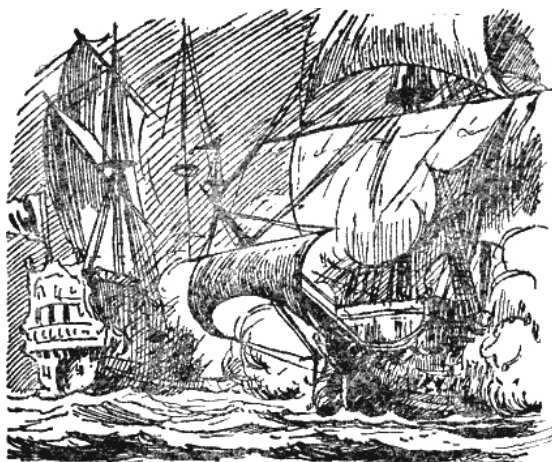
Ну, а если откровенно, то написана книга для того, чтобы юное поколение, прочитав, имело представление, чем мы жили в своём детстве, что нас увлекало и притягивало. А более для того, чтобы не терялась связь поколений и крепче была духовная ниточка, их соединяющая.

Последнюю главу до точки
В ночи писал до петухов,
А в памяти всплывали строчки
Далёкой юности стихов:

«Ковбои, мушкетёры, боцманы,
Авантюристы всех мастей,
Самой судьбой вы были посланы
На землю юности моей.

Глушили ром и дулись в карты,
И были горды и вольны,
И яркой нищетой богаты,
И шумным мужеством полны.

Ещё и до сих пор душою
От вас я, грешных, не отвык,
Литературные герои
В программу не включенных книг...»

Часть первая

КАПИТАН КЛЕЩ, ИЛИ ЗОЛОТОЕ СОЛНЦЕ

«Морские пауки — класс морских членистоногих. Обитают практически на всех глубинах, встречаются во всех морях. В настоящее время известно более 1000 современных видов. Морские пауки преимущественно хищники».

Большая российская энциклопедия

1. ДУБ И КЛЕЩ

В жаркий летний день 16** года в один из портов северного Средиземноморья пришёл торговый парусник с неоригинальным названием «Нептун». После манёвра на рейде корабль подошёл к причалу для швартовки. Когда якоря были отданы и кабестаны подтянули судно к причальной стенке, на берег сошли два человека, ни на матросов, ни на купцов непохожие. Даже среди живописно-неряшливых завсегдатаев порта они выделялись своим потрёпанным экзотическим видом. В двадцать первом веке их называли бы туристами, но четыре столетия назад более, чем на бродяг, они не тянули.

Первым сошёл с трапа среднего роста брюнет в грязно-красном жилете и такой же грязной льняной рубахе под ним. На вид ему было лет тридцать или чуть более, тёмный лоб пересекал неровный синеватый шрам, происхождением явно обязанный холодному оружию, а не дверному косяку.

Второй выглядел чуть старше, здоровенный верзила в короткой засаленной серого сукна куртке. По некоторым пятнам можно было догадаться, что куртка была когда-то синей. Он был на голову выше своего напарника и шире в плечах. Вместо левой кисти у него из рукава торчала бесформенная перчатка, а из правого рукава — величиною с добрую дыню кулак с помоланными грязными ногтями.

Вскоре они смешались с пёстрой суетящейся портовой публикой, состоящей из торговцев и моряков, рыбаков и приказчиков, деловых людей и бездельников, пассажиров, пробирающихся на судно, и ярких девок, пробирающихся к карманам матросов. И только по возвышающейся над толпой выцветшей шляпе великана

можно было проследить их путь в толпе.

Всего лишь пару месяцев назад эти двое пересекли Атлантику и прибыли на побережье Западной Африки с командой торговцев «чёрным деревом». В Европе же они оказались из-за конфликта с капитаном. Кто был более виноват в этом конфликте история умалчивает. Важен результат: прав тот, у кого больше прав, и приятели оказались за бортом работоргового судна.

Однако пора поближе познакомить читателя с нашими героями. Человека со шрамом звали Арно Мегеро... А может быть, родители его называли Арнольд, этого он и сам точно не знал. Да это и не имело ровно никакого значения, ведь в Береговом братстве, в кругу которого Мегеро обретался последние лет десять, его называли просто — Клещ, потому что в среде разбойников, даже если эти разбойники именуют себя корсарами или флибустьерами друг к другу обращаются по прозвищам. На самых свободных в мире островах Тортуга и Сент-Кристофер так оно удобнее, ведь там никто документов не спрашивает, а многим джентльменам её величества Удачи и вовсе не хочется вспоминать свои имена из прошлой жизни, которая у всех у них, естественно, была интересная. Особенно для людей в париках и судейских мантиях.

Клещ живо оглядывался по сторонам, ведь Порто-Рибера был его родной город, который он покинул пятнадцатилетним подростком, прихватив денежки своего папаши, владельца таверны «Белая акула». Это произошло, когда он сделал главное открытие своей жизни: деньги созданы для того, чтобы принадлежать ему, даже если они чужие.

По прошествии многих лет, набравшись ума и опыта, Арно, конечно, жалел о своём опрометчивом поступке. Тогда он украл деньги, которые его почтенный родитель приготовил для закупа товара и по неосторожности оставил в буфете. Но в спальне у папаши было припрятано изрядное количество золотых монет. И Клещ потом пожалел, что второпях не прихватил и их.

Сейчас он со своим приятелем прямомиком направлялся в дом своей юности — таверну «Белая акула». Папашу застать в живых он не надеялся.

Сопровождавшего Арно безрукого великана звали Питер Бульен. Впрочем, тот

тоже не настаивал в точности на этом имени. Прежде, чем примкнуть к Карибскому морскому братству, он успел послужить в нескольких армиях. Англичане и голландцы его звали Питер, испанцы – Педро, французы – Пьер, сокращая его фамилию до краткого Буль. А моряки с Тортуги прозвали Дуболомом, имея ввиду его незаурядную физическую силу, тоже сократив потом это прозвище до очень удобного в произношении – Дуб. Потерянную в абордажном бою кисть левой руки Дуб заменил железным крюком, который имел обыкновение закрывать перчаткой, во избежание любопытствующих взглядов.

2. В ТАВЕРНЕ

Мы можем только догадываться, какие чувства испытал Клещ, увидав знакомую красную вывеску. Жидкий дымок восходил к небу, топился очаг, кто-то готовил обед. Влажную каменную стену фасада прикрывал зелёный выюн. Пьяный матрос, выйдя из дверей, пытался приветствовать уличных прохожих похабной песней.

Мегеро толкнул тяжёлую дверь, и приятели вдохнули спёртый воздух тёмного помещения. Время было раннее, и в небольшом зале первого этажа было занято два стола: за одним два боцмана о чём-то спорили, бросив на стол береты с галунами и зажав в руках полупустые стаканы, за другим – четверо матросов играли в кости, перекрикивая друг друга.

Приятели сели за стол в углу. Попросив вина и по полфунта мяса с бобами, Клещ спросил подошедшего слугу с толстыми щеками и бакенбардами:

– Скажи-ка, приятель, кто хозяин этой таверны?

– Хозяйка, сударь. Хозяйка таверны – Луиса Мегеро, с тех пор, как её отец скончался пять лет тому назад, упокой, господи, его душу!

Когда слуга ушёл, Арно толкнул в бок своего друга:

– Дьявол меня побери, Пит, вместе с потрохами, если я не думал, что теперь сестра управляет всем этим хозяйством!

В ответ Пит изрёк, еле ворочая языком в набитом рту и выплёвывая слова вместе с бобами:

– Надеюсь, она приютит нас хоть ненадолго?

Клещ задумался:

– Разве что – ненадолго... Или похло-

почет, чтоб меня надолго приютила здешняя тюрьма. Тем не менее, поговорить с сестрёнкой надо, иначе какого чёрта мы притащились сюда?

В ожидании, пока слуга пригласит сестру, Клещ ковырял вилкой в зубах и гонял в голове множество мыслей, одна авантюреннее другой, Дуб пил вино, смотрел в потолок и мучился благородной отрыжкой.

Луиса Мегеро была недовольна тем, что её отвлекают от работы. Её совершенно не интересовали пустые разговоры с посетителями, которых она делила на две категории: пьяницы и бездельники. К пьяницам она относилась снисходительнее – они приносили больше дохода.

Оставив дымный очаг на попечение служанки, она прошла по тёмному коридору и вышла в зал, где было чуть светлее, благодаря нескольким маленьким окнам. Подходя к столу, за которым сидели двое бродяг, хозяйка таверны, ещё не узнав родного брата, интуитивно почувствовала, что её ждёт сюрприз из числа не очень приятных.

– Здравствуй, Луиса! – весело воскликнул Клещ, он встал и высоко приподнял шляпу с надорванными полями. Дуб не стал ни вставать, ни здороваться. В конце концов, это же не его сестра.

Луиса всматривалась в лицо оборванца, из коих в общем-то и состояла её клиентура, всё ещё не узнавая в нём близкого родственника, которого она, признаться, успела забыть в круговерти забот, целиком и полностью направленных на умножение капитала, оставленного покойным папашей. Ведь капитал, как свинья, требует, чтобы его постоянно подкармливали, иначе он испустит дух.

– Меня зовут Арно Мегеро..., – подсказал ей Клещ, видя, что сестра в растерянности.

– Ох..., – только и сказала хозяйка, опустившись тощим задом на лавку. Чуть опомнившись, она воздела руки к закопчённому потолку и воскликнула:

– И ты, негодяй, осмелился явиться в дом, который ты ограбил дочиста?! Да по тебе тюрьма плачет!

– Ну, ну! – успокоил её братец. – Не надо так кричать. Пусть она пока поплачет, ни дна ей, ни покрывки! Главное, ты не волнуйся. Пойдём поговорим спокойно где-нибудь в отдельной комнатке, – он, взяв за локоть, увлёк сестру из зала.

– Имей в виду, мерзавец, Леон тут же кликнет стражу, если ты выкинешь какой-нибудь фокус! – предупредила Луиса, глянув в сторону стойки, где наливал кружки щекастый с бакенбардами.

Они поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж под руку, как любящие родственники. Сестра ростом была чуть выше брата и совсем на него не похожа. Он был коренастый малый с правильными чертами лица, она – сухощава, с вытянутым лицом и острым носом.

«Ещё больше стала похожа на папашу», – подумал Клещ.

Брат и сестра такие разные внешне, внутренне были очень схожи – она за золотой готова была удавиться, он был готов убить любого. Есть люди, которые живут с деньгами, есть те, что живут без денег, а есть – которые живут для. Луиса и Арно относились к последним.

Разговаривали они больше часа. Разговор их можно разделить на две составляющих: эмоционально-родственную – брат и сестра всё-таки, и корыстно-деловую – о любви. К деньгам, разумеется. Если говорить о первой части, то у Луисы для передачи её родственных чувств в ходу были такие слова: разбойник, душегуб, проходимец и висельник. Отвечая сестрёнке, братец пользовался следующими терминами: скряга, мошенница, карга и старая шельма. Сестра была старше его на два года. Также он использовал и некоторые другие слова, часто употребляемые матросами, которые мы опустим из этических соображений.

Что касается деловой части разговора, то Луиса предупредила брата, что если он вздумает претендовать хотя бы на один сломанный стул из наследства папашы, то она использует все свои связи, чтобы отправить его в тюрьму.

На что Арно ей отвечал, что претендовать на имущество он не будет, если хозяйка предоставит им кров на некоторое время и не будет болтать об их пребывании в городе. А тюрьмы он не боится, так как за давностью проступка малолетнего Мегеро и малой суммой украденного, ему грозит лишь порка плетью и несколько месяцев заключения. Зато потом он действительно сможет претендовать на папашину имущество, и вовсе не на один стул, а ровно на половину наследства. Слава Богу, сестра не знала о его подвигах на Карибах.

Строгая Луиса тут же согласилась предоставить дорогим гостям комнату, при условии, что они не будут пьянствовать, а помогут ей вести хозяйство. С её стороны это условие было весьма недвусмысленным, уж лучше бы она козлов просила охранять капусту.

Арно после этих слов широко развёл руки и заключил сестру в объятия со словами:

– Я знал, что ты меня любишь, дорогая сестра! – при этом подумав: «Когда же ты отправишься вслед за папашей, чёртова шельма?».

Луиса махнула рукой:

– Чёрт с вами, проходимцы, живите пока! – рассуждая при этом так: «Ещё представится случай оправить вас в тюрьму, висельники».

3. ДЯДЮШКА ХОНЧО

Арно Мегеро был из числа тех людей, что двумя ногами твёрдо стоят что на земле, что на палубе, а две руки их протянуты к нему... Нет, не к Богу – к золоту. Всегда и везде оно было главной целью и смыслом его бурной жизни. А если хочешь иметь деньги, то не нужно терять времени. Поэтому, пока Дуб валялся на дощатой лежанке в каморке, что отвела приятелям скупая Луиса, Клещ отправился побродить по городу в надежде найти кого-нибудь из старых знакомых.

Встретить он надеялся кого-то из числа деловых моряков. А это, по его мнению, в этом городишке были только контрабандисты. Ну в самом деле, не рыбаков же считать «деловыми»! На местном рынке, разговорившись с торговцем дарами моря, он узнал, что неподалёку от города живёт один из его старых знакомых – Альфонсо Барбьеро, известный всей округе как дядюшка Хончо.

Через час Мегеро уже подходил к его «дому». Жилище старого Барбьеро представляло из себя нечто среднее между рыбацкой хижинкой и шалашом путешественника, желающего найти временное укрытие от дождя и ветра. Стены и крыша были собраны из гнилых досок, остатков рангоута и такелажа отслуживших свой век судов. Пол был выстлан теми же досками.

У дядюшки Хончо было два основных занятия: он ловил рыбу и оказывал услуги лоцмана, исповедуя принцип: «ког-

да в хозяйстве лишь штаны да рубаха – живёшь без страха». Полвека проведя на этом побережье, он хорошо знал и людей, и фарватер. Когда Клещ вошёл в его хижину, Хончо занимался третьим, самым любимым, своим занятием – курил трубку.

Через пять минут разговора хозяин узнал своего гостя. Ещё бы! Ведь когда-то этого парня он сам устроил младшим матросом и помог ему покинуть родной берег. Когда же Арно достал початую бутылку, где бултыхалась ещё добрая пинта рому, беседа и вовсе приобрела тёплый характер.

Осмотревшись, Клещ нашёл, что внутри хижины кажется более пригодной для жилья, чем снаружи. Здесь был тот самый минимальный набор, что нужен непритомливому рыбаку: жёсткая лежанка, очаг и посуда, чтобы запастись пресной воды. Небольшой запас топлива помогал дядюшке Хончо пережить холодные месяцы. Конечно, живи он где-нибудь на севере Европы, скажем, около порта Гамбург, топлива старому рыбаку понадобилось бы гораздо больше. А если бы он поселился в районе порта Архангельск, то там Барбьеро вряд ли бы пережил зиму. Скорее всего, околел бы ещё до Рождества, ведь дров там требуется в двадцать раз больше, да и стены нужны из толстых брёвен. А смастерить такое жилище Хончо был не в состоянии, потому что он презирал всякий труд, кроме тех основных занятий, о которых было сказано выше.

Поэтому, когда, прощаясь, Мегеро подарил ему золотой эскудо, то Хончо так и подумал, что тому скоро понадобятся услуги лоцмана или что-то подобное. Сами

деньги дядюшка Хончо любил не очень, они у него задерживались ненадолго, так откуда было взяться сильному чувству?

Арно, попрощавшись, вдоль побережья направился в «Белую акулу», наблюдая, как солнце склоняется к закату. Родной берег и солнце пробудили в нём воспоминание детства....

Ребёнком он думал, что солнце на самом деле золотое. И маленький Арно мечтал раздобыть большую-пребольшую лестницу, залезть на небо и отпилить от солнца большой-пребольшой кусок, чтобы потом наделать из него золотых дулонов.

От папаши он знал, что самое главное в жизни – это иметь деньги, золотые деньги, много золотых денег. Без них человек – это не человек, а так, пустое место. Деньги могут всё, и сам трактирщик Мегеро был способен на всё ради денег. Всю жизнь он посвятил коллекционированию этих замечательных кружочков: серебряные реалы, накопив шестнадцать штук, он превращал в золотой эскудо, два эскудо – в золотой дублон. А ещё маленький Арнольд знал, что четыре эскудо – это дублон де кватро, а восемь – дублон де очо, самая большая монета. Правда, такую он не встречал.

Трактирщик видел сына продолжателем своего дела, обучил его писать и считать. На этом образование закончилось, ведь этого было достаточно, чтобы стать хорошим хозяином. Но юный Мегеро решил, что всю жизнь экономить и копить – это не для него. Ему нужно было всё и сразу. Если папаша в своём пристрастии к деньгам всё же придерживался закона, то для сынка добывание денег стало игрой без правил. От папы он унаследовал инстинкт собственности, правда, чужой. И Арно в пятнадцать лет отправился за своей мечтой, прихватив кассу папаши, и став способным учеником большой дороги и флибустьерских морей.

С тех пор в его руках побывало немало золотых монет разных калибров, но они приходили и уходили. Видимо, для того, чтобы их у себя задержать, нужны были несколько другие таланты.

4. ВТОРОЕ ЗАНЯТИЕ ЛУИСЫ

Как любой, уважающий себя и свою прибыль трактирщик, Луиса Мегеро старалась налогов платить поменьше, а то-

вар продать подороже. Если первое получалось, благодаря полезным знакомствам и взяткам, то второе было весьма проблематично. Лишь только она поднимала цены, посетителей становилось меньше – в порту был не один кабак. Пусть в других трактирах был беднее ассортимент, но девушки во всех портовых тавернах были одинаковы. А посему, кое-какие товары она брала у контрабандистов, это было дешевле. Особенно это касалось пряностей. Тем более, что моряки, у которых ещё не кончились деньги, с удовольствием их отдавали за грог, одобренный корицей, кардамоном, душистым перцем или гвоздикой. А если подворачивался случай, то хозяйка «Белой акулы» покупала не обложенный пошлиной чай, спирт, табак, шоколад и какао.

Человека, который начал снабжать Луису беспрошленным товаром, звали Маркус Кавалли. Он вёл свой незаконный бизнес уже давно, был осторожен и даже несколько трусоват. Но трусость его всегда давала положительный результат. Если его прихватывала таможенная стража, он щедро делился, если на пути его фелуки появлялись грабители, он не оказывал сопротивления, потому что жизнь свою он ценил дороже золота, что бывает довольно редко среди людей его профессии. Но именно это и помогало ему много лет оставаться на плаву. В то время, как многие его коллеги уже отправились на тот свет или на каторгу.

Со временем Луиса Мегеро поняла, что товар можно не только покупать на месте, но самой участвовать в доставке, ведь запах прибыли приятен, от чего бы он ни исходил, и она стала компаньоном Кавалли в этом небогоугодном деле. На что Маркус легко согласился, ведь если в сомнительное предприятие вкладывается ещё кто-то, то и убытки несёшь не один в случае неудачи.

Шли дни, Клещ болтался в порту и в окрестностях, благо никто его не узнавал. Его обуревали идеи и жажда действий. Если не получилось вернуться к Карибским берегам из Западной Африки, то нужно туда отправляться отсюда. Дубалялся на лежанке и пил вино, он мог целыми днями обходиться без действий и годами – без идей и даже без мыслей.

Луиса, присмотревшись к приятелям, решила, что пора им поработать на неё. Маркус Кавалли собирался за товаром, и

она предложила ему двух своих постояльцев в качестве матросов и охраны. Получив его согласие, она затеяла разговор с братом:

– Не пора ли, дорогой Арно, выполнить обещание...?

– Какое обещание, сестра? – прищурился Клещ.

– Твоё обещание помочь мне вести хозяйство, пока вы тут сидите на моей шее.

Луиса рассказала, что от них с приятелем требуется. Арно уяснил, что работа не велика: каботажное плавание на несколько дней, правда с риском столкнуться с таможей или с грабителями, но ведь это и была его профессия – с кем-то сталкиваться. Он и не думал отказываться, потому что в жизни из двух зол всегда выбирал оба, но торг с сестрой он устроил по-настоящему, выведя её из равновесия.

В конце концов, когда соглашение было достигнуто, Луиса произнесла завершающую фразу:

– Провалитесь вы в преисподнюю вместе со своим приятелем, проходимцы, получите вы свои деньги! Из-за вас я по миру пойду!

– Э, нет, сестра! Деньги вперёд, клянусь Богом, мне нужно купить кое-что. Не думаешь же ты, прах тебя побери, что охранять судно с таким грузом можно с одними складными навахами?

Хозяйка таверны, в душе негодуя, всё же выплатила своим постояльцам аванс и сказала, что у них на подготовку есть два дня.

5. ФЕЛУКА МАРКУСА КАВАЛЛИ

Маркус, увидев двух новых моряков, сразу смекнул, что это ребята бывалые и легко заменят ему даже не двух, а четырёх матросов. Отчасти старый контрабандист был прав, но в то же время, если ты вместо собак на охрану берёшь волков, всегда есть опасность, что они набросятся на хозяина.

Полдюжины матросов из старого экипажа, увидев мастерство Мегеро в морском деле и почуяв его опытность в других делах, как дворовые псы, которые чувствуют превосходство лесного хищника, безусловно приняли его, как старшего, и по сути он стал выполнять роль рейсового капитана. Кавалли не возражал, его больше волновала коммерческая сторона рейса.

Ближе к носу фелуки, на корме которой было начертано — «Франческа», располагались две бронзовые пушчонки, которых было явно недостаточно для ведения какого-либо боя, но хозяин фелуки считал, что они могут отпугнуть прибрежных бродяг, которые шныряли на своих маленьких и вёртких судёнышках, надеясь на лёгкую поживу. Мегеро, будучи опытным канониром, сам проверил состояние орудий, наличие шомпола, черпака, банника и велел оба зарядить картечью. У Маркуса они обычно заряжались для производства холостых выстрелов.

Судно шло за товаром, и Кавалли не опасался в это время нападения местных пиратов. Как оказалось, совершенно напрасно. На второй день, на рассвете, Питер, исполнявший обязанности боцмана в маленьком экипаже фелуки, заметил идущее им наперерез судно под двумя парусами. Похожая на их борт фелука, судя по курсу, явно желала встречи.

— Смотри, Клещ! — Бульен положил руку на плечо товарища.

Арно уже сам заметил подозрительный парус. В его глазах блеснул азарт. За десять лет службы на различных каперах, с королевскими свидетельствами и без таковых, он стал мастером абордажного боя. И не раз капитан поручал именно ему возглавить десант на неприятельский корабль. Теперь его душа встрепенулась, он жаждал встречи с тем, кто интересуется содержимым их трюмов, и готов был сделать всё, чтобы идущий за шерстью был наголо острижен.

Напрасно его уговаривал Маркус пустить на борт разбойников и договориться

о выкупе. Клещ, даже не посмотрев в его сторону, ответил, что он здесь для того, чтобы защитить материальный интерес не только его, но и госпожи Мегеро, поэтому он будет выполнять свои обязанности согласно контракта.

Перекавав рули влево, он взял курс зюйд-вест, показывая неизвестным джентльменам, что желает уклониться от встречи. Пиратское судно упорно продолжало преследовать их. Арно, не тратя времени даром, объяснил Питу-Дуболому смысл задуманного манёвра и приказал ему с матросами быть готовыми по его команде перекатить пушку с правого борта на левый.

Дуб очень быстро внушил семерым матросам, что если они не будут пошевеливаться, то он самолично отправит их рыб кормить. Арно выжидал, когда пират их догонит настолько, чтобы задуманный им манёвр был неожиданным. Наконец, он дал команду совершить оборот оверштаг. Матросы старательно выполнили приказ. Может быть, вояки они были не самые отчаянные, но с парусами и вёслами обращаться умели.

Фелука шла правым галсом, а пират — в полном парусе. Весь фокус Мегеро состоял в том, чтобы вовремя сменить галс на левый, что он и сделал. Корабли стремительно стали сближаться. Разбойники растерялись: что он хочет, этот купец? Тем не менее, они изготовились к абордажу. Мегеро это устраивало, он задумал сцепиться левыми бортами.

Как только расстояние между судами сократилось, Клещ сам навёл пушку и ударил картечью по приготовившимся к бою пиратам, тут же Дуб с матросами подкатили вторую, снова прозвучал выстрел. В рядах пиратов появились раненые, их канониры ответили двумя выстрелами, ядра просвистели над палубой, лишь повредив такелаж, суда были уже слишком близко.

Затрещали борта и пистолетные выстрелы. Мегеро выхватил саблю и с криком: «Вперёд, дьяволы!» бросился на палубу пиратов. Следом за ним с бизоньим рёвом устремился Дуболом, круша абордажной саблей всё и всех на своём пути. Матросы последовали за ним. Клещ, стремительный и изворотливый как кошка, добрался до капитана пиратской фелуки и разделался с ним. Бульен, зарубив двух противников, третьего зацепил за шею своим страшным крюком и выбросил

его, уже бездыханного за борт. Великана было не остановить. Пираты никогда не видели бизона с абордажной саблей и, отбиваясь, стали отступать.

Оставшихся в живых разбойников загнали на корму и отобрали оружие. Бой продолжался не более получаса. Морские бродяги так и не поняли, откуда на купеческом судне оказалась такая свирепая команда. Они не были стратегами и им была неизвестна мысль знаменитого полководца о том, что стадо баранов, возглавляемое львом, всегда одержит победу над стаей львов, под командованием барана. Поражение своё они считали роковой случайностью.

Мегеро приказал всё оружие, бочки с порохом и с ромом перетащить на своё судно. Он хотел забрать все пушки, но Кавалли взмолился, что тогда «Франческа» не сможет принять полностью предназначенный груз. Он уже называл Клеща «сеньором».

— Сеньор Арнольдо, прошу, не надо всё переносить на наше судно! Умоляю вас!

Арно выразил своё отношение к контрабандисту в нескольких приправленных богохульствами ругательствах и ограничился двумя пушками.

Фелука отчалила от пиратского судна, оставив разбойников подсчитывать результаты их набега. Они были внушительными: из команды в четырнадцать человек пятеро были убиты, в том числе капитан. Они остались без оружия и удовольствия зализывать раны. «Франческа» продолжила свой путь.

Следующей ночью фелука контрабандиста Кавалли пришла к месту назначения и встала под погрузку. Когда на судно втащили все мешки и бочки. Маркус ещё раз пересчитал товар и пошёл на берег рассчитывать. Отсчитывая золотые монеты, подумал, что если бы не Арно и его приятель, то он бы мог их потерять. Тем не менее, он чувствовал, что будут ещё неприятности с этими моряками. А чутьё его никогда не подводило. И где хозяйка «Белой акулы» нашла таких головорезов?

Мегеро же, оценив груз, подумал, что фелуку, гружённую таким товаром, можно было бы при двух-трёх небольших коммерческих операциях и большом желании поменять на скромную каравеллу, которая смогла бы пересечь Атлантический

океан и вернуть двух приятелей в порты Берегового братства. А уж там он и более подходящим судном разживётся, и не повторит ошибок прошлого.

Конечно, даже на таком судне, как «Франческа», Клещ мог взять на абордаж любой барк или иное торговое судно. Но ведь нужен был экипаж, хотя бы двадцать-тридцать отчаянных ребят, готовых присягнуть «Весёлому Роджеру», поэтому он об этом только подумал, но ничего не сказал, вздохнул и сплюнул за борт, ожидая, пока Кавалли поднимется на борт.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Таможенная стража Порто-Рибера располагалась в здании ратуши вместе с городской управой. На крыльце появился Рафаэль Бюркель — начальник стражи. Он в это день намеревался сам выйти на рейд на таможенной барке, чтобы, во-первых, напомнить контрабандистам, что он не дремлет, во-вторых, чтобы пополнить казну. Нет, не казну испанской короны. Он считал, что

с этим его величество король Испании успешно справляется сам. Бюркель думал о своей собственной казне, потому что ему предстояли расходы в связи с будущей свадьбой дочери, а то, что решил начальник стражи, никогда не откладывалось и выполнялось в точности. Он был удивительно настойчив в требовании неукоснительного исполнения своих приказов, даже если они, мягко говоря, были бессмысленными, а прямо говоря, глупыми. За что и получил прозвище — Твердолобый.

На лице своём он всегда носил выражение величайшей и непоколебимейшей серьёзности и уверенности в собственной правоте, оттого оно, лицо то есть, приобрело с годами глубокое и вдумчивое выражение. В общем, начальник стражи был человеком, уважающим себя и педантичным. Потому таможенная барка вышла на рейд в назначенное время.

Надо сказать, что королевские власти весьма снисходительно относились к зло-

употреблениям таможенной стражи, потому что основной доход его величество получал именно от этих налогов. Впрочем, иногда власти, видя что кто-то вдоволь наворовался и набил свои карманы и сундуки доверху, с помощью Святой Инквизиции отправляли их в тюремную клетку и там, поджаривая на медленном огне, возвращали награбленное и отправляли их, как еретиков, на костёр. Но это случалось не так уж часто, для этого нужно было не только воровать, но и испортить отношения с кем-либо из приближённых его величества либо слуг Божьих.

На исходе дня «Франческа» господин Кавалли, управляемая умелым штурманом Мегеро, подходила к акватории родного порта. В это время и заметил вперёдсмотрящий патрульное судно Рафаэля Бюркеля.

— Господин Кавалли! — закричал матрос. — Смотрите, барка с вымпелом таможенной стражи!

Судно приближалось к ним, выйдя далеко за пределы портового рейда. Для Твердолобого Бюркеля вообще было характерно несоответствие между целями и средствами, что иногда приводило к непредсказуемым результатам. Корысть, главный движитель существования, часто заводила его туда, куда он и соваться не должен был. В этот раз Бюркель, видимо, боялся, что фелука скроется.

Маркус узнал стоящего на мостике начальника стражи. Тот гордо возвышался над своими солдатами, надев на голову морион — противоалебардный шлем с высоким гребнем и полями. Видимо, шлем также нужен был для устрашения нарушителей королевских законов. Начальник стражи тоже узнал фелуку Кавалли и рассчитывал на хороший куш. Он не случайно ушёл подальше от порта, чтобы поменьше было свидетелей их разговора с купцом, который слыл довольно покладистым, когда попадался.

Кавалли с кислым выражением лица обратился к Клещу:

— Видно, от судьбы не уйдёшь, сеньор Арнольдо. Ложимся в дрейф! Это таможня — с ними не поспоришь. Можно и на каторгу загнать.

Мегеро вовсе не воспринимал судьбу, как оправдание каждой неудачи, но и он не собирался спорить со стражей. Потому что, если начнут следствие, ему

каторга не светила, только верёвка. Ведь ему приходилось геройствовать не только на испанских, но и на английских, и на французских каперах. Да что там говорить о тех корсарах, что прикрывались королевскими патентами! Он участвовал в делах и под пиратским флагом. А ребята, что поднимали «Весёлого Роджера», грабили все суда без разбору и если оставляли кого в живых, то лишь для того, чтобы продать в рабство. Потому что им в жизни светило только одно солнце — солнце чистого золота.

Так что Клещ, видит Бог, намеревался со стражей разойтись мирно. Но тут-то как раз и вмешался дьявол со своими проделками, которые всегда сбивают людей с самыми благими намерениями с толку и направляют их по хорошо вымощенной дороге напрямик в ад. Барка Твердолобого Бюркеля была вооружена двумя фальконетами — лёгкими пушками. Сопротивления никакого он не ожидал, потому заряжены они были только порохом, чтобы отдавать сигналы. И вот, уже подойдя на расстояние плевка, он велел выпалить из обеих пушек. Что его солдаты и сделали.

Дуболом, не успев разобраться в ситуации в силу особенностей своей психики, а может быть, просто потому, что оружие всегда хочет выстрелить, но он выхватил из-за пояса пистолет и выпалил прямо в голову начальника стражи. Вот так, в присутствии целой кучи людей с мозгами, Дуболом и Твердолобый изменили плавное течение судьбы. Солдаты потом клялись — когда пуля попала в шлем, раздался звон, как будто ударил главный колокол кафедрального собора. Наверное, это потом и послужило поводом для перемены прозвища. Начальника стражи после этого случая стали звать Пустоголовый.

Мегеро, который в ситуации ориентировался мгновенно, увидев, как начальник стражи рухнул замертво, командовал атаку. С фелуки взвились абордажные крючья, подтянули барку к борту и через минуту туда устремились Дуб и Клещ. Солдаты стражи пустоголовыми не были и не собирались отдавать свои жизни ни за казну короля, ни за казну Бюркеля. Они побросали мушкеты и ушли на корму. В это время начальник стражи стал моргать глазами. Свинцовая пуля попала в шлем рикошетом, сделала в нём вмятину, а на голове начальника — здоровенную шишку.

Из чего солдаты и сделали вывод, что никакой он не твердолобый.

И хотя всё столкновение длилось считанные минуты, Кавалли успел поседеть. Он стоял ни жив, ни мёртв, обняв мачту, и уже представлял себя на скамье подсудимых, но когда увидел, что Бюркель жив, то жизнь возвратилась и к нему. Он схватил за рукав Клеща и поволок его в сторону:

– Сеньор Арнольдо! Это всё! Это ка-торга! Помилуйте, сеньор Арнольдо, кто будет кормить моих детей?! О, пресвятая Дева Мария! Пожалейте меня! Свяжите мне руки! Я скажу, что вы захватили мою фелуку, вам ведь всё равно, сеньор Арнольдо. Я вам отдаю свою долю, здесь половина товара – моя. Заберите! Высадите нас на Зелёной скале и уходите!

Мегеро соображал быстрее Питера Буля, предложение ему понравилось. Он велел перенести контуженного Бюркеля на «Франческу», забрал четверых солдат и шестерых матросов его экипажа и направил фелуку к небольшому островку Зелёная скала, бросив таможенную барку на волю волн. Там он высадил всех, ничего им не оставив, кроме воды, посчитав, что и этого много, ведь он им подарил жизнь, а такие подарки Клещ делал очень редко, кровь для него, как для алхимика, была всего лишь жидкостью красного цвета, через которую легко перейти, главное, ботфорты подтянуть повыше.

Уже стемнело, когда «Франческа» подошла к берегу и укрылась в лагуне, которую указал дядюшка Хончо. Мегеро рассчитался с матросами и велел держать языки за зубами, чтобы не пожалеть, что появились на этом прекрасном белом свете. Моряки покосились на зловещный крюк Питера Буля и с готовностью затрясли головами.

7. НЕДОРАЗУМЕНИЕ МЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМИ

На следующий день, оставив безрукого Пита в хижине Хончо предаваться излюбленному занятию – валяться на лежанке, Арно Мегеро отправился к обожаемой сестре.

Когда Арно появился в таверне со свежей царапиной на лице и перевязанной чистым холстом рукой, у Луисы заняло сердце – она почувствовала потерю денег. Такие потери она переживала особенно тяжело. С хмурым лицом она

слушала рассказ Клеща, который, надо признаться, ни разу не соврал. Ни разу он не соврал до того момента, как высадил перепуганного Кавалли и бесчувственного Бюркеля на Зелёной скале.

– И вот, дорогая сестра, этот трус Маркус, дьявол его заberi, вмешался и не дал нам избавиться от начальника стражи и его солдат. Ты не поверишь, он даже подарил мне свой товар! Но в каком положении оказались мы! После этой стычки мы не могли появиться в порту. Выйдя в открытое море, мы вновь столкнулись с пиратами и лишились всего товара. Фелука оказалась повреждённой, мы еле дотянули до берега. Теперь мне придётся её ремонтировать прежде, чем передать этой каналье – Маркусу.

– Мерзкий лгун! – не выдержала Луиса. – Это ты – каналья! Ты украл товар и всё выдумал. Ты убил Маркуса! Негодяй, если не вернёшь мне деньги, я тебя отправлю на виселицу!

На что Клещ отвечал с полным хладнокровием, поглаживая перевязанную руку, как будто там была не маленькая царапина, но глубокая рана:

– Боже, как ты не права, Луиса! Я тебе говорю чистую правду, клянусь памятью наших родителей! – Мегеро закатил глаза и перекрестился. Отчего ж не поклясться памятью, память стоит недорого.

– Ты сама в этом убедишься, – продолжал он, – когда этих чёртовых таможенных вояк выручат с Зелёной скалы. Когда увидишь этого трусливого зайца Кавалли, тебе будет стыдно за свои слова. А прежде чем говорить про виселицу, чёртова карга, подумай, что вершители нашего правосудия довольно медлительны, вешают они не сразу, сначала проводят дознание и допрашивают с пристрастием. Так что я наверняка расскажу про ваши делишки с Маркусом, чёрт вас дерит! А если мне поджарят пятки, я вспомню, где ты прячешь свою метлу, старая ведьма. И надеюсь, увижу, как вас обоих закуют в кандалы прежде, чем на меня наденут пенковый галстук.

– Мерзавец, я всё равно дознаюсь, куда ты дел мой товар! Боже! Какой чёрт меня дёрнул связаться с тобой?!

– Лучше спроси Господа, зачем ты связалась с этими чертями-контрабандистами! – ответил ей брат, закрывая за собой дверь.

Нет нужды говорить, что хозяйка «Бе-

лой акулы» была в бешенстве. Тень недопонимания омрачила родственные чувства брата и сестры. Луиса была уверена, что подлец Арно украл её товар. Она не раз вспомнила слова своего папаша, что самая надёжная прибыль та, которая является результатом бережливости.

Когда через два дня она встретилась с Кавалли, которого сняли с Зелёной скалы, и его рассказ подтвердил слова Арно, всё равно хозяйка таверны не изменила своего мнения о брате.

Кавалли же, вместе с Бюркелем, в глазах добропорядочных горожан были жертвами наглых пиратов.

Луиса Мегеро действительно очень удивилась, когда Кавалли подтвердил, что вынужден был, чтобы спастись от обвинений в нападении на стражу, подарить свою долю моряку Арнольду, которого она рекомендовала. О родственных отношениях между ними он не догадывался. Хозяйка таверны вслух не осудила действия своего компаньона, в конце концов, это его товар. Но про себя подумала: «Господи, с какими дураками мне приходится вести дела!» Сама она предпочитала иметь дела с отпетыми мошенниками, нежели с законченными дураками. Поступки мошенника можно просчитать и предугадать, поступки дурака угадать невозможно, это лотерея. А лотерею Луиса Мегеро не любила.

Луиса не доверяла никому, иногда даже самой себе, и готова была пересчитывать пальцы на ногах, ложась в постель, так как днём они были вне поля зрения. Поэтому она, конечно же, перепроверила все рассказы своего брата-проходимца. Её пьяные осведомители, из числа завсегдатаев таверны, пытались узнать у матросов «Франчески», что же случилось на самом деле. К разочарованию Луисы, матросы подтверждали рассказ её брата, который научил их, что нужно говорить любопытным. Кроме того, что сеньор Арнольдо – храбрый капитан, а его друг Питер Буль – в бою сущий дьявол, ничего интересного узнать ей не удалось. Все они говорили, что ночью встретились с двухмачтовой пиратской шхуной и им пришлось расстаться с грузом.

8. СУХОПУТНЫЙ РЕЙС МЕГЕРО

– Не пойму я, что мы будем делать с этойкой кучей товара? – спрашивал Дуб своего товарища. Он недоумевал совер-

шенно искренне. Дела торговые ему были чужды. Писать и считать он не умел, говорил кое-как, думал – в исключительных случаях. Нет, он мог, конечно, и поразмышлять, но, как правило, после совершённой глупости или наоборот, перед совершением таковой. Если Пит Буль говорил: «Надо подумать!», то тут уж точно жди беды.

На его вопрос Клещ отвечал вопросом:

– Скажи, друг мой Педро, умеешь ли ты чеканить фальшивые дублионы? Или, скажем, плясать на проволоке? На худой конец, чревовещать? Просить подаяние у тебя не получится – если ты протянешь свою единственную клешню за милостыней, люди подумают, клянусь всем выпитым мной ромом, что ты покушаешься на их жизнь. Я тоже ничего этого не умею. Поэтому нам придётся на время стать торгашами. Здесь Европа, Дуболом! Здесь наша с тобой профессия чревата не тем, что нас могут съесть акулы, здесь мы можем попасть в тюрьму. А мне это противопоказано, уж лучше пусть мне ядром оторвёт голову. Всё веселее пройдут последние минуты моей горькой жизни... Так что придётся торговать, Дуб, без денег нам не выбраться отсюда! Это также верно, как то, что мы с тобой нищие моряки, а не богатые гранды.

Клещ, по совету дядюшки Хончо, в хижине которого они теперь обретались, решил отправиться в Ровьезу. Здесь, в Порто-Рибери, продавать товар было нельзя. Бюркель пока валялся дома после контузии. Но когда поправится, начнёт искать своих обидчиков. Обида, как и кровь, вызывает к мести. Поэтому Хончо подсказал, к кому можно обратиться в соседнем городе. Были у него там старые знакомые, которые могли помочь в подобных делах.

– Лучше идти пешком, Арно, – советовал старый рыбак. – Всадник уж больно бросается в глаза на дороге. А зачем тебе быть заметным? Ты ведь не невеста на свадьбе!

Клещ, подумав, согласился. К тому же, чтобы купить мула или лошадь тоже нужны были деньги. На следующий день он отправился в Ровьезу к знакомым старому лощману Барбьеро.

Выйдя из города рано утром, на перекрёстке трёх дорог, он выбрал курс норд и бодро зашагал мимо зеленеющих вино-

градников, перемежающихся необработанными горными склонами или оливковыми кустарниками. Уже через час пути виноградники кончились, по сторонам дороги были либо пастбища, либо голые склоны скалистых холмов.

К обеду солнце стало припекать сильнее, давя на плечи путника. Мегеро вспомнил, как они, захватив голландского «купца», после попали в жестокий штиль и несколько дней дрейфовали на траверзе Сан-Сальвадора-де-Байя.

Экваториальное солнце тогда достало всех до печёнок. Колокол огненного светила висел прямо над теменем и бил в помутневшие головы корсаров жестоким полуденным набатом. Несколько моряков тогда пришлось опустить в тихую гладь тропической Атлантики, их убила жара.

У самого Мегеро начались видения, ему снился сон из детства. Он снова лез на солнце. Только теперь уже не по лестнице, а по грот-мачте, которая упиралась в небо. Он лез вверх, а солнце беспощадно било своими горячими лучами ему прямо в голову. Он лез, чтобы сорвать золотое светило с неба, или отпилить, оторвать, отгрызть от него здоровенный кусок. А потом из него чеканить дублионы, много дублионов, чтобы хватило на всю жизнь, и чтобы больше никогда не выходить в это чёртово море.

Когда пришёл долгожданный зюйдвест и наполнил паруса, Арно тоже пришёл в себя, но ничего не мог вспомнить, кроме проклятого сна.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда он подошёл к придорожной харчевне «Усталый башмак». Он помнил её. Они здесь бывали с покойным папашей, когда однажды ездили в Ровьезу. Здесь также, как в таверне Луисы, на первом этаже была харчевня, а на втором — комнаты для путников. Разве что народу здесь было гораздо меньше, чем в «Белой акуле».

Клещ бросил на лавку свой дорожный мешок, спросил ужин и вина. В это время со второго этажа спустился монах в тёмно-коричневой сутане, подпоясанный верёвкой, очевидно, из числа постояльцев, сел за стол, который был общим для всех, тоже велел принести вина и принял с любопытством разглядывать Мегеро:

— Ты, брат мой, очевидно, идёшь из Порто-Рибера? — спросил Клещ монаха.

Ему, видимо, не терпелось поговорить.

— Неужели, падре, на моих башмаках написано, откуда я иду? — не слишком дружелюбно ответил Мегеро.

— Нет, на твоих башмаках ничего не написано, просто я имею склонность к некоторым жизненным наблюдениям. Оттого, что ты поморщился, когда попробовал это вино, я и подумал: «Этот добрый человек наверняка только что из Порто-Рибера!», — монах перевёл дыхание и, почесав сизый нос, сделал глоток из кружки.

Тут Арно стало любопытно, что это за наблюдения такие — человек поморщился и сразу видно, откуда он топаёт. «Может быть, этот монах читает мысли?» — подумал Клещ. Подумал, но ничего не сказал. А болтливый служитель Господа продолжал:

— Здесь во всей округе вино держат в бурдюках из свиной или козлиной кожи, оттого у вина не слишком приятный привкус. Только в Порто-Рибера вино держат в бочках, чтобы не огорчать достойных тружеников моря этим недостойным запахом. Там, где порт, там много бочек...

Если бы не очевидная случайность этой встречи, Мегеро мог бы подумать, что этого знатока вина в сутане с капюшоном подослала Луиса. Отчего он сразу заговорил про море и про бочки?

— А что, падре, в вашем монастыре все также знают толк в вине и в бурдюках, как вы?

— Зови меня — брат Лукас, добрый путник. Святой Бенедикт благословил своих монахов пить вино девять столетий назад! А чем же мы, минориты, хуже? Святой Франциск Ассизский нам этого тоже не запрещал. В монастыре по нашему уставу я могу выпить только одну кружку за трапезу. Но в дороге... В дороге я обязан выпить столько, сколько требуется, чтобы мне хватило сил выполнить поручение своего настоятеля! А он пустых поручений не даёт. Наш монастырь не так богат, как некоторые. Но всё же кое-какие хозяйственные дела приходится вести. И тут брат Лукас — первый помощник настоятеля! — хвастливо сообщил монаху и напомнил, торжествуя глядя блестящими глазками в глаза собеседника:

— Это я — брат Лукас!

Мегеро уже совсем было решил отправиться в дорогу, ведь до города Ровьеза оставалось не более четырёх часов пути, но монах заметил:

– Если ты, брат мой, будешь входить в город к ночи, стража обязательно вернет твою сумку и карманы. Если днём они проверяют только всадников, то ночью всех, и пеших тоже. И ещё представитель славной инквизиции спросит, нет ли у тебя в сумке книжек, запрещённых Святой Церковью, и заставит заплатить малую толику – взнос, который все называют налогом инквизиции. Я бы на твоём месте заночевал в этой таверне. Конечно, здесь грязно, приходится столоваться вместе с погонщиками мулов. Но это можно потерпеть, ведь и плата скромна. С меня хозяин взял один серебряный реал за обед, один реал – за постель и один – за свечку.

Клещ решил прислушаться к совету монаха, заплатил один реал хозяину и спросил постель.

9. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

К обеду следующего дня наш путник входил в Ровьезу. Он помнил, что городской рынок расположен ближе к центру города, где вокруг прямоугольной площади стояли дома с крытыми галереями. Там же, на улицах, что вели к площади, располагались мастерские и лавки. Обычно улица называлась по специализации торговцев, живущих на ней: улица Ювелиров, улица Шёлка или просто улица Белья.

Но прежде, чем попасть в эту главную часть Ровьезы, Мегеро пришлось миновать город простых людей, где невысокие домики были сплошь из самана или кирпича. Камень был слишком большой роскошью, даже богатеи иногда выкладывали из камня лишь фасадную часть дома. Клещ шёл по главной дороге, но в стороны уходили улочки, которые в пору было назвать тропами, настолько они были узкими и пыльными. Здесь же располагались сады, а иногда и поля, принадлежавшие монастырям и церковным приходам. Так что люди, проживающие в этих лачугах, горожанами могли считаться весьма условно, они принадлежали к сельскому миру, ведь они на этих полях и трудились.

Наш герой, найдя на местном рынке человека, к которому его направил рыбак Барбьеро, протянул ему клочок бумаги, на нём было корявыми буквами выведено всего одно слово – «хончо». Видимо, это служило рекомендательным письмом

старого лоцмана, потому что человек этот, спросив о здоровье дядюшки Хончо, проводил Клеща на одну из торговых улочек, где и рекомендовал своему хозяину, с помощью того же «письма».

Чтобы не замедлять течение нашей правдивой повести, не будем приводить весь диалог Мегеро с торговцем, которого звали Руах. Главное, что они прекрасно понимали друг друга, как могут понимать друг друга мошенники одинаковых устремлений и квалификации, понимали даже то, что не договаривали. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что могли договориться в принципе. Плохо было для Клеща, потому что это он обратился к купцу Руаху, а не наоборот.

Несмотря на то, что Мегеро сказал, что он лишь представляет интересы своего хозяина, который хочет наладить долгосрочное сотрудничество, Руах был уверен, что его гость далёк от торгового ремесла, это было также верно, как то, что товар контрабандный и краденый, а потому на постоянные дела с сеньором Арнольдо купец не надеялся и предложил за товар полцены, но пообещал надбавку, когда посмотрит товар и убедится в его качестве. Мегеро, скрипнув зубами, согласился, и они договорились о доставке.

Таким образом, сделав дело наполовину, Клещ отправился в обратный путь, прибыв к обеденному времени в трактир «Усталый башмак», где снова встретил неунывающего монаха, брата Лукаса, который наконец-то дождался повозку, прибывшую к нему из Ровьезы. Первый помощник настоятеля собирался на ней отправиться в Порто-Рибери по делам своего монастыря. Монах приветствовал Арно, как старого знакомого, и предложил ему место в повозке, если тому по пути. Мегеро не стал кочевряжиться, всё-таки морское ремесло не приучило его к долгим пешим переходам.

– Лучше передвигаться на настоящих мулах, чем на «мулах святого Франциска», – говорил брат Лукас, – так мои братья-монахи называют наши бедные ноги, которые не знают покоя в этом мире, а потому должны обрести вечный покой в лучшем из миров. Как зовут тебя, добрый путник? Ведь не зря же Бог привёл тебя в эту славную таверну именно тогда, когда мой настоятель приор Жеро, да продлит Господь его дни, прислал мне этих работяг-мулов и этого лентяя-погонщика.

– Я соглашусь с тобой, брат Лукас, лучше ехать, чем идти пешком, прах меня побери! По крайней мере, так теперь считают мои усталые башмаки. Мои друзья называют меня сеньор Арнольдо, – Клещ тронул поля своей пыльной шляпы правой рукой.

После обеда, во время которого брат Лукас пропустил стаканчик рому – на радостях от встречи то ли с Арнольдо, то ли с мулами – они отправились в Порто-Риберио.

Мегеро уже понял, что его попутчик относится к тому типу людей, которые легко могут скрывать свои мысли и намерения за многословием. Монах без конца говорил, но из его болтовни невозможно было узнать сколь-нибудь полезных сведений: ни куда он едет, ни за чем едет. В этом смысле речи брата Лукаса легко конкурировали с пантомимой: мог говорить долго, но ничего не сказать. Поэтому Клещ не столько слушал собеседника, сколько рассуждал о том, насколько выгодна ему будет торговая сделка с Руахом и как выдавить из купца побольше денег.

– Услышал я на рынке Ровьезы, брат Лукас, имя некоего торговца Руаха. Не приходилось ли тебе слышать это имя? – поинтересовался Арно.

– А как же, брат Арнольдо! Много в Ровьезе этих детей сефардов. С тех пор, как был принят Гранадский эдикт и достославный Торквемада принялся наставлять на путь истинный марранов и этих гарпий, что недалеко от них ушли в своём притворстве перед Господом и истинными христианами, благости у них не прибавилось, но хитрости небогоугодной и коварства сколько хочешь! Имел я с ним дела по благословлению нашего приора Жеро. Только страх перед Святой Церковью и держит в узде этого мошенника. Даже когда он читает молитву, он читает её не для того, чтобы она помогла избавиться от его жульнических пороков, но чтобы она избавила его от судей и наказания, пока он будет воровать. Пусть наша церковь и учит: согрешить и покаяться, чтобы снова можно было согрешить, но мы – истинные христиане, хоть и не в состоянии избавиться от своих пороков во имя Господа, но мы готовы отдать жизнь за него! А забирая нашу жизнь, он и освобождает нас от всех пороков. Ведь для них смерть будет карою, а для нас – прощением. Разве я не прав, брат мой?

Из всего этого демагогического послы Мегеро понял только одно – монах знает хитрого купца, значит, можно будет при случае попытаться вытянуть из него что-нибудь полезное.

Остаток дня прошёл в дороге, к ночи они въезжали в город.

– Где собираешься остановиться, брат Лукас? Где найти тебя, если захочу встретиться, чтобы выпить вина с образованным человеком? – поинтересовался Клещ.

– Найдёшь в таверне «Семеро псов», там я собираюсь остановиться на несколько дней. Хозяин, хотя и не очень набожный человек, но цены божеские. Всё время пытаюсь внушить ему, что мало веровать в Господа, надо чтобы Господь поверил тебе. Он давно помогает нашему монастырю, ведь это одно и то же, что служить его святейшему папе Римскому или самому господу Богу! Кроме того, вино там без привкуса смолы и канифоли, как в той харчевне, где мы с тобой обедали, брат мой. И ещё там шоколад из Америки, по весьма умеренной цене. А я, грешник, люблю его... Каюсь. Я как тот высокородный дворянин, который вместо того, чтобы жить на своих землях, постоянно обретается при дворе. Так и я, нет чтобы жить в монастыре со всей братией, так живу, где угодно, только не там, где должен. Но ведь в этом нет большого греха, коль делаю я это с благословления своего настоятеля? Не так ли, брат мой?

– Истинно так, – заверил его Клещ и попрощался.

10. В ТАВЕРНЕ «СЕМЕРО ПСОВ»

Позавтракали ближе к обеду. Разделались с жареным скатом, что попал вечером в сети дядюшки Хончо.

– Лучше бы ты, старик, поймал барана! – высказал пожелание Пит Буль.

Трапезничали прямо у входа в хижину. В самой хибаре было жарко после приготовления рыбы.

– Смотри, мулов не съешь, когда подводы придут! – ответил лоцман, который не переставал удивляться аппетиту Дуболома.

Мегеро уже сказал приятелям, что через неделю Руах пришлёт телеги, чтобы забрать товар. Теперь его заботило, как обеспечить охрану. Бульен предлагал нанять тех же матросов с «Франчески»,

глубокие раздумья никогда не затуманивали его крепкую голову. Клещ сперва тоже о них подумал, но после ночных размышлений планы его несколько поменялись, и он ответил приятелю:

– Сначала я должен повидаться с моим новым знакомым – оборотистым монахом из Ровьезанского монастыря Святого Франциска. После будет видно.

Клещ взял шляпу, накинул на плечи издававший виды плащ и отправился на свидание с братом Лукасом.

Дядюшка Хончо покачал головой:

– Воробы и монахи – вёрткие птахи, – вздохнул и стал набивать трубочку.

Таверна «Семеро псов» располагалась дальше от порта, но ближе к центру города. Сюда заходили меньше моряков, но больше подозрительных личностей, бывших не в ладах с законом. Мегеро с детства мог различать эту публику. Сюда не ходили воры, срезавшие кошельки и ворующие плащи по ночам, или так называемые «юнг», которые ловко лазили по верёвочным лестницам, грабя дома, не было здесь и «апостолов», у них всегда с собой была большая связка ключей и отмычек. Воров, которые крали скот в полях называли «сатирами», были ещё «благочестивцы» – эти взламывали кружки для пожертвований в церквях или умыкали дорогие убранства со статуй святых.

Так вот, вышеупомянутой шантрапы здесь не наблюдалось. Зато сюда заходили аристократы преступного мира, именуемые «молодцами». Они носили камзолы, напоминавшие одежду солдат, из-под плащей у них торчал кончик длинной шпаги, а на голове была шляпа, украшенная перьями лесных птиц. Эти храбрые ребята оказывали услуги тем, кто хотел избавиться от неудобного человека. Для этого они легко могли спровоцировать драку или просто резать человека в тёмном переулке.

Ещё в таверне частыми гостями были торговцы и контрабандисты. Поэтому, когда Клещ услышал, что брат Лукас останавливается здесь, он подумал, что неплохо было бы поговорить с деловым монахом, который занимался хозяйством Ровьезанского монастыря.

Фасадная стена таверны, как и в «Белой акуле», была выложена из камня, только окна были больше, затянуты промасленной бумагой и закрыты узорчатыми кованными решётками. В зале стояло также несколько столов. Войдя, Мегеро

остановился за деревянной колонной, поддерживавшей потолочные балки. Он подождал, когда глаза после яркого солнца привыкнут к полумраку харчевни, заметил, что монах здесь, надвинул шляпу на глаза, и пройдя в зал, сел за соседний стол спиной к монаху. Брат Лукас разговаривал с сидящим рядом человеком. Клещ решил удовлетворить любопытство и послушать.

Несмотря на свой острый слух ничего интересного из разговора монаха с неизвестным торговцем он не узнал. Говорили сначала о ценах на пшеницу, потом перешли на херес, оливковое масло и мыло, из него сваренное. В конце разговора обсудили сбыт шерсти мериносов, пастбища и скотопрогоны, как изменились кадьняны – пути прогона овец с летних пастбищ на зимние. Купец, судя по выговору, приехал издалека.

Мегеро слышал не всё, потому что рядом офицер в шляпе с фазаньим пером, громко уговаривал кого-то записаться в солдаты. У него был патент на набор рекрутов и нужно было набрать роту на войну во Фландрию.

Монах с торговцем разговаривали долго. Клещ уже начал чувствовать, что теряет время и терпение, как купец, распрощавшись ушёл. Арно повернулся и пересел к монаху:

– Как дела на службе Святому Франциску, брат Лукас?

– А, это ты, сеньор Арнольдо! Делами моими вершит господь Бог, а он куда не торопится, поэтому и дела мои идут неспешно. А мне грех на это жаловаться. Кто я такой, чтобы торопить Господа? А как твои дела, брат мой?

– Моими делами господь Бог не интересуется, поэтому хотелось бы их ускорить. Переговорить бы, брат Лукас, там, где меньше глаз и ушей...

Они по неширокой лестнице поднялись на второй этаж и монах, открыв дверь, пригласил Арно в комнату:

– Проходи в мою временную келью, брат мой, пока здесь я отбываю послушание, назначенное мне приором Жеро. А что у нас в жизни есть постоянного? Всё временное, как и мы сами на этой земле. Всё временное, оттого я скучаю здесь по благочинию и порядку монастыря, а в нём я скучаю по греховной пище, что приходится употреблять здесь. Ведь монастырь даёт полное успокоение тогда, когда ты уже не можешь пользоваться благами мирской жизни...

Мегеро не стал заходить издалека и сразу изложил суть дела:

— Брат Лукас, случай предоставил мне возможность заняться делом, которым я раньше не занимался, а потому хотел у тебя спросить совета, а может быть, и помощи. В свою очередь я в долгу не останусь и пожертвую Святому Франциску некоторую сумму, если дело решится наилучшим образом, клянусь Девой Марией! Суть в том, что я имею поручение продать товар, хозяин которого отбыл и поручил это дело мне. Съездив в Ровьеzu, я встретился с известным тебе Руахом, тысяча чертей ему в печёнку! Но встреча меня не очень обнадежила. Сдаётся мне, что он хочет слишком сбавить цену...

Монах внимательно выслушал, не перебивая гостя, потом пошевелил своим синеватым носом и большими пальцами сложенных на животе ладоней:

— Не поминай чертей тысячами, брат мой! — монах откашлялся и продолжал. — Я никогда не вмешиваюсь не в свои дела, сеньор Арнольдо. Ведь добрая слава христианина покоится не на тех поступках, которые он совершил, а на тех, от которых он воздержался... Поэтому я и не вмешиваюсь в чужие дела. Никогда...

«Где-нибудь в Вест-Индии я бы, пожалуй, повесил его за ноги и за руки, чтобы его толстый зад подкоптить над костром...», — думал Мегеро, глядя прямо в сливовый нос монаха меж томатных щёк.

— ...Никогда. Если меня не просят, — пояснил брат Лукас, — но если кто-то взыскует о помощи, то я всегда прислушиваюсь к тому, что говорит мне Господь. А если он не говорит ничего, то я вспоминаю священное писание. А там сказано, что люди должны помогать друг другу. «Не забывайте делать добро и общаться, ибо такими жертвами Бог доволен», — так сказано в Писании. И не нам, грешникам, противиться этому. А потому, брат мой, я чувствую, что должен помочь тебе, помочь бескорыстно...

«А он довольно толковый, это монах. Пожалуй, я бы даже взял такого интендантом в свою команду», — подумал Клещ.

— ...А Святой Церкви ты пожертвуешь десятую часть. Видит Бог, не я установил эту меру! А если брату Лукасу пожертвуешь несколько золотых, то я буду молиться за тебя. Поскольку я принадлежу к нищенствующему ордену, то я не буду даже называть количество этих монет — Бог вра-

зумит тебя, брат мой! Я думаю, что можно всё устроить так, что хозяин твоего товара будет доволен, даже если бы он отбыл в лучший из миров, ведь десятина от его прибыли поступит в церковь, а за это прощаются многие грехи...

Монах сперва закатил свои хитрые глаза к потолку, потом прищурился и замолчал, глядя в глаза Арно, так словно поджаривал его грешную душу на медленном огне. Клещ сидел с непроницаемым лицом, никак не выражая своих чувств, хотя такой ответ его вполне устраивал, ведь лучше отдать десятую часть, чем потерять половину. Такой арифметике его обучил ещё покойный папаша, который видел в сыне продолжателя своего трактирного дела. Мегеро было наплевать на намёки лукавого монаха, он понимал, что тот лишь хочет выторговать несколько лишних дублонов. Хотя, в другое время и в другом месте Клещ с удовольствием бы выпустил из него кишки. «Неправ дядюшка Хончо, не как воробыи вёрткие, эти монахи... По крайней мере этот как угорь — не поймёшь, рыбина или змея!» — сделал он вывод.

Два кипучих деятеля из разных сфер человеческого бытия: из церкви и разбойного мира легко нашли общий язык, что, может быть, сперва и удивит кого-то, но потом, по некотором размышлении, любому станет понятно, что всё в этом мире закономерно и логично, ведь если он, этот мир, устроен таким образом, что без денег не работает ни одна сфера упомянутого бытия, то иначе и быть не могло. За единством целей часто следует единение душ. Два достойных своего ремесла человека помогли друг другу приобрести эти деньги, что укрепило их души и отодвинуло дальше от греховной пропасти. Ведь если сама бедность — не порок, то она способствует тому, что человек скатывается к пороку, потому как бедность доставляет очень большие неудобства.

Такие или примерно такие мысли были в голове каждого участника сделки, и каждый ей был в какой-то степени доволен. В какой-то степени, потому что, если сказать, что кто-то был доволен полностью, значит, признать, что один одурачил другого. Но тогда это не есть рыночный договор, тогда это жульничество. А на рынке, как известно, два дурака. Или два умных. Это уж кому как нравится.

Когда Клещ высказал беспокойство

по поводу охраны товара в пути, монах Лукас его успокоил:

– Если обоз будет под охраной Святого Франциска, никто на этой дороге из известных бандолерос его не тронет. А чтобы от мелких воришек сохранить товар, достаточно нанять двух таких молодцов, как ты, брат мой.

Догадливый монах давно понял, что сеньор Арнольдо в своей профессиональной деятельности больше орудовал саблей и мушкетом, чем счётами и гусиным пером.

11. СДЕЛКА

Вернувшись в хижину дядюшки Хончо, Мегеро рассказал о договоре с монахом, не утаивая подробностей. Питер слушал его, как свинья гром. Потом разразился возмущённой тирадой:

– Чтоб мне во всех тавернах подавали рыбий жир в старом башмаке, а не ром в кружке, если я хоть что-нибудь понимаю, Арно! Ну скажи, зачем нам нужен этот монах, если товар продаём купцу? Если пройдоха-купец обманет, его можно просто убить!

Клещ снова стал терпеливо объяснять, потому что Бульена он не собирался обманывать, в отличие от всех других людей на свете, включая всех святых и своих родственников. Не потому, что тот был другом, вовсе нет. Друзей у Клеща никогда не было, кроме навахи и пистолета. И никого, и ничего не было ближе к сердцу, чем нательная рубашка. Просто Бульена обманывать было опасно.

В этом Арно убедился несколько лет назад, когда они только познакомились. Мегеро попытался надуть Питера, но тот посчитал и обнаружил, что его нагрели на пять золотых. Тогда Дуболом чуть не задушил Клеща, спасли матросы. Клещ решил ночью зарезать однорукого великана, но его остановили те же товарищи. Чёрт с ним, решил Арно, пусть живёт. Душа его успокоилась тем, что Бульена он всё-таки обманул. Не на пять, а на пятнадцать дублонов. Но вывод тогда юный Мегеро для себя сделал – врагов тоже надо выбирать обдуманно и осторожно.

Итак, хотя и с трудом, но он всё же убедил приятеля, что монах им нужен. Что касается охраны, то нанимать двоих молодцов, как советовал брат Лукас, Арно не стал, посчитав, что для охраны

Бульена достаточно. Это в беседе он, как нищий на ярмарке, а в бою, он и троих может заменить.

Подводы пришли вовремя, как и обещал Руах, на них в Порто-Рибери привезли зерно. Каждая повозка была запряжена двумя мулами. Караван сопровождали Мегеро, Бульен и дядюшка Хончо. Брат Лукас днём раньше уехал в Ровьезу, где намеревался сразу же встретиться с торговцем.

Мегеро не знал, какой разговор состоялся у монаха с купцом, но, когда обоз пришёл на склады Руаха, торговец принял его, как старого знакомого и заплатил за товар те деньги, которые он стоил. Клещ к этому времени уже хорошо знал цены на контрабандные пряности и табак. Более того, Руах даже интересовался, когда ждать следующую партию. На этот вопрос сеньор Арнольдо ответил весьма уклончиво, сказав, что ждёт известий от своего хозяина, который отбыл на Африканское побережье.

Мегеро побывал в гостях у брата Лукаса. На этот раз в его постоянной обители, в монастыре. Для этого Клещу пришлось обрядиться в сутану монаха-францисканца. Закрыв лицо капюшоном, он прошёл мимо монаха-привратника. Брат Лукас не хотел, чтобы его торговых партнёров знал в лицо кто-то ещё, пусть даже этот кто-то из монашеской братии. Деньги Мегеро передал тоже в руки брата Лукаса, а не настоятеля монастыря. Из чего он сделал вывод, что монах действительно пользуется неограниченным доверием приора Жеро, ведь такую сделку от настоятеля не скроешь.

По своей профессиональной привычке Клещ оценил стены монастыря на предмет штурма последнего, решив, что есть узкие места, где пехота может без особого труда пройти через стены, а уж тем более, ночные грабители, которые преодолевают стены не менее умело, зато без особого шума. Его также заинтересовал вопрос, где настоятель Жеро держит свою монастырскую кубышку. Деньги там должны быть не малые, если судить по размаху его торговой деятельности.

12. В ХИЖИНЕ ХОНЧО

Когда Мегеро со своими приятелями вернулся в Порто-Рибери, он рассчитался с Хончо и Бульеном, объяснив последне-

му, что основную сумму он оставляет для покупки судна. Однако обоим приятелям было ясно, что на эти деньги каравеллу не купишь, а фелуку они вернули Маркусу Кавалли, который считал, что он счастливо отделался, ловко выпутавшись из неприятной истории, ведь начальник таможенной стражи Рафаэль Бюркель, дополнительную информацию о котором можно получить в следующих главах нашей повести или в протоколах суда Святой Инквизиции города Порто-Рибера, всё ещё находился на лечении. Тем не менее, его шпионы и стража получили словесные портреты разбойников, напавших на начальника стражи и почтенного купца Кавалли.

Потому Мегеро, которому, в отличие от Бульена, на месте не сиделось, попытался изменить внешность – сбрил бороду и франтовато подкрутил усы. Он купил камзол из буйволового кожи, под который стал надевать кольчугу, новые сапоги и шляпу с фазаньим пером, чтобы отличаться от наёмных убийц. Пусть лучше его принимают за офицера в отпуске или отставке, ведь патента у него не было. На поясе он стал носить длинную шпагу, а наваху заменил офицерским кинжалом – дагой. В среде военных был распространён свой вариант искусства фехтования: «эспада и дага» – шпага и кинжал.

Хотя ему в голову приходила мысль обзавестись при случае патентом. Тогда можно было под видом рекрутов набрать команду подходящих головорезов. Ему ведь нужно было не пушечное мясо, а хваткие ребята, умеющие обращаться с рулём и парусом, также и с корабельными пушками. Впрочем, он никогда не останавливался на одном варианте достижения своей цели, в голове у него всегда был целый рой дельных мыслей, на пути реализации которых почему-то вставал закон. Клещ отличался не только завидной способностью задумывать авантюрные предприятия, но имел волчий нюх, чтобы распознать удобный случай и не упустить его. Его усилия были направлены не только на то, чтобы заполучить козырные карты, но и хорошо сыграть теми, которые есть.

Изменив внешность, он стал чаще появляться в порту, присматриваться к морякам, узнавать, какие суда приходят, куда и с каким грузом отправляются, а главное – к тем, кто набирает команду.

Питер Бульен, получив деньги, без

лишних слов, ввиду незначительности их запаса, возжелал заглянуть в «Белую акулу». Но Мегеро пресёк эту попытку, произнеся красноречивую и доходчивую тираду, из которой какой-нибудь юнга мог основательно пополнить запас богохульств и самой площадной брани, употребляемой в кабацком угаре или в ярости рукопашного боя. Смысл дружеского пожелания Бульену сводился к тому, что если там его схватит стража, то виновата в этом будет не такая примета, как отсутствие левой клешни, а полное отсутствие мозгов в его дубовой башке, которую с успехом могла бы заменить тыква.

– На корабле утопит море, в кабаке – горе, – поддержал Клеща старый лоцман, заметив, что кровью и потом заработанные монеты в «Белой акуле» стремительно убывают, и уговорил Дуболома ошвартоваться вновь в его хижине, будет дешевле. На что Пит Буль, который чем больше принимал на грудь, тем меньше брал в голову, согласился с явной неохотой, ему нравились бледные девки, которые всегда дежурили в таверне, с грустью глядя зелёными глазами, как моряки сорят деньгами, пока им не предоставляли возможность помочь в этом, тогда веселье охватывало и их.

Вечером, подходя к хижине, Мегеро услышал, как гудит знакомый бас – Бульен старательно выводил куплеты:

На абордаж! На абордаж!
Как молния топор.
Вцепились крючья в такелаж,
и рвёт картечь в упор.
От залпа накренилась ночь,
и навзничь тишина,
Как пыль, сметая звёзды прочь,
скатилась в зыбь луна!

Дядюшка Хончо на очаге готовил баранину, Дуб валялся на лежанке и горланил разные песни на один мотив, вспоминая по куплету из каждой:

Шум битвы тревогой азартной
звонит в головах.
Нас золото манит в дорогу,
и в душах восторг, а не страх!
В поход не за славой собрались
полсотни ребят.
Нас золото манит, и шхуна
в кровавый уходит закат!

Мегеро бросил шляпу на лежанку, снял плащ и кожаный камзол:

– Слушай, друг мой Педро! – обратился он к своему пьяному товарищу. – Сколько бы я ни вынюхивал новости в этом чёртовом порту, но всё больше убеждаюсь, что на свете по-прежнему остаются три старых и проверенных способа стать обладателями корабля: первый – купить судно и набрать команду, второй – набрать команду и захватить судно, и третий – наняться на судно, завербовать сообщников и захватить корабль. Для деловых людей годится только третий, потому что денег не так много, как хотелось бы, и они почему-то деваются, чёрт знает куда! Я, конечно, к этому привык, что они всегда уходят, потому часто им говорю: «До свидания, мои золотые!», но никогда: «Прощайте, я вас больше не увижу!». Но, дьявол меня побери, никогда ещё они не были так нужны, как в этой проклятой Европе!

– Хе-хе, это точно, – подтвердил хозяин хижины, – здесь они тают в любое время года! Ботфорты, плащ, а жизнь – хоть плачь...

Питер Бульен, не способный решить ни одной проблемы, но готовый пережить их все, сел на лежанке и, тараща глаза, слушал Клеща, пытаясь понять непостижимый для него ход мыслей последнего, и опять упустил хороший повод промолчать:

– Захватить фелуку мошенника Маркуса! – родил он идею, на шаривая ногами свои тяжёлые башмаки.

– Я знаю заранее, Дуб, всё что ты скажешь! Поэтому и не спрашиваю тебя. «Одна голова – хорошо, а две – лучше», это не про нас. Эту дурацкую поговорку придумали прохиндеи – продавцы шляп. Но и тут они оказались неправы. Ты даже шляпу не купил! Поэтому просто слушай. Нам придётся наниматься на корабль. На первый же корабль, который будет набирать команду. Главное, чтобы он нам подходил, и мы с тобой подошли капитану. Поэтому приведи одежду в порядок. Тебя экзаменовывать не будут, как управляешься со штурвалом и мушкетом. Просто посмотрят на твою рожу и... – Мегеро махнул рукой и выругался.

– Мясо готово! – сказал хозяин хижины, вытирая руки о штаны. Дядюшка Хончо прервал разговор своих постояльцев, пригласив их к трапезе.

– Слышал я от своих старых знакомцев, – продолжал он за ужином, – что

сам дон Алонсо Контрерас собирается в морской поход. И будет у него не один корабль. Он всегда отправляется на дело в составе эскадры не менее трёх, а то и пяти судов.

– Где же будет формироваться его флотилия? – заинтересовался Клещ, разрывая бараньи рёбра.

– Этого я не знаю, надо будет ещё кое-кого расспросить. Подготовка такого рейса потребует изрядного количества продовольствия и прочих запасов, так что узнать можно. Всё равно в нашей гавани будет что-нибудь известно. Однако в его команду попасть не так просто!

Мегеро бросил обглоданную кость на стол, вытер усы рукавом рубашки и чертыхнулся:

– Тысяча чертей, Питер! Нам действительно не обойтись без бумаг. Надо добыть хоть какую-то паршивую рекомендацию...

Бульен молчал, ибо рот его был занят, и бумагами он не интересовался, сейчас его интересовала баранья нога. Клещ вскочил и стал расхаживать из угла в угол. В груди его горел огонь, который жёг его душу изнутри и не давал покоя. А дядюшка Хончо взял уголёк, раскурил свою трубочку и довольно запыхтел ею.

13. ОПЯТЬ В РОВЬЕЗЕ

На следующий день Арно Мегеро, оставив залог, договорился об аренде лошади на пару дней и отбыл в Ровьезу. Ему нужно было снова встретиться с монахом.

Лошадь он взял у хозяина таверны «Семеро псов», предварительно поторговавшись. То ли у Мегеро проснулись гены жадности своего папаши, то ли потому, что он не был пьян и не сидел за столом, но его возмутила цена, которую заломил трактирщик:

– Какого дьявола?! – закричал Арно, – Три дублона за лошадь на два дня! Да этому мерину цена шесть дублонов!

Хозяин вежливо возражал:

– Это не крестьянская лошадка, сеньор офицер! Это мерин благородных кровей...

– Благородных кровей?! – возмущался Клещ. – Это же не боевой жеребец, мошенник ты чёртов!

Трактирщик упорствовал, так как считал, что высокая цена сама по себе украшает и коня, и его самого. В конце концов,

сошлись на двух дублонах, остальной залог хозяин таверны обещал вернуть.

Солнце ещё было в зените, а Мегеро уже въезжал в пригороды Ровьезы. К монастырю он подъехал после полудня. Монашеская сутана у него была с собой, в кожаном дорожном мешке, но понимая, что в монастырь он не попадёт до конца сиесты, Клец решил не терять времени и проверить, возможно ли туда попасть, минуя ворота.

Привязав лошадь на постоялом дворе, напоил её и отправился вокруг монастыря. Он без труда преодолел стену как раз в том месте, что заметил в прошлый раз. Надев сутану поверх камзола и скрыв лицо капюшоном, он обошёл здание и, чуть сгорбившись, приблизился к дверям. Никого не встретив, он прошёл сначала в тот коридор, где была келья настоятеля и убедился, что попасть туда не так просто — надо миновать дубовые двери, за которыми, как он предположил, сидит монах-привратник.

Удовлетворив своё отнюдь не праздное любопытство, он направился к брату Лукасу и негромко постучал в двери. Не услышав ответа, постучал сильнее.

— Кто беспокоит меня, грешника, уставшего от суеты, когда я только-только увидел во сне Блаженного Августина? — раздался сонный голос монаха.

Мегеро толкнул дверь и вошёл в уже знакомую келью.

— Я приношу свои извинения, брат Лукас, что побеспокоил тебя во время отдыха! Но я проделал путь в сорок миль, чтобы увидеть тебя и тут же уехать обратно.

— Что ж, проходи, брат мой, ведь нет никакого смысла спрашивать, можно ли войти, коли ты уже вошёл. Значит, так Богу угодно. Скорее я могу спросить, как же ты прошёл мимо привратника? — обитатель кельи уселся на своей лежанке.

— Господь надоумил, брат Лукас! Видно, он тоже знает, что к утру я уже должен быть в Порто-Рибери.

— Слушаю, что за срочное дело привело тебя в нашу обитель?

Мегеро рассказал монаху, что решил вернуться к своему ремеслу моряка, коли торговец из него не получается.

— Так случилось, что сейчас рядом нет моих знакомых, кто бы мог дать мне рекомендательное письмо, — закончил свой рассказ Клец.

— Великая бездна — сам человек, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения сердца. Так говорил Блаженный Августин, — монах, опутив голову, перебирал чётки.

— Признаюсь, давно не читал мудрых книг Святого Августина, — попытался поддержать тему Арно, — но по опыту знаю, что наши желания по-разному воспринимаются в различных обстоятельствах, также как волос больше ценится на голове, чем на гребешке, чёрт меня подери!

— Тихо, тихо, брат мой! — поднял взгляд брат Лукас. — Не чертыхайся в святой обители! Однако не могу не согласиться с твоей житейской мудростью. Чем же не нравится тебе торговля? Ведь ты молод, умён и энергичен. Мог бы достигнуть успехов и сколотить капитал.

— Мне нравится торговля, брат Лукас. Мне очень даже симпатичны купцы. От них очевидная польза. Но, каждому своё, — сказал Клец и подумал, что выгребать золото из купеческих трюмов куда прибыльнее, чем складывать его в кубышку, как покойный папаша или здравствующая сестрица. Воспитанный и возмужавший в среде корсаров Берегового братства, он считал общество разбойников более справедливым, чем общество торговцев, хотя бы потому, что в первом имущественное неравенство не только легко преодолевается, но и полностью разрушается тоже очень легко.

— Всем нравится красивая лошадь, но совершенно нет желающих ею стать.

— Истинно так...

— Это не я, это тоже Блаженный Августин сказал. Кстати, где ты оставил свою лошадь?

— А что такое, брат Лукас?

— Дело в том, что один мой знакомый дважды оставлял коня привязанным на улице и у него дважды воровали седло...

— Думаю, моё седло не тронут. Коня я оставил на постоялом дворе.

— Ты предусмотрительно поступил. А мой знакомый в третий раз седло взял с собой, так у него украли коня!

— Не повезло ему...

— Коню, да. Скорее всего, его украли цыгане. Видно, Бог их создал для того, чтобы мы лучше следили за своими вещами...

— Видно, для чего-то создал. Видал я одного медведя, что жил у цыган, так он даже в спячку не ложился, чтоб у него че-

го-нибудь не спёрли! Но поют они лучше евреев и в купцы не лезут.

— Каждый из нас таков, каким его сотворил Господь, а часто ещё хуже... Вот и выходит, что каждому своё. Значит, торговое дело ты решил оставить? Что ж, постараюсь тебе помочь. Может быть, ты и прав, не желая связывать свою жизнь с презренным жёлтым металлом, что странствует по всему белу свету, как Вечный Жид. Приобретая богатство, мы приобретаем и заботы... Но ведь не от нашего же настоятеля тебе нужно рекомендательное письмо? Поэтому мне понадобится некоторое время и...

— Готов пожертвовать несколько монет презренного жёлтого металла Святому Франциску, — вставил подходящие слова Клещ.

— Ну что ж, возлюби Бога и поступай, как хочешь...

— Это сказал Блаженный Августин, — догадался Арно.

— Видимо, очень давно ты читал его труды, коли так долго вспоминал, брат мой!

Мегеро поднялся:

— Может быть, трудно поверить, брат Лукас, но в душе я благочестивый и ревностный католик. Некоторые обстоятельства мешают мне регулярно читать святыне книги и часто посещать церковь. Потому наши беседы мне заменяют проповеди. Только расстанусь с тобой, как с нетерпением начинаю ожидать следующей проповеди... Э, прах меня побери, следующей беседы!

— Да поможет тебе Дева Мария, брат мой, сегодня вечером помолюсь за тебя, но на особый успех, признаться, не рассчитываю...

Мегеро не случайно вспомнил о проповедях. В своей бурной жизни он видел много мошенников, которые ничего не проповедовали, но на его несправедном жизненном пути не встречались проповедники, которые не были бы мошенниками.

Распроставшись с монахом, Клещ отправился в харчевню, где он оставил лошадей.

Там он спросил вина и телятины. В харчевне было полно народу, но он обратил внимание на двух молодых щёголей, что вели себя шумно. Они обсуждали, как им сегодня ночью вызвать через служанку некую Марту, так чтобы не услышал

её строгий отец. У одного из них, что вёл себя наиболее развязно, Мегеро заметил на пальце перстень с сапфиром, который назойливо говорил о том, что владелец его явно не бедствует.

Уже темнело, Арно решил выехать ночью и вышел во двор седлать своего мерина. В это время он и услышал шум ссоры в переулке за изгородью. Клещ не был бы Клещом, если бы остался равнодушен к какой-либо стычке. Он вышел полюбопытствовать. Двое щёголей, бывших только что в таверне, обнажив шпаги, атаковали двоих ещё более пьяных бродяг, один из которых, увидев, как упал его приятель, пустился наутёк. В переулке не было никакого освещения, кроме луны, и бедолага бежал, натываясь на столбы и заборы. Мегеро и не думал вмешиваться, дело обычное — пьяная драка. Но в это время один из молодых людей, видимо, разгорячённый одержанной победой, грубо окликнул его:

— Эй, сударь! Может, вы тоже что-то хотите сказать нам? Тогда мы к вашим услугам!

— Оставь его, Хуан! Разве ты не видишь, это конюх с постоялого двора. И похоже, что он немой! — воскликнул второй, вкладывая шпагу в ножны, они оба расхохотались.

Щенки часто не могут отличить волка от собаки. Это было серьёзной ошибкой с их стороны, потому что в груди Мегеро горел огонь, который не давал ему покоя, и Клещ не был бы Клещом, если бы он стал

дожидаться, когда его ещё раз оскорбят или ударят. Он молча приблизился к франту, у которого шпага оставалась в руке, и нанёс молниеносный удар, проткнув его насквозь, второго тут же ударил по голове. Иногда достаточно просто убить человека, чтобы не считать себя оскорблённым. Мегеро был уверен, что удар из-за угла лучше смывает оскорбление, чем дуэль по каким-то дурацким правилам. Не прошло и минуты, как двое валялись у его ног. Он снял перстни с пальцев обоих, срезал кошельки с поясов и, вернувшись во двор таверны, вскочил на коня. Теперь пора было уезжать.

14. РЕКОМЕНДАЦИЯ ШТУРМАНУ ПЕРЕЙРО

Расставшись ещё с одной золотой монетой, Клещ миновал стражу у городских ворот и пришпорил коня. Не так уж плох оказался мерин. Отдохнувший, он бодрой рысью нёс всадника вдоль пригородных полей, и прохладный ночной ветер обдувал горячую голову Мегеро. Ночная дорога была приятней дневной поездки. Встретить искателей чужого золота и своих приключений он не боялся. При нём была шпага и пара заряженных пистолетов на кожаном ремне. Так что к утру он благополучно вернулся в Порто-Рибери и, подкрепившись в таверне «Семеро псов», не отдыхая, направился в порт. Теперь он уже знал, о каких кораблях ему нужны сведения и стал обходить всех, с кем уже познакомился, чтобы поболтать о новостях. На дядюшку Хончо он, конечно, рассчитывал, но и сам сидеть, сложа руки, не собирался.

Видимо, день не задался с самого начала. Уже подходя к гавани, он встретил Рафаэля Бюркеля в сопровождении двух солдат. Проклятый таможенник уже очухался и снова занялся своими делами. День свадьбы дочери приближался, и Бюркель был весь погружён в хлопоты.

Мегеро не боялся, что его опознает кто-то из матросов или солдат. Простому человеку нужно обладать отчаянной смелостью, чтобы выдать морского разбойника. Каждый желает продлить свои дни и хочет, чтобы его семья была в безопасности. А если донесёшь на кого-либо из этих молодцов, то за твою жизнь не дадут и затёртого маравети.

Но начальник стражи оконфузив-

ших его пиратов прощать не собирался. И Арно, не боявшийся ни сабли, ни пули, в душе всё-таки ощутил тот неприятный холодок, который он помнил с того момента, когда ещё матросом забрался на бушприт, чтобы поправить фок-стаксель, и увидел, как в десяти футах под ним резвятся акулы. Виселица была гораздо неприятнее морского хищника, поэтому он надвинул шляпу на лоб, закрывая шрам, и отвёл взгляд. В порту было много всякого народу, и начальник стражи не обратил внимания на Клеща, ведь тот всё же сбрил бороду и изменил костюм.

Проведя полдня в порту, Мегеро нашёл в слухах, ходивших среди моряков, подтверждение того, что ему сообщил Хончо, но не более. А старый лоцман вечером рассказал ему новые подробности, что узнал от приятелей, которых у него было столько, сколько не было народу во всём Порто-Рибери.

— Арно, болтают разное, — начал дядюшка Хончо, — но я сначала скажу, что узнал от бывшего боцмана Ренато. Я тебе о нём говорил — тот, у которого племянник служит в ратуше.

Алонсо Контрерас готовит эскадру из четырёх кораблей. И одно судно будет снаряжаться в нашем порту. Куда пойдёт эскадра, толком никто не говорит. Ты сам знаешь, что это иногда даже моряки узнают только перед экспедицией. Слышал я, что может быть — на Мадагаскар. Только, что-то не похоже. Думаю, тогда бы корабли отправлялись из Ла-Коруньи. Другой слух — корабли пойдут на восток с разведывательной миссией: узнавать о продвижениях османской эскадры, которая каждый год по островам архипелага собирает дань султану. Иногда доходит до Сицилийского пролива и совершает набеги на христианские берега.

Другие говорят, что эскадра пойдёт на запад, чтобы наказать берберских пиратов, что совершают набеги с севера Африки. Они многие наши прибрежные города и деревни разорили. Людей увозят в рабство. Говорят, у короля терпение кончилось, вот он и снаряжает экспедицию. Куда пойдёт корабль, можно точно узнать позднее, по количеству провизии, когда судно будет вооружаться и готовиться в рейс.

— Разрази меня гром, если мне интересно, куда пойдёт дон Алонсо Контрерас! — бурно отреагировал Мегеро. — Мне

важно, куда пойду я! Отлично. Отлично, Хончо! Готовься, Бульен! Это наш шанс. — Клещ воодушевился. Глядя на него, можно было подумать, что корабль отходит завтра, а он уже на капитанском мостике.

Чутьё подсказывало, что дело по нему. Опыт флибустьерской жизни приучил его, что в любом деле есть элемент авантюры. Но он должен быть не настолько велик, чтобы подвергать свою шкуру неоправданному риску, но и не настолько мал, чтобы за дело было стыдно братья уважающему себя корсару.

Через неделю Мегеро встретился с монахом в таверне «Семеро псов». Тот привёз обещанную бумагу. Клещ отдал кошелёк с золотыми монетами и стал читать, шевеля губами. Рекомендательное письмо на имя штурмана Арнольдо Перейро было от дона Фернандеса Эстебана, бывшего капитана галеона «Нуэстра Сеньора де Аточа».

Мегеро поднял глаза на монаха:

— Но этот галеон затонул, идя с грузом из Гаваны!

— Да, брат Арнольдо, но дон Фернандес уже к тому времени жил в своём имении. К тому же он никогда не командовал кораблём, он был капитаном солдат на этом галеоне.

Клещ дочитал до конца рекомендательное письмо:

— Дьявол... Э-э-э...Прости, Господи! — Клещ сделал вид, что перекрестился. — Прах меня побери! Если бы ко мне пришёл человек с такой бумагой, я бы взял его, не раздумывая. Бумага иногда бывает важнее мушкета, чтоб я сгорел! Но, брат Лукас, а если капитан, к которому я обращаюсь, лично знаком с этим доном Фернандесом? Что если он захочет навести справки?

Монах почесал свой сизый нос:

— Дон Фернандес уже слышит зов Господа, он часто пребывает в беспамятстве. Я его исповедовал, когда он приходил в себя. Это безобидное письмо он подписал в присутствии наследников и с их разрешения. Ему даже показалось, что он помнит тебя в должности сержанта...

— Благодарю, брат Лукас, если я когда-нибудь постригусь в монахи, то приду в ваш монастырь!

— Благое намерение, проводить время в служении Господу и молитве. Только молитвой можно очистить душу...

— Трудно возразить тебе. Очистить

душу, конечно, можно. Только молитва мяса не даёт. Для этого нужна свинья. Именно это обстоятельство меня пока смущает.

— Что же выходит, брат мой, «волк наелся мяса, да в монахи подался...»? Дьявол всех нас, грешников, смущает, а Господь испытывает. Добродетель имеет много поклонников, но мало последователей. Никто не может знать, что будет завтра, брат мой. Если Господу будет угодно, то и я, грешник, ступлю на корабль и отправлюсь миссионером обращать дикарей в веру Христову...

— Неблагодарная это работа, брат Лукас! Имел я дело с этими дикарями, и с красными, и с чёрными, не к ночи будь помянуты. Не крестил их, конечно, но в божьи пенаты отправлял. По-моему, так Бог их создавал отдельно от нас..., — антипатия Клеща к дикарям объяснялась просто, ведь он совсем недавно в Западной Африке имел возможность убедиться, что «чёрное дерево» превращать в золото, не такое уж прибыльное дело, по сравнению с обычным грабежом.

Положив бумагу за пазуху, Мегеро отправился к дядюшке Хончо.

15. ПОМОЩНИК КАПИТАНА

Дни тянулись медленно, но вот наконец Мегеро узнал — в Порто-Рибера заходит корабль «Эсперанса» под командованием капитана Гарсиа Карлоса. Трёхмачтовая каравелла-редонда вошла в порт и встала у причала для подготовки к походу.

Мегеро принялся наводить справки о капитане и готовится к визиту на судно. Он принял все меры, чтобы произвести благоприятное впечатление на командира корабля, учитывая то, что ему рассказали моряки о характере Карлоса.

А узнал он, что Гарсиа Карлос, будучи в подпитии, однажды сказал кое-что лишнее при командире эскадры. Ром, как известно, молчит, пока бутылка закрыта. Но как только уровень жидкости в ней начинает опускаться, из-за того, что пробку часто вытаскивают, то выпитый ром начинает говорить вместо хозяина бутылки.

В результате капитан Карлос был назначен командовать самым маленьким из кораблей флотилии — слабовооружённой каравеллой, роль которой определялась, скорее, как вспомогательная.

Итак, Клещ привёл костюм и себя в порядок. Сделав над собой усилие, исключил на время из словаря матросские выражения и надел на палец перстень с сапфиром. Как известно, иногда перстень на пальце может сделать больше, чем шпага в руке. Он знал, что команда набрана едва ли наполовину, поэтому и рассчитывал, что им с Дуболомом удастся попасть на судно.

Не рано и не поздно, а как раз в то время, когда завтрак уже давно прошёл, а мысли об обеде ещё не посещают занятых делом людей, Мегеро поднялся по трапу на борт и, обратившись к вахтенному матросу, велел доложить, что офицер Арнольдо Перейро просит капитана его принять. Через две минуты матрос вернулся и, махнув рукой в сторону кормы, сказал, что капитан ждёт у себя.

Мегеро шёл, внимательно осматривая судно. Весь корпус каравеллы, все его детали были выполнены из дуба. Это был старый корабль. Он понимал, почему каравелле назначено быть вспомогательным судном: прямые паруса на грот-мачте и фок-мачте давали хороший ход при попутном ветре, а косой парус на бизани делал её очень маневренной. В то же время небольшая осадка позволяла заходить в реки или швартоваться там, где галеону или каракке и близко не подойти. При её слабом вооружении, роль основного корабля ей никак не подходила. Только разведка и посыльный корабль.

В каюте капитана Карлоса пахло ароматической водой и ромом. Клещ снял шляпу и назвал себя.

— Дон Гарсиа, будучи наслышан о вас, как о мужественном солдате и талантливом морском капитане, зашёл представиться, — Мегеро знал, что лезть, как и духи, создаёт приятную атмосферу и переборщить не боялся.

Капитан, не вставая, кивнул головой и предложил сесть:

— Готов выслушать вас, Арнольдо Перейро, — хмуро сказал капитан.

— Я моряк, был на берегу несколько месяцев. Приезжал навестить больного отца. Теперь же, когда душа его в руках Господа, хотел бы вернуться на службу, — Арно протянул капитану рекомендательное письмо. — Я много лет пробыв в Вест-Индии. Дон Фернандес Эстебано, пожалуй, здесь единственный, кто хоро-

шо знает меня по службе.

Капитан развернул и внимательно прочёл письмо. Поднял глаза на Клеца:

— Как здоровье дона Фернандеса?

— Худо, дон Гарсиа. Как бы он не отправился на небо вслед за моим отцом, — Мегеро переложил шляпу в другую руку и перекрестился, закатив глаза в потолок, капитан скосил глаза на блеснувший на пальце сапфир.

— Я наслышан о нём, хоть и не имел чести быть знакомым лично, — уже более задушевым голосом продолжал капитан. — Что же вы умеете делать на корабле?

— Знаком с корабельной артиллерией, умею пользоваться астрольбией, лагом и лотом, вычислять местонахождение и прокладывать курс корабля, приходилось быть шкипером и водить абордажную команду, — бодро отвечал Клещ. И здесь он говорил сущую правду.

— У меня уже есть штурман. Предлагаю вам обойти сейчас судно в компании со мной, потом мы будем говорить дальше. Не подумайте, что устраиваю вам экзамен, но всё-таки... Дело в том, что список офицеров я должен представить генерал-капитану эскадры дону Алонсо Контрерасу. Это его приказ.

Когда он говорил, Клещ понял, откуда запах рома. А ароматической водой пахли кожаные перчатки капитана, что лежали на столе. Некоторые щёголи так старались избавиться от запаха плохо выделанной кожи.

Беседуя, они обошли корабль, державшись у орудий. Их было двадцать, но в это число входили также вертлюжные пушки и фальконеты с длиной ствола не более трёх футов — по сути тяжёлые стационарные мушкеты. Когда вернулись в каюту, дон Гарсиа уже принял решение:

— Я говорил, штурман у меня есть. Предлагаю вам место моего старшего помощника. Сейчас нужно заниматься подготовкой к рейсу: провиант, порох и прочее. Если согласны, завтра подписываем бумаги и приступайте к исполнению обязанностей. Кстати сказать, нам нужно ещё несколько матросов и канониров.

Арно Мегеро еле сдержался, чтобы не улыбнуться. О лучшем он и мечтать не мог. Он бы согласился и старшим матросом, не то что помощником капитана. Наконец-то удача улыбнулась ему!

16. «ЭСПЕРАНСА» ГОТОВИТСЯ К ПОХОДУ

На следующий день Мегеро уже приступил к исполнению обязанностей, которые определил ему капитан. Они были достаточно широки, тем более, что судно снаряжалось в рейс.

Куда готовится идти «Эсперанса», знал только дон Карлос. Куда она действительно пойдёт, знал только Мегеро. Он со всем старанием отнёсся к вооружению судна, ведь предстояло пересечь Атлантику. Потому должен быть запас провианта, с учётом резерва, на полтора месяца. И если ошибка в один-два дня с продуктами была не очень страшной, то с водой и пушечными зарядами ошибаться было нельзя. Поэтому Клещ тщательно сверял со списком всё, что принимали на борт, и если вносил коррективы, то только в сторону увеличения.

Боцман «Эсперансы» Бернар Грассо удивлялся, зачем столько воды, ведь её запасы можно пополнить в любом порту. Но Арно пресёк возражения, сказав, что бочки могут и потечь. Грассо за свою двадцатилетнюю службу на море вспомнил только один случай, когда протекла бочка, да и то с ромом. Чтобы боцман не предавался воспоминаниям, новый помощник капитана отправил его проверить запас парусины, надёжно ли закреплён такелаж и как матросы выдраили палубу.

Мегеро, не доверяя интенданту, проверял, сколько привезли галет и солонины, рису, сыру и солёной рыбы, сколько загрузили бочек с оливковым маслом, с ромом, с вином. Он лично проверял, какое количество зарядов с порохом, мешков с картечью и ядер поступило на корабль.

Капитан Гарсиа Карлос первые два дня наблюдал за своим помощником, потом, видя его усердие и стремление вникнуть во все мелочи, решил, что Бог послал ему опытного первого лейтенанта и занялся на берегу нанесением визитов вежливости знакомым мужчинам и незнакомым дамам.

Арно Мегеро был кровно заинтересован, чтобы каравелла как можно лучше была подготовлена. Никто так эффективно не может контролировать мошенников, как более опытный мошенник. Обнаружив в одной из подвод, прибывших на причал, галеты с плесенью, он рассердился не на

шутку и обрушился с бранью на приказчика, что был при обозе:

– Негодяй, ты хочешь, чтобы мои матросы ели гнилые сухари, которые даже крысы жрать не будут?! И это за деньги, что тебе платят из королевской казны?! – Клещ выхватил из-за пояса шпагу и, не вынимая клинок из ножен, что есть силы огрел приказчика по спине. – Немедленно отправить обратно эту телегу! Вместо неё, мерзавец, привезёшь две с хорошими сухарями! Или я тебя пристрелю прямо на причале, сефардское отродье!

Только вор может поймать вора, и только закон может его оправдать, поэтому новый помощник капитана пытался наводить порядок с помощью шпаги и пистолета.

Присутствовавшие при этой «беседе» матросы переговаривались:

– Ты видишь, Педро, каков первый лейтенант? Это прямо зверь! У приказчика, по-моему, не только камзол на спине, но и шкура лопнула, когда он его огрел!

– Ещё бы! Если капитан – первый после Бога, так он считает себя вторым. С другой стороны, разве ты согласен есть хлеб с плесенью? Лишь бы он матросов так не драл. А то будет у нас на судне, кроме боцмана, ещё один дракон.

– Матросов он не трогает... Кроет, правда, последними словами, как будто не офицер, а пират какой-то!

Клещ не оставлял без внимания и комплектование команды. Это было для него ещё важнее. Он сказал Дуболому, когда нужно явиться на корабль. Следом за Бульеном на «Эсперансу» пришли пять матросов, которых Мегеро подобрал по рекомендации дядюшки Хончо.

Клещ сам проверил все пушки «Эсперансы», чтобы в стволах не было гари, а на ядрах – ржавчины, и на следующий день, желая польстить капитану и пустить пыль в глаза, продемонстрировал ему, как работает команда пушкарей по подготовке орудий к бою, представив Бульена, как опытного канонира. Собственно, так оно и было.

Довольный тем, что команда укомплектована полностью, дон Гарсиа Карлос назначил Педро Бульена мастером-канониром. Так Дуболом занял унтер-офицерскую должность.

Последнюю штатную единицу в команде заполнил сам капитан. Он привёл на корабль сухощавого молодого чело-

века с длинными волосами и короткими тёмными усами. В руке его был кожаный саквояж.

— Знакомьтесь, Перейро, это наш лекарь Даниель Рут. Несмотря на молодость, имеет опыт. Он был полковым врачом...

Клещ кивнул головой и, желая узнать побольше о новом члене команды, сказал:

— Осмелюсь заметить, господин капитан, что между полковым врачом и судовым лекарем есть небольшая разница.

— В чём же?

— Полковой врач не ходит на абордаж...

— Это верно! Что скажете, Даниель Рут? Мой первый лейтенант — искушённый моряк.

Лекарь пожал плечами:

— Конечно, я не ходил на абордаж. Я вообще не служил на кораблях. Но я был на войне, из мушкета стрелять приходилось и шпага всегда при мне.

— Отлично, Рут! Всё приходит с опытом, освоите и эту премудрость.

17. ПРОЩАНИЕ

День отправления в рейс приближался, каравелла была готова сбросить швартовы. Дон Гарсиа Карлос ждал пакета от дона Алонсо Контрераса, на которого он был обижен, так как считал, что заслуживает более высокой должности. Три других корабля флотилии, в том числе флагманская каракка генерал-капитана, вооружались в других портах. Заносчивый Карлос видел себя вторым лицом после Контрераса — адмиралом эскадры, поэтому он и относился несколько халатно к своим обязанностям капитана маленькой каравеллы, чем в полной мере воспользовался Мегеро.

Он никак не афишировал своё близкое знакомство с Бульеном, которому поручил прощупать экипаж, чтобы узнать, кто к ним присоединится, когда они сместят капитана. Дуболом с пятью товарищами начали вести осторожные разговоры с матросами и канонирами из сборного экипажа «Эсперансы».

Мегеро ждал удобного случая. Поскольку каравелла перед отходом должна взять на борт солдат, надо было сняться с якоря до этого момента.

— Кроме наших пятерых, ещё человек десять, на которых можно положиться. Не подведут. — докладывал Клещу ма-

стер-канонир Бульен. — Есть также десяток людей боцмана, преданных Бернару Грассо. Эти на бунт не пойдут, придётся их — за борт. Ещё есть несколько дураков, с которыми и говорить опасно, не поймёшь, куда повернут...

— Если хотим иметь большинство, нужно, чтобы все дураки пошли за нами. Можно говорить им что угодно, и совсем не обязательно правду. Кого за борт, а кого — на рею, это я решу. Лучше придумать, куда бы их отправить на время...

Клещ знал, что говорил, уговорить дураков Бульен мог запросто. Они были на одной волне.

В тот день Мегеро успевал везде. Лошадь, которую капитан выделил ему на время подготовки судна, была в мыле. Он организовал посылку от неизвестных «друзей» дона Гарсиа, в которой было несколько бутылок ямайского пряного рома.

Капитан угостил сначала боцмана, убедившись, что ром можно пить, начал пробовать сам. Вечером, когда капитан «Эсперансы» крепко уснул,

Мегеро распорядился отпустить на берег боцмана с его людьми. Он напутствовал Бернара Грассо:

— Боцман, вероятно завтра придёт пакет от генерал-капитана, будем сниматься с якоря. Поэтому сегодня можно отдохнуть. Есть возможность части экипажа сходить на берег. Возьми с собой матросов, которые это заслужили. Но только не из числа тех, что ходят в кабак исповедоваться, а в церковь — вздремнуть. Чтобы пьяные не болтали лишнего, и чтобы к утру были на борту каравеллы.

Второго лейтенанта Мегеро тоже отправил на берег с выдуманным поручением. На судне оставался только вахтенный офицер — штурман «Эсперансы».

Когда боцман со своими друзьями отправился в таверну «Семеро псов», Мегеро приехал туда, чтобы встретиться с хозяином. Заплатив ему, распорядился:

— Морякам на стол выставишь ром, каждому по бутылке. Да смотри, чтоб ром был крепок и горел.

— Господин офицер, от кого ром, если спросят?

— Скажешь, от друзей.

К вечеру на корабле оставались, в основном, люди, готовые идти за заговорщиками. Остальных Клец решил силой заставить примкнуть к ним или убить.

Ближе к ночи, когда у мятежников всё было готово, Арно, отдав последние распоряжения Бульену, снова вскочил на лошадь и помчался в таверну «Белая акула». Ему не удалось дотянуться до денег Ровьезанского монастыря, но кубышку своей сестры Луисы, он всё-таки хотел проверить...

Если, кто-то сомневается, заслужил ли Дуб своё прозвище, то напрасно. Потому что, как только Мегеро на своей лошади скрылся в конце пристани. Пит Буль решил, не теряя времени даром, запастись в дорогу толикой доброго вина. Предупредив вахтенного офицера, что ему надо отлучиться на полчаса, он спустился по трапу и отправился к ближайшему торгашу, чья лавка была недалеко от причала. Благополучно совершив столь необходимую покупку, он взял кожаный бурдюк с красным вином и собирался покинуть лавку.

Начальник таможенной стражи Рафаэль Бюркель, по прозвищу Пустоголовый, в это время, на беду Дуболома, обходил с ревизией территорию порта. Подобные инспекционные походы он практиковал с завидной регулярностью, потому как считал, что о себе надо напоминать чаще. Ведь от этого была двойная польза: улучшалось благосостояние Бюркеля и страх перед таможенной стражей воспитывал уважение к власти. По известному закону пересечения случайностей он зашёл в эту же лавку и носом к носу столкнулся с Бульеном. Даже если бы начальник стражи был дважды контуженным и трижды пустоголовым, не узнать Дуболома он не мог.

Бюркель вытаращил глаза и заорал двум солдатам, что были у него за спиной: – Взять его!!

В тесноте лавки солдаты стражи не успели даже выхватить сабли, как Дуболом расшвырял их по сторонам, Бюркель благоразумно убрался сам с дороги великана, забившись в угол. Дуб выскочил на крыльцо, прижимая к животу бурдюк с вином, но тут на его беду стояли ещё четверо из сопровождения начальника стражи. Направив свои мушкеты прямо в грудь верзилы Питера, они вынудили его остановиться.

Стражники дружно навалились на Бульена и скрутили ему руки за спиной сыромятными ремнями...

В это время подъезжавший к таверне Клец к своему удивлению не увидел света в окнах. Когда постучал в дверь, услышал голос щекастого Леона:

– Кто там?

– Открывай, это Арно Мегеро!

Слуга дверь открыл и сразу доложил:

– Господин Мегеро, хозяйки нет.

– Где же она? Я так хотел попрощаться, – Мегеро, не поверив слуге, оттолкнул его и отправился наверх.

– Господин Мегеро, хозяйка не велела никого пускать!

Клец выхватил шпагу, резко повернулся и приставил клинок к горлу Леона:

– Ах ты, мерзавец, ты не пускаешь в дом брата своей хозяйки?

– Что вы, что вы!

У Леона затряслись щёки. Он понял, что лучше молчать. Клец взбежал на второй этаж. Дверь в спальню Луисы была заперта. Ударил её плечом. Бесполезно. Такую дверь без инструмента мог сломать только Бульен. Снова спустился вниз.

– Эй, – окликнул слугу. – Куда ушла Луиса?

– Я не знаю, сударь. Она ничего не сказала. Взяла саквояж и уехала...

– Какого чёрта! – выругался Клец. – А ну, иди сюда!

Он схватил слугу за ворот и обшарил карманы. Найдя в его кармане ключ, спросил:

– Это от её комнаты?

Леон затряс головой. Клец отпустил ему затрещину:

– Что же ты молчал, негодяй?

– Спасибо, господин Мегеро...

– За что «спасибо», дурак?

– За то, что у меня будут синяки. Если Луиса узнает, что я добровольно отдал вам ключ, мне не сдобровать!

– Ты что же, мерзавец, бываешь у неё в спальне?

– Только с её разрешения...

– Чёрт меня побери! Моя сестра сожительствует со слугой, грех-то какой! Видно, мирской путь её окончательно

разошёлся с добродетелью. Что скажут мои друзья, священники-францисканцы?! – воскликнул Клец и снова устремился на второй этаж.

Открыв дверь, ворвался в спальню сестры и бросился под кровать. Железный сундук, стоявший там не был заперт. Клещ, открыв крышку, убедился, что он пуст. Это привело его в ярость. Луиса опять упредила. Какое чутьё у этой ведьмы!

Спустившись вниз, он кинжалом взломал шкаф, тот самый, что опустошил десять лет назад.

— Что вы делаете!? — закричал Леон.

Обозлённый неудачей Клещ развернулся и свалил его ударом кулака в лицо:

— Заткнись, сын свиньи и монаха!

Из шкафа он выгреб около трёх десятков дублонов. Он не любил огорчать родственников без какой-либо, пусть маленькой, выгоды для себя.

— Хоть что-то на память о бедной Луисе, падающей в бездну греха!

Леон, очухавшись, стоял на карачках и стонал:

— Что я скажу... Что я скажу хозяйке?

— Скажи ей, мерзавец, что я получил офицерский патент и уехал на войну. Когда вернусь, воткнув копьё в землю Фландрии, я в этой таверне размещу роту солдат на постой. Вспомнит она меня!

Арно рассовал монеты по карманам и налил себе вина.

Леон перестал размазывать кровь по щекам:

— Как же так, целую роту? А кто будет платить?

— Кто? — переспросил Клещ, потягивая вино. — За солдат платит королевская казна. Правда, не сразу. Но ты объясни ей, что надо любить и ждать. Любить короля и ждать, когда он заплатит. Всё, — Мегеро стукнул кружкой по столу. — Труба зовёт!

Он вышел на улицу, вскочил на лошадь и пустил её в галоп. Так Клещ второй раз простился с родным домом.

18. «ЭСПЕРАНСА» ВЫХОДИТ В МОРЕ

Самонадеянный Бюркель опять допустил ошибку. Решив, что теперь проклятый пират никуда не денется, он оставил четверых своих солдат забрать товар из лавки, ведь это главное! А сам в сопровождении двух стражников повёл Бульена в сторону ратуши. Дуболом понуро вышагивал по пристани, будучи не в состоянии даже пошевелить руками и вспоминая поговорку товарищей по Береговому братству — «случайная пуля не промахивается». Руки

были связаны весьма профессионально, и бедолага уже смирился с тем, что «Эсперанса» уйдёт в море без него.

На пристани, освещённой тусклым светом фонарей, раздался дробный топот копыт. К процессии, возглавляемой Бюркелем, приближался всадник. В голове Дуболома это не вызвало никаких ассоциаций, он был в подавленном состоянии духа, в голове Бюркеля — тем более, он торжествовал.

Мегеро, обладал способностью быстро принимать решения в подобных ситуациях. Не потому, что мысли его были быстры, а в силу своей природной интуиции. В такие моменты у него случался лёгкий приступ безумия, а это безумие в стычке всегда даёт преимущество внезапности. Не успел начальник стражи и глазом моргнуть, как оказался под копытами коня. А Клещ, не успев ещё расплескать всю ярость после неудачной попытки завладеть кубышкой Луисы, вновь был приведён в бешенство — на грань срыва было поставлено предприятие, которому он отдал столько сил и времени. Он нанёс два жестоких удара шпагой в лица сопровождавших солдат. Спрыгнув с лошади, разрезал ремень за спиной Дуболома и со злостью пнул его что было силы в зад тяжёлым сапогом:

— Вперёд! На место, идиот!

Бросив лошадь тут же на причале, Арно Мегеро бросился бегом вслед за Питером на судно. Вбежав по трапу на каравеллу, направился в каюту капитана. Убедившись, что Карлос там, запер каюту и прошёл на мостик к вахтенному офицеру.

— Перейро, это вы..., — только и успел сказать штурман. Как ящерица на солнце, в свете фонаря блеснула шпага. Офицер рухнул, сражённый ударом стального клинка.

— Всем наверх! — крикнул Клещ Бульену. — Пошевеливайся, якорь тебе в глотку! Убрать трап! Отдать швартовы!

Дуболом гаркнул на матросов, те метнулись, как овцы, услышавшие рык пастушьего волкодава. Некоторые из них ещё не понимали, почему отходят без боя.

— По местам стоять! — продолжал командовать отходом Мегеро. Он сам стал за штурвал, матросы бросились к парусам. Бульен их подгонял. При свете луны в полной тишине мятежный корабль вышел из бухты и покинул акваторию порта. Впереди было открытое море. На счастье пиратов ветер был с материка. При лёгком норд-осте каравелла шла в фордевинд и к рассвету «Эсперанса» уже была в пятидесяти милях от Порто-Рибера.

Клещ быстро сделал расчёты — при благоприятных условиях через двое суток они должны были выйти в океан. Но предстояло ещё разобраться с пленниками. И здесь, несмотря на свою природную жестокость, Мегеро решил не идти на поводу у Бульена, который предлагал казнить Гарсиа Карлоса. И дело здесь вовсе не в приступе жалости или доброты, для Клеща не существовало доброго и злого, позорного и славного, честного и бесчестного — для него было только выгодное и невыгодное. Он не знал, как отреагирует команда, которая ещё не была с ним в бою и не повязана ни золотом, ни кровью. Проще было высаживать бывшего капитана где-нибудь на Марокканском берегу, а там пусть он хоть сдохнет.

Утром главарь мятежников Клещ вошёл в каюту дон Гарсиа Карлоса — бывшего капитана «Эсперансы». Тот уже понял, что произошло и был готов к самому худшему. При всех своих недостатках, трусом он не был, и встретил Мегеро гневной тирадой:

— Вы понимаете, что обрекли на виселицу не только себя, но и этих несчастных? Рано или поздно вас всех схватят!

Он не догадывался, что его судно отправлялось на другой край света.

— Дон Гарсиа, подумайте лучше о себе! Эти несчастные сами за себя решили. А теперь они решат, болтаться вам на рее или пулю получить, если вы будете держать себя с тем же высокомерием! — Клещ положил руку на рукоятку пистолета.

— Если ты, негодяй, думаешь, что я испугался угрозы предателя, то ты ошибаешься! — Карлос встал со стула.

— Успокойся, бывший капитан! С «негодяем» я ещё соглашусь, но предателем никогда не был. Это также верно, как то,

что я не присягал ни вашему королю, ни тебе, дон Гарсиа. А тот контракт, что мы подписали, можешь сожрать от злости, если это тебя успокоит. Я такой же Перейро, как ты — Филипп Четвёртый!

Мегеро вышел из каюты и снова запер её. В это время вахтенный матрос ударил в рынду и пробил восемь склянок, Клещ поднялся на мостик и велел Бульену свистать всех наверх.

Перед ним стоял поредевший экипаж «Эсперансы» — двадцать девять человек, все кроме Карлоса и лекаря Даниеля Рута, которого тоже заперли в каюте от греха подальше.

— Так вот, ребята, захватив этот корабль мы все заключили контракт. Не с капитаном, не с королём, не с Богом и не с дьяволом. Мы заключили контракт между собой, что будем командой. Свободной командой! Отныне мы живём по законам Берегового братства. А потому первое, что мы должны сделать — выбрать капитана!

Клещ отлично понимал, чтобы командовать этими, пренебрёгшими королевским законом людьми, ему нужно их согласие. Хотя бы формальное. Он, конечно, и мысли не допускал, что кто-то, кроме него, будет командовать захваченным им кораблём. И любого, кто хоть намёком выскажет это намерение, он готов был тут же изрубить на куски. Но ему нужно было соблюсти ритуал, чтобы никто не смог обвинить его потом в нарушении этих самых «законов» Берегового братства, на которые он так любил ссылаться, потому что мало кто знал, что это за законы. И уж тем более, никто не мог их толковать. Такое право обычно предоставлялось выбранному капитану, и Мегеро старался внушить новой команде, что как в лесу самые главные законы — это законы джунглей, так и в море — пиратские.

— Никаких капитанов нам не надо, кроме капитана Клеща!! — рявкнул Бульен и ему тут же вторили два десятка глоток. Это были те матросы и канониры, что поддерживали мятеж. Остальные, хоть и без восторга, согласились. Понимали, что деваться им некуда. Молча стоял высокий худой канонир с длинным носом и угловатыми бровями. Когда стих шум одобрения, он обратился к Мегеро:

— А как быть тем, кто не хочет подписывать никаких контрактов?

Арно был готов к тому, что не все так легко согласятся ступить на опас-

ную дорогу морского разбоя. И хотя возражений в принципе не терпел, всё же решил показать всем, что каждый волен выбирать свою судьбу.

— Как зовут тебя? — спросил вновь избранный капитан пиратов.

— Меня зовут Элазар...

— Ты должно быть понимаешь, что три десятка человек, которые выбрали свой курс, его не изменят, чтобы вернуть тебя в Порто-Рибера к твоей жене...

Матросы засмеялись.

— ...Всё, что я могу, это высадить тебя на берег. Но там, где это будет удобно нам, но не тебе! А, впрочем, у тебя есть время подумать.

Худой канонир больше вопросов не задавал, но Мегеро его хорошо запомнил.

— А куда мы идём, капитан? — спросил один из матросов. — По-нашему разумению, команда это должна знать! — он повертел головой вокруг, ища поддержки товарищей. Те одобрительно загудели.

— Мы идём за золотом! И будь я проклят, если в трюмы «Эсперансы» через пару месяцев не потекут золотые монеты. Я был совсем пацаном, когда попал на французский капер, но я хорошо запомнил свой первый приз. Мы распотрошили голландского купца, и моя доля была — полная шляпа серебряных монет. А ведь я был всего лишь младший матрос...

— Капитан, а где сейчас эта куча серебра? — опять закричал матрос, крутя головой и подмигнув неизвестно кому.

— Не сойти мне с этого места, если совру, ребятки! Эти монеты давно у трактирщика и тех весёлых девок, что несут свою вахту в тавернах!

Снова раздался оглушительный хохот, теперь уже смеялись все.

— С тех пор мне довелось ходить на разных каперах: испанских, французских, английских. Но лучшее время было, когда капитан прекращал отдавать львиную долю сухопутному разбойнику — королю, и поднимал на гроте чёрный флаг, тогда все подряд купцы были наши. Клянусь, были случаи, когда торговые суда отдавали нам четверть своего груза сразу же, как только замечали на грот-брам-стенге «Весёлого Роджера»! Ребятки, мы идём в Вест-Индию, на Карибы, куда не дотягивается власть короля, а власть Бога милостива, как говорит мой приятель, брат Лукас, потому что на одном корабле приходится служить католикам и протестан-

там, гугенотам и мусульманам, и даже безбожникам!

Вот так капитан Клещ воодушевил свою команду. Распорядился Карлоса запереть в одном из тесных кубриков и занял капитанскую каюту, где и приступил к исполнению главной капитанской обязанности — он стал думать.

19. СУДОВОЙ ЛЕКАРЬ

Думал Арно Мегеро о том, что несмотря на сокращение экипажа, провианта хватит едва ли на месяц. А нужно было минимум дней на сорок. Он вспомнил, чему учил его покойный папаша, и легко рассчитал потребное количество продуктов и воды. Надо было перед выходом в океан эти запасы, так или иначе, пополнить. Для этого как нельзя лучше подходили Собачьи острова, они же Канарские, откуда Колумб совершил свой знаменитый бросок через Атлантику. А туда нужно заходить непременно под испанским флагом — и смещённый капитан Гарсиа Карлос очень даже мог пригодиться.

Экипажа в настоящем количестве вполне хватало для того, чтобы управлять каравеллой, но явно было мало, чтобы вступать в бой. Поэтому, пока не придёт на Карибы и не наберёт две-три дюжины опытных морских волков, капитан Клещ ни с кем воевать не собирался. Сколько людей из экипажа будут живы и здоровы, когда они прибудут в Вест-Индию, он тоже мог только гадать. Тут он вспомнил о судовом враче и велел вахтенному матросу привести к нему Рута.

Вскоре лекарь вошёл в капитанскую каюту.

— Как вы себя чувствуете, Рут? — Клещ решил как можно доброжелательнее встретить врача.

— Обычно этот вопрос я задаю своим пациентам, поэтому мне странно его слышать. Тем более от вас. Как вы то себя чувствуете, лейтенант, устроив мятеж на корабле? И что вы собираетесь делать дальше? И вообще, куда идёт «Эсперанса»?

— Как много вопросов, Даниэль Рут! И тем не менее, я на них отвечаю. Отвечу на все, но только после того, как вы ответите на мой один вопрос.

— Какой же?

— Собираетесь ли вы выполнять свои обязанности на судне? — Клещ смягчил свой

голос и налил стаканчик рому доктору и себе.

Рут растерянно заморгал:

– Выполнять обязанности? Очевидно, вы хотели спросить, буду ли я лечить мятежников?

– Пусть будет так, если вам нравится такая постановка вопроса, – на этот раз голос Мегеро стал жёстким.

– Но ведь за это полагается смертная казнь!

– Королевская власть далеко, а смертная казнь вас ждёт здесь, на судне, как только вы перешагнёте комингс этой каюты, и я скажу матросам, что вы отказываетесь их лечить! Поверьте, никто не будет вас держать балластом на судне. Тем более, таким балластом, который нужно поить и кормить. А если вы боитесь испанского правосудия, то я разрешаю вам не брать в руки никакого оружия, кроме хирургического. Так что можете потом сказать королевским судьям, если, конечно, попадёте в Испанию, что вас заставили лечить этих бедняг силой оружия.

Рут задумался.

– А что же будет с доном Гарсиа Карлосом, с нашим капитаном?

– Если он прошляпил судно, валяясь пьяным в своей каюте, то он не капитан. Ни для вас, ни, тем более, для меня. А что с ним будет, я ещё не решил. Мнения команды разделились: одни предлагают отрубить ему голову и скормить акулам, а другие также настойчиво требуют его голову не трогать, иначе не получится повесить тело на нок-рее. Так что я пока решаю эту головоломку.

Даниель Рут поник головой и душой. Он не знал, как поступить.

– Идите в каюту и подумайте до следующего утра. Как только решите дать ответ, скажите вахтенному. Я обещаю, что если вы откажетесь, то вам ни отрубать голову, ни вешать не будут... Я просто вас застрелю. Идите!

Судовой врач поднялся и пошёл к выходу.

– Эй, Рут! Вы забыли выпить ром. Рекомендую, это вам сейчас пригодится!

Даниель Рут повернулся, допил стакан и отправился в каюту.

20. ТОРГОВАЯ ШЕБЕКА «ИЗАБЕЛЛА»

К вечеру погода стала портиться, ветер посвежел и гнал волну в три фута. Мегеро ночью спать не ложился, сам руко-

водил предштормовыми манёврами корабля. Но буря прошла мимо. На рассвете был туман, потом видимость улучшилась. Когда он уже собрался уйти в каюту отдохнуть, вперёдсмотрящий заметил парус на горизонте.

Клещ остался на мостике. Незвестный корабль шёл курсом зюйд-зюйд-вест, значит они должны будут разойтись на расстоянии хорошей видимости. Нужно было разглядеть флаг, чтобы определиться, что делать: уклоняться от встречи или отсалютовать, как велит королевский указ.

Когда судно подошло ближе одной мили, Мегеро в трубу разглядел флаг Испании на грот-мачте. Это была трёхмачтовая шебека. Суда сходились всё ближе, уже стало понятно, по количеству пушек, что это не военный корабль. Пушек было двенадцать. Для боевого корабля это мало, а для торгового – в самый раз. Если канониры грамотные, а на борту многочисленная команда, то любому пирату зубы обломают.

Ещё недавно не помышлявший нападать на какое-либо вооружённое судно, Клещ ощутил в груди всё тот же огонь азарта. Он, как осторожная кошка, что пытается оценить, справится ли она с крупной крысой, не мог принять решение. Но по мере того, как человек входит в состояние азарта, он выходит из себя. В таком состоянии не верить в удачу и быть пессимистом невозможно. Наступает эдакое лёгкое помешательство в предвкушении крупного куша. А Мегеро в море и так был готов на всё, кроме самоубийства. Всё ж таки это был «купец»!

Он долго смотрел в трубу, наблюдая движение людей на шкафуте шебеки... Дуболом стоял молча рядом, заранее готовый согласиться с любым решением капитана. Наконец он не выдержал:

– Что будем делать, Клещ?

Мегеро не отрываясь от трубы, процедил сквозь зубы:

– Мне кажется, мы в море, Бульен...?

– Ну...

– ...И команда готова вступить в бой? Или мне кажется?

– Ну...!

– Так добавляя слово «капитан», когда ко мне обращаешься!! – рявкнул Клещ и, оторвавшись от трубы, скомандовал:

– Поднять сигнальный вымпел: «У меня на борту член королевской семьи»!

– Что?! – вытаращил глаз Дуб.

– Выполнять! Быстро! – Мегеро снова поднял трубу.

Бульен относился к таким натурам, на которых команда капитана действовала также возбуждающе, как крепчайший ром на его лужёную глотку. Он, не мешкая, отдал команду своим громовым басом и два матроса помчались на ванты.

Заметив на каравелле сигнальные вымпелы, какие не часто увидишь, на «купце» удивились, но через некоторое время раздался залп. Шебека салютовала из всех пушек. Капитан выполнял королевский указ неукоснительно.

– Вот так рвут зубы, дорогой Педро! Теперь купец будет целую склянку без единого заряженного орудия! Эй, ребята, поднять сигнал шебеке: «Лечь в дрейф!»

До Бульена, наконец, дошло, что придумал его коварный приятель.

– О-го-го! – взревел Дуболом. – К орудиям, канониры! Добыча сама идёт в руки! Такое нельзя упустить!

Мегеро снял шляпу и надел противоалебардный шлем из экипировки дона Карлоса. Корабли сближались.

Несчастный капитан торгового судна всё ещё не понял, во что он вляпался. Корабли, как и люди, не всегда бывают тем, чем кажутся. Матросы его сворачивали паруса, шебека замедлила ход. Тут расстояние между судами сократилось до половины кабельтова и «Эсперанса» «приветствовала» «купца» залпом из десяти орудий правого борта. Две пушки были заряжены ядрами, они ударили в фальш-борт, брызгами полетели щепки. Остальные восемь, фальконеты и вертлюжные пушки, выпалили картечью и смели орудийную прислугу, пытавшуюся ни шатко, ни валко перезарядить пушки, которые для этого надо было ещё откатить от портов. На шебеке началась паника.

Полдюжины абордажных крючьев полетели с разбойничьей каравеллы. Крепкие руки пиратов подтянули корабли борт к борту, и Мегеро, выхватив шпагу первым прыгнул на палубу торгового судна. За ним со страшными криками устремились остальные. Бульен крикнул низкорослому матросу:

– Хуан, ко мне!

Тот помог ему размотать якорный канат, и Дуболом забросил носовой якорь «Эсперансы» на борт шебеки. Теперь она уже никуда не денется!

Мегеро не изменял своей тактике. Пираты дали залп из мушкетов, после которого уже никто не сопротивлялся. Немногочисленных солдат охраны загнали в трюмы, матросов и пассажиров – на корму. Собственно, и боем-то этот захват судна Клещ не считал.

Торговая шебека «Изабелла» везла шерсть, кожи, вино и оливковое масло. Мегеро, конечно, не рассчитывал, что такое судно может перевозить золотые слитки. Однако весь этот товар взять на каравеллу он был не в состоянии. К тому же пирату интересно то, что можно быстро продать. Поэтому на «Эсперансу» перенесли чуть более половины бочек и тюков. Зато собрали с судна все ценные вещи, пассажиров обобрали до нитки, вытащив всё из карманов и кают, забрали всё оружие у солдат.

К Мегеро подбежал матрос:

– Капитан, там двое солдат просятся к нам в экипаж!

Их привели к Клещу. Молодые солдаты попали в армию против желания, нахлебавшись досыта армейской муштры, теперь захотели хлебнуть разбойной романтики, поскольку на берегу их никто не ждал. Бульен привёл ещё шестерых матросов.

– Нашёл, где матросов вербовать! – выругался Клещ. – Здесь вся команда набрана из пастухов, пеонов и нищих, дьявол меня заberi! Только с десяток этих олухов выстрелили из мушкетов, когда их судно зацепили крючьями, как беспомощную рыбёшку!

Мегеро всё же спросил у всех, что умеют делать. Потом махнул рукой:

– Экипаж пополнять всё равно надо, валяйте! – решив, что чему-нибудь научатся. А не научатся, так спрос будет с Дуболома.

Через несколько часов, бросив огра-

бленную «Изабеллу», пиратский корабль устремился к Гибралтарскому проливу.

Судовой лекарь Даниель Рут оказывал помощь раненым. Их было всего двое: один сломал ногу, второму проломили голову.

21. К ОСТРОВУ ТЕНЕРИФЕ

Пройдя при хорошем ветре Гибралтарский пролив, Мегеро взял направление зюйд-вест и проложил курс на остров Тенерифе. Он начал ощущать, что на него наваливаются всей тяжестью повседневные заботы капитана. Та цена, что он платит за власть. С главными обязанностями он справлялся: он мог вести судно в океане и мог вести команду в бой.

Хитрый от природы, с изворотливым умом, владея жестокими методами «кну-та» и лукавыми методами «пряника», он мог железной рукой удерживать свору головорезов в подчинении и в рамках того порядка, при котором их можно назвать командой.

Но одного подчинения мало. Если не организована повседневная работа экипажа, то любую дисциплину начинают подтачивать черви недовольства и раздражения. История знает немало примеров, когда корабельная команда не прощала ошибок капитану. Чтобы правильно организовать повседневную жизнь на корабле, капитану Клещу нужны были помощники.

В его экипаже не было человека, который бы выполнял обязанности интенданта, пресекал мелкие склоки, следил за порядком на судне и за ежедневным пайком матросов, который бы в случае захвата чужого корабля взял временно на себя функции его капитана, который бы мог грамотно и беспристрастно оценить захваченную добычу и поделить её между членами экипажа, в соответствии с его судовой ролью. Попросту говоря – поделить справедливо, чтобы было как можно меньше недовольных. Потому что не бывает так, чтобы недовольных не было совсем. В этом Клещ убедился, когда сам разделил деньги и ценности с ограбленной «Изабеллы».

Сам Арно Мегеро умел читать карты, вычислять местонахождение судна и прокладывать курс корабля. Но на корабле три вахты, и как минимум три человека, вахтенных начальника, должны кое-что смыслить в шкиперском деле.

На корабле не было даже боцмана. Пока с его обязанностями худо-бедно справлялся Бульен, но у него была главная забота – это корабельные орудия. Такому боцману, как Бернар Грассо, замену найти трудно. Клещ не раз вспомнил слова, которые сказал Дуболому: «Чтобы нас было большинство, вербуй всех дураков!»

Всех людей, что сохранили верность присяге, чьё призвание было море, они оставили на берегу. С ними пошли те, что были верны золотому дублону. Для кого море было ремеслом, а призванием – бунт и грабежи. Теперь всё это предстояло расхлёбывать тому, кто заварил кашу. И Клещ лихорадочно пытался всё это разрешить. Кроме всего прочего, предстояло разобраться с пленниками и с визитом на Тенерифе.

Даниель Рут начал лечить матросов, но деньги брать отказался.

– Я помню, что вы мне сказали, капитан. И выполняю свою работу, чтобы не есть даром хлеб.

У Бульена воспалилась культя ампутированной руки. Рут осмотрел и велел снять крюк, хотя бы на время.

– Кто же вам, Пьер, так варварски закрепил эту железяку? Вы, видимо, так сильно поработали крюком, что повредили предплечье... Так недолго и всю руку потерять!

Он несколько раз намазал предплечье Дуболома своим бальзамом. Руке стало легче.

– Нужно время, чтобы воспаление прошло совсем. Влажный морской климат этому не способствует. Если бы мы находились в моих родных Альпах, там бы всё зажило быстрее.

Тут они выяснили, что являются почти земляками. Детство Бульена тоже прошло в Альпах. Разговорившись, Рут поинтересовался:

– Что за амулет у тебя на шее, Пьер?

– О, эта штука делает меня в бою заговорённым! Это обломок кинжала, что сломался в моих рёбрах. Если он со мной, то и удача со мной, это вам любой моряк скажет!

Через несколько дней судовой врач смастерил новое крепление для его «протеза» из кожаных ремней и металлических крючков, которое позволяло распределять нагрузку равномерно на всю руку вплоть до самого плеча. Дуболом опробовал крюк и был в восторге:

– Йо-хо-хо! Теперь я могу без абортдажного крюка любой борт подтянуть!

На что Рут ему посоветовал без нужды руку не напрягать, время от времени «протез» снимать и мазать руку бальзамом из баночки, которую ему подарил.

Отношения их стали ближе, и Бульен в благодарность обучил лекаря профессии рулевого. Рут часто приходил на мостик во время вахты Дуболома, и они вели долгие разговоры, вспоминая свои Альпы, либо Рут расспрашивал Дуболома о жизни в Вест-Индии. Он всё ещё сомневался, что «Эсперанса» собирается в такую даль. Когда судьба человека круто меняется, и он оставляет привычную дорогу, независимо от того, сам ли он сделал этот выбор, или его к тому принудили обстоятельства, он всё равно ещё долго и с сожалением оглядывается назад. Даниель Рут исключением не был.

– Скажи мне, Пьер, – спрашивал судовой врач, – если мы не пополним запасы продовольствия, как же отправляться в дальний путь через океан?

– Прах меня побери, доктор! – отвечал Бульен, стоя за штурвалом. – Великое ли дело – нехватка продуктов? Выбিরались из передраг похуже! Такая пустяковина нашего капитана не остановит.

– Ну, ладно, допускаю, что без пищи можно неделю протянуть. Хотя, как работать голодным матросам? А без воды? При такой жаре человек через два дня умрёт!

– Воду можно собрать дождевую. А пища, она и в океане есть. Вдруг да попадётся какой-нибудь кораблик. Рыба опять же. Но лучше всего морские черепахи!

– Их что, тоже употребляют в пищу?

– Ого, ещё как! Чтоб мне всю жизнь пить козье молоко вместо рома, если я вру! Я не ел никогда более нежного мяса, чем черепашие. Особенно на спине, ближе к панцирю. Живучие, они, эти карака-тицы! Мы переворачивали их на спину и укладывали их прямо на палубе. Натянем парусину над ними, чтобы солнце их не убило раньше времени, и ничего им не делается. Ведь им не нужно ни пищи, ни воды!

– И что ж они, долго так живут?

– Да сколько хочешь! Их можно даже по частям есть. Если ей голову не отрезать, то она не умрёт. Вот как я, – Пит Буль поднял свой железный крюк, – мою левую клешню скормили акулам, а мне

хоть бы что! – он захохотал, правой рукой поправляя штурвал.

– Самое вкусное у морской черепахи – это печень, – продолжал Дуболом, – и панцирь тоже идёт в дело. Если его выскоблить, он и котелком может служить, и сковородой. Ну а в порту за него можно не один десяток золотых получить. Черепаховые гребни из них делают... А потом, когда кончаются продукты, крысы из трюмов и от камбуза бегут на палубу. Тут уж не теряйся, лови...

– Ты пробовал? – доктор Рут брезгливым не был, но ему трудно было представить, как он ест крысу.

– Бог миловал, но моряки рассказывали, которым приходилось. Да и я бы предпочёл сожрать всех крыс, чем сдохнуть ни за понюх табаку. Жареная крыса – тот же кролик, только маленький и с хвостом... – Бульен помолчал, задумавшись. – Это не самое страшное, доктор. Страшнее встретиться в океане с кракеном или морским змеем. Вот тут, сам не спасёшься, только господь Бог может спасти. Эти гигантские твари имеют право забрать душу любого, кто добровольно покинул сушу и вышел в океан.

– Неужели тебе приходилось их видеть? – с ироническим интересом спросил Рут.

– Мне хватило того, что я видел тех, кто с ними встречался... Это были совершенно седые люди, руки их тряслись, а языки заикались. А вот корабль мёртвых я видел воочию, точно так же, как вижу сейчас вас...

Предаваясь подобным воспоминаниям, флегматичный Пит Буль возбуждался и принимался в подробностях рассказывать доктору об ужасах, что сам видел или слышал о них от бывалых моряков.

– Это было пять лет назад в заливе Кампече. Незадолго до рассвета из тумана на нас вышел фрегат. Он нёсся с невероятной скоростью. Как мне показалось, узлов тридцать он давал. Как только он вышел на траверз нашего судна – я тогда был канониром у капитана Хагта – оттуда донеслись крики: «Воды! Воды!». Доктор, я не только слышал вопли мертвецов. Я их видел! Они стояли у фальшборта и тянули к нам длинные прозрачные руки, требуя помощи. Признаюсь, стало жутко, хоть я не трус... То что это был мёртвый корабль, несомненно. Как только мы услышали голоса мертвецов, он тут же

растаял прямо на наших глазах...

В подобных беседах они проводили долгие часы, иногда Бульен доверял судовому врачу штурвал.

– Вас интересует профессия моряка, Рут? – спросил Мегеро, встретив лекаря на мостике.

– Меня интересует всё новое. Тем более, что больных на судне, благодарение Богу, пока нет, а времени у меня много. Кто-то тратит его, чтобы приобрести лишние деньги, я же хочу приобрести лишние знания. Тем более, что знания иногда тоже что-то стоят...

– Хм... В этом трудно с вами не согласиться, доктор. Знакомы ли вы с астроблией?

– В университете я видел этот прибор. Но обращаться с ним не умею.

Мегеро решил врача научить определять местонахождение судна по высоте Солнца и Полярной звезды. К его удивлению, Рут быстро освоил эту науку. Когда-то Клещ пытался научить этому Бульена, но вскоре убедился, что это бесполезно. Мозг Дуболома отказывался понимать, как угол на какой-то тарелке может указать, где находится корабль и каким образом связаны звезда, солнце и море. Лекарь же через несколько дней уже мог свободно обращаться с этим навигационным прибором. Такое умение высоко ценилось не только среди моряков.

Обязанности боцмана Мегеро возложил на матроса Хуана Мартинеса, который был наиболее сообразителен, по мнению Клеща. Мартинес был низкорослый крепыш. Оттого он казался квадратным. Когда он стоял рядом с Бульеном, они смотрелись весьма забавно. Хуан в плечах был также широк, как Дуболом, а ростом был чуть более четырёх футов, и голова его была чуть выше пояса Бульена, рост которого был около шести с половиной футов.

22. ВИЗИТ К ГУБЕРНАТОРУ

Через две недели «Эсперанса» подошла к высоким берегам острова Тенерифе и бросила якорь на рейде порта у восточного побережья. В середине острова, в каких-нибудь двадцати милях от порта, возвышался вулкан Тейде, что был в три раза выше Везувия. Портовые форты грозно смотрели на пиратов.

Мегеро предстояло решить непростую задачу: внушить губернатору острова, что каравелла прибыла по приказу генерал-капитана Контерраса с тем, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия, произвести мелкий ремонт судна. И всё это без участия бывшего капитана – дона Гарсиа Карлоса, который был лично знаком с губернатором Тенерифе доном Антонио Бенитосом.

По плану Арно Мегеро бывший капитан «Эсперансы» должен был написать письмо губернатору, в котором объяснит своей болезнью визит первого лейтенанта вместо себя. А уж он, Мегеро, постарается добиться от Бенитоса всего, что нужно команде «Эсперансы».

Когда Клещ вошёл в кубрик, где содержали Карлоса, то увидел, что полмезяца плена не украсили последнего. Он похудел и цвет лица был нездоровым. Надо сказать, что сам Мегеро питался из общего котла с командой, так что и дону Гарсиа приходилось довольствоваться пайком простого матроса.

Без всяких предисловий капитан пиратского экипажа предложил Карлосу – тот пишет письмо, в котором просит оказать помощь «Эсперансе», а он с этим письмом нанесёт визит губернатору в качестве первого лейтенанта Перейро. За это ему будет гарантирована жизнь.

Несмотря на своё болезненное состояние, бывший капитан стойкости духа не утратил и сразу заявил:

– Даже если я напишу два письма, дон Антонио сразу заподозрит неладное и разоблачит тебя. Через час после того, как ты ступишь на берег, твои разбойники увидят, как тебя вздёрнут прямо на пристани!

– А если не напишешь, дон Карлос, то ещё не пробьют склянки, как мои разбойники вздёрнут тебя, клянусь всеми святыми! Потому что не будет смысла с тобой возиться. Если ты жив до сих пор, то только благодаря тому, что я их удерживаю.

живаю от удовольствия увидеть, как ты болтаешь ногами! У тебя есть последний шанс остаться в живых – если «Эсперанса» благополучно выйдет из гавани, я тебя посажу в шлюпку, и ты увидишь своего дона Антонио. В этом тоже порукой моё слово, хотя я знаю, что ты его невысоко ценишь, но тем не менее, тебе больше надеяться не на что.

Произнеся эти слова, Клещ вывел пленника на палубу и тот увидел, как на ноке рея матросы закрепляют верёвку с петлёй.

– Ну, смотри! Я уже начал выполнять своё обещание. Верёвку снимут пустой, если я вернусь на каравеллу благополучно.

Дон Карлос написал письмо. Кто знает, решил ли он, что не стоит спасать «Эсперансу» ценой своей жизни, а может быть, подумал, что всё равно его бывший лейтенант не уйдёт от законного возмездия, но письмо он подписал, и Мегеро внимательно его прочёл несколько раз, ища, нет ли там подвоха, который мог бы разоблачить его. Ведь излишняя самоуверенность и наглость мошенника делает его таким же уязвимым, как невежество и простота дурака. Убедившись, что написано, как надо, отдал распоряжение спустить шлюпку и пошёл в каюту.

В его распоряжении были два гардероба: дона Карлоса и капитана «Изабеллы». Клещ, склонный к тому, чтобы произвести эффект, выбрал тёмно-синий камзол тонкого сукна, явно не испанского. Камзол был вышит серебряной ниткой, на вороте и манжетах – брабантские кружева. Правда он был чуть узок в плечах, но Мегеро это не смутило. Людям его профессии часто приходится надевать мундиры не по плечу. Надел шляпу с чёрным плюмажем из страусовых перьев, перстни тоже не забыл.

Арно Мегеро не был наивным, а тем более дураком. Он прекрасно понимал, что одного шикарного костюма недостаточно, чтобы произвести должное впечатление на хозяина Собачьих островов. Одежда его явно контрастировала с разбойничьей физиономией и пиратскими повадками, длинная боевая шпага и волчий взгляд выдавали в нём человека, более склонного к авантюрам, нежели к военному порядку. Потому он заранее продумал свой разговор с губернатором Тенерифе доном Антонио Бенитосом.

Посадив в шлюпку восемь вооружённых матросов, Клещ ещё раз громко сказал Бульену, остававшемуся на корабле за начальника – если он к вечеру не вернётся, Карлос должен висеть на рее. Отдав это последнее распоряжение, он спустился по штурмтрапу, и шлюпка отчалила от корабля.

Губернатор острова Тенерифе принял его в рабочем кабинете, который, судя по обстановке, иногда служил ему и столовой, и местом для короткого отдыха. Вокруг тяжёлого дубового стола стояли стулья чёрного дерева с жёсткими сиденьями.

– Арнольдо Перейро. Первый лейтенант корабля «Эсперанса» эскадры дона Алонсо Контрераса. Имею честь служить под командованием капитана дона Гарсиа Карлоса! – представился Клещ и раскланялся перед губернатором, как перед королём. Польстить Мегеро умел, ведь лести и плутовство очень близкие родственники.

Бенитос пригласил сесть и уже потом спросил:

– Где же сам дон Гарсиа? Почему его нет здесь?

– Мой капитан болен, господин губернатор. Приступы болезни, похожей на лихорадку, время от времени приковывают его к постели. Он велел принести вам свои глубочайшие извинения и заверения в том, что не сегодня-завтра он сможет нанести вам визит. Вот письмо, в котором он всё объясняет...

Клещ протянул бумагу губернатору. Ознакомившись с письмом, Антонио Бенитос уже был озабочен не тем, что не видит Карлоса, а тем, за чей счёт он отпустит требуемый провиант.

Он поднял глаза:

– Есть ли какое-то письменное требование генерал-капитана на отпуск провианта? Ведь, насколько я понимаю, оплата должна производиться за казённый счёт.

– Генерал-капитан Контрерас определил нашу каравеллу как вспомогательный корабль разведки и дозора, потому мы идём впереди. Остальные три корабля, в том числе и флагманский, подойдут дня через три-четыре. Мы к этому времени должны быть полностью готовы. Кроме того, дон Карлос не стал в письме излагать все подробности... Он хочет оставить свой личный товар: шерсть, кожи, вино, оливковое масло по весьма невысокой цене. К

тому же рассчитаться за него можно через полгода, когда эскадра будет возвращаться с Мадагаскара, – Мегеро помолчал и добавил, – с новым товаром...

Губернатор Бенитос после этих слов заметно оживился, ведь его главным и любимым занятием была отнюдь не война, а торговля. Поэтому предложение его заинтересовало.

Что должно быть непременно у человека, который облечён властью, так это бдительность, но человек самоуверенный и корыстный часто её теряет, даже в отношении того, что касается его личных интересов. Чертовски трудно быть бдительным, когда замаячила солидная прибыль.

Антонио Бенитоса охватил азарт коммерсанта. Особенно ему понравились слова «за товар можно рассчитаться позднее». Он заверил первого лейтенанта, что тут же даст распоряжение местным торговцам снабдить «Эсперансу» всем необходимым в счёт кредита казне.

После делового разговора они перешли в гостиную, где к этому времени был накрыт обеденный стол на три персоны. Мебель здесь была ореховая, стулья обиты цветной кордовской кожей. На стенах висели картины.

Бенитос представил гостя своей супруге:

– Дорогая, лейтенант Перейро служит под началом нашего доброго друга дона Карлоса...

Мегеро расшаркался, как мог, и тут же счёл нужным извиниться за свою неловкость, так как последние несколько лет он служил в Вест-Индии.

– Сами понимаете, сеньора, когда долгие годы проводишь среди дикарей и неотёсанных матросов и солдат, поневоле становишься таким же.

На что губернаторша с улыбкой заметила, что настоящего мужчину нужно оценивать по его подвигам на бранном поле, а не по паркетному политесу.

– Как же вы оказались на корабле дона Гарсиа? – спросила она.

Клещ принялсЯ подробно рассказывать и весьма кстати показал рекомендательное письмо от дона Фернандеса Эстебано к дону Карлосу, которое он предусмотрительно захватил с собой. И губернатор, и его супруга были когда-то знакомы с доном Фернандесом, более оживлённым стал разговор, в ходе которого любознательная сеньора Бенитос задала кучу во-

просов, касаемо жизни в Вест-Индии. На них Клещ отвечал охотно и подробно, благо ему было что рассказать о Карибских островах. Губернатору не пришлось более и слова вставить, чему Мегеро был очень рад, потому что вопросы губернатора могли ненароком поставить его в тупик.

К концу дня «Эсперанса» подошла к причалу, с корабля выгрузили захваченный на торговой шебеке груз. К вечеру следующего дня был получен необходимый провиант, и каравелла вновь встала на рейде.

23. «ЭСПЕРАНСА» УСТРЕМЛЯЕТСЯ НА ЗАПАД

Благополучно решив одну задачу, капитан Клещ, не почивая на лаврах, тут же принимался за другую. Теперь он думал, что ему делать с бывшим капитаном «Эсперансы». За человека с таким именем и положением можно было получить хороший выкуп. Ведь имя стоит иногда больше, чем сам человек. Надо ли говорить, что Клещ был хозяином своего слова: он его легко давал и также легко забирал обратно. Но получить выкуп за Карлоса сейчас он не мог, тащить его с собой в Новый свет не было никакого смысла. Поэтому он хладнокровно оценивал, что будет лучше: отпустить дона Карлоса или повесить? Взвесив все за и против, Арно решил, что лучше всё-таки отпустить.

В это время в его каюту постучали.

– Кто там, заходи! – рявкнул Клещ. Он не любил, когда к нему лезли не вовремя. Вошёл судовой лекарь.

– Капитан, извините, что помешал...

– Что вам, Рут?

– Меня очень беспокоит, капитан, как вы решите судьбу дона Карлоса?

– Какого чёрта, доктор, вы лезете не в своё дело?! – взбесился Мегеро. – Вы что хотите заменить его в петле?

– Я считаю, что нельзя казнить человека вот так, без суда, без законных оснований....

Мегеро поднялся:

– Вы что, рехнулись? Что вы имеете ввиду, когда говорите про законные основания? Королевский указ? Так на корабле – я король. Даже если бы нам было нечего делать, и мы бы устроили суд, то главным судьёй был бы капитан, так какого дьявола терять время и ломать комедию? На корабле свои законы, Рут. Не нами они

придуманы, не нам их отменять.

— Если на корабле всё решает капитан, так ведь он может и помиловать человека. Именно с такой просьбой я и пришёл. В своё время вы меня поставили перед выбором: либо я получаю пулю, либо служу на пиратском корабле. Так вот, если вы помилите бывшего капитана каравеллы, то я буду служить вам, как служат остальные. Если же нет, то я лучше приму обещанную пулю, чем буду соучастником казни человека, не совершившего никакого преступления!

Мегеро едва не задохнулся от злости. Этот лекарь, этот молокосос ставит ему условия! Он стиснул зубы, едва сдерживая ярость, на скулах заходили желваки.

— Я понял вас, Рут, — сквозь зубы сказал капитан пиратов. — На пулю надо было соглашаться, когда я это предлагал, — медленно цедил слова Клещ, следя за выражением лица судового врача. — Идите, я распоряжусь, чтобы на рее было две верёвки.

Чтобы иметь смелость говорить, что думаешь, нужно не иметь чёрных мыслей. Но и это не спасёт от возможных неприятностей. Даниель Рут, явно не ожидавший такого поворота к концу разговора, побледнев, повернулся и вышел. Отступать было поздно.

Оставшись в каюте один, Мегеро грохнул кулаком по столу. Ещё минуту назад он считал себя благородным рыцарем, который дарит жизнь поверженному врагу, отправляя его на берег... Доброе намерение уже само по себе чего-нибудь да стоит! Теперь же этот лекаришка поставил условие, срывающее с него нимб благородства, который он уже ощутил на своей голове. В этом и была причина недовольства главаря пиратов. Но Клещ не был бы Клещом, если бы он поступал по настроению, а не так как выгодно. Сейчас было выгодно оставить Даниеля Рута в положении обязанного, сохранив жизнь Карлоса. К тому же половина команды не одобрила бы бессмысленную казнь.

Вечером, когда огромный красный диск солнца скрылся за гористым островом, Клещ распорядился спустить одну из шлюпок, позаимствованных на шебеке «Изабелла» и, стоя у фальшборта, наблюдал, как спускается освобождённый пленник по верёвочной лестнице.

Несколько матросов стояли рядом.

Клещ нашёл взглядом длинноносого бровастого канонира:

— Ну что, Элазар, теперь ты подписал контракт с командой или, может быть, тоже хочешь отправиться в гости к губернатору Тенерифе?

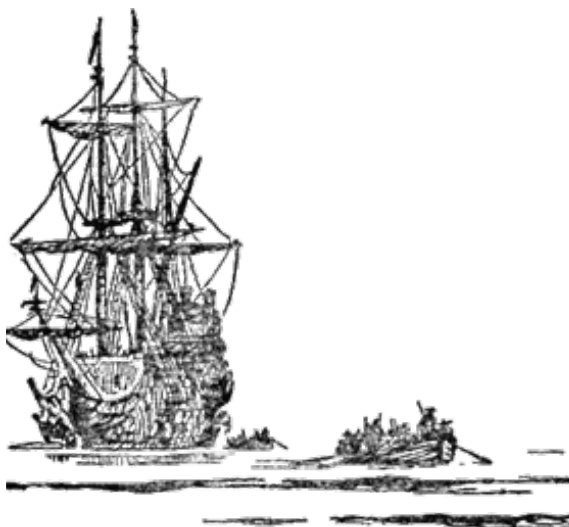
Баск Элазар отрицательно замотал головой. Он понимал, что, участвуя в нападении на торговое судно и получив свою долю награбленного, он по прибытии на остров сразу попадёт в тюрьму.

Отвернувшись от канонира, Мегеро язвительно напутствовал отпущенного пленника:

— Дон Карлос, передайте губернатору мои извинения, за то, что я не попросился с ним и его супругой. Я думаю, свидание с вами скрасит эту небольшую бестактность с моей стороны!

Дон Гарсиа Карлос, бывший капитан каравеллы «Эсперанса», промолчал, очевидно опасаясь, что взбалмошный пират передумает. Он молча взял вёсла, матрос оттолкнул шлюпку отпорным крюком, и она направилась к причалу.

Также молча, в вечерней тишине, команда «Эсперансы» подняла якорь и, ловя парусами попутный бриз, покинула рейд, с севера обошла остров Тенерифе и, оставив слева по борту остров Ла Пальма, взяла курс вост.

24. ЗАТМЕНИЕ

После благополучного посещения острова Тенерифе, где «Эсперанса» так удачно пополнила запасы провианта и необходимых для ремонта такелажа и рангоута материалов, за Мегеро закрепилась слава везучего капитана.

Пираты уверовали, что капитан Клещ и удача шагают рядом. Что может быть дороже удачи для тех, кто, оставив прошлую постылую жизнь за кормой, последовал за капитаном-разбойником, который, если вдуматься, ничего кроме риска быть повешенным или застреленным не пообещал. А что ещё можно наверняка гарантировать человеку в этой жизни? Только смерть. Пока удача сопровождала пиратов. Но как говорит пословица: «Для каждой свиньи бывает день Святого Мартина», в том смысле, что не всё коту масленица.

Третьи сутки западный ветер не позволял каравелле набрать ход. Судно шло в крутом бейдевинде, меняя галсы. Скорость упала до двух-трёх узлов, каравелла теряла ход.

Мегеро был зол, как чёрт. Он даже плохо стал спать и, наконец, опять увидел проклятый сон. Он снова карабкался по вантам грот-мачты к золотому солнцу. Добравшись до светила, он отпиливал, отрывал, отгрызал золотые куски, в груди его горел огонь, он жёг и терзал его.

Проснулся он с болью в груди оттого, что Бульен ворвался к нему в каюту:

— Клещ! — орал великан, — Клещ! Вставай!!

Натянув сапоги, Мегеро с мушкетом в руке выскочил на палубу, где уже стояли несколько человек и с ужасом на физиономиях показывали на солнце. Клещ поднял глаза, прикрыв их ладонью, как козырьком. Сердце его чуть не выпрыгнуло из груди: диск солнца не был круглым! Третью его отсутствовала!! От светила был оторван огромный кусок, оттого вокруг стало темнее.

Капитан пиратов огляделся, он видел полные страха глаза матросов. После только что увиденного сна, ему самому это казалось кошмаром наяву. Мегеро был потрясён. И тут он поймал взгляд Даниеля Рута. Судовой врач смотрел на всё происходящее, снисходительно улыбаясь. Клещ, на секунду растерявшись, не знал, что ему делать. Но, заметив поведение Рута, он мгновенно понял, чего он делать не должен. Он не должен поддаваться панике!

— Чёрт бы вас побрал, бродяги! — хриплым голосом сказал капитан. — Даже одеться не дали!

Он развернулся и пошёл в каюту, крикнув лекарю:

— Рут, ко мне!

Когда они вошли, Клещ закрыл дверь:

— Что это, Рут?

— Это затмение, капитан. Обыкновенное солнечное затмение. Правда, не полное. Луна частично закрыла Солнце, поэтому мы и наблюдаем его в несколько урезанном виде.

Надо сказать, в своё время, когда Рут сообщил Клещу, что он закончил университет, то Арно пропустил это мимо ушей, потому что в его представлении университет — это всего лишь такая школа, где учат больше читать и быстрее считать. Сам, закончив школу и лишь научившись этим двум премудростям, Клещ думал, что и в других учебных заведениях учат тому же. Для него был непостижимым откровением тот объём знаний, которым владел выпускник университета. Потому он и удивлялся, когда Даниель Рут быстро осваивал навигационную науку. Сейчас он имел возможность ещё раз убедиться в широких познаниях судового врача.

— Какое затмение? Почему луна закрыла? Там нет никакой луны!

— Если луны не видно днём, то это не значит, что она перестала существовать...

Даниель Рут прочёл короткую лекцию, из которой Клещ понял лишь одно — это ненадолго, и скоро солнце мы увидим целиком.

Когда они вышли на квартердек, на Мегеро уже был надет камзол и на поясе висела шпага.

На шкафуте топталась вся команда и матросы, переговариваясь между собой, с тревогой смотрели на солнце, где было видно менее половины диска в виде серпа. День заметно побледнел, лица пиратов имели также испуганный бледный оттенок, их тени на палубе были неясными, потеряли определённую форму. Количество света убывало с каждой секундой, сумерки казались необычными и странными, так как не было густых теней вечера.

При появлении капитана все взгляды обратились к нему.

— Спокойно, ребята, — сказал капитан, — займитесь своими делами. Мы отвечаем за корабль, а на небе господь Бог наведёт порядок без нас!

Однако успокоить команду было не так просто. Уже оттого, что их главарь, который каждую минуту поминал чёрта, вспомнил о Боге, матросам было не по себе.

– Капитан, это дурной знак! Четвёртые сутки встречный ветер, а теперь исчезает солнце! Я говорю – это дурной знак! – кричал остроносый Элазар.

– Идиоты! Какой знак? Кому, мне? Тебе? Не много ли чести? Или, может быть, другим кораблям? Не ставьте себя на одну доску с провидением, скоты! Разве вы одни видите это чёртово солнце, медуза вам в печень?! Выполнять судовое расписание, или я буду считать это неподчинением капитану! – Мегеро вынул пистолет. – Бульен, расставить людей!

– А ну, по местам! – рявкнул великан, сам ещё не придя в себя.

В это время снова раздался крик:

– Смотрите! Оно становится больше! – боцман, которого прозвали Бочонок Хуан, показывал толстым пальцем на солнце.

Клещ посмотрел на небо. Солнце на глазах восстанавливало свои размеры, становилось светлее. Ещё миг, и оно засияло по-прежнему. Пираты разошлись, но разговоры были только про закат солнца в середине дня.

Рут и Клещ говорили о том же. Судовой врач принялся рассказывать не только про солнечные затмения, он говорил о том, что бывают и затмения лунные:

– Ещё великий Фернан Магеллан на их эффекты опирался в своём знаменитом походе. Его матросы роптали, что они слишком долго идут по пустынным водам Тихого океана, дескать они безвозвратно ушли от земли в водные просторы. Вы же знаете, капитан, церковь учит на основании священного писания, что Земля есть обширная равнина, окружённая водами. Магеллан же помнил, что в старинных книгах по астрономии написано: «При затмениях Луны тень, бросаема Землёю, – круглая, а какова тень, таков должен быть и предмет, её бросающий» Именно эти знания давали ему уверенность и спасли его экспедицию...

– Про путешествие Магеллана слышан, – отвечал Мегеро доктору, – хотя и состоялось оно сто лет назад. Не спасла его самого ни учёность его, ни старинные книги. Бунтующим матросам надо не старинные книжки рассказывать, а подвешивать их на реи поближе к Богу. «Если тело близко к Господу, тогда и душе легче», – так говорил один мой знакомый монах. Магеллан – великий мореход, разрази меня гром, но и он не во всём разби-

рался. Он оказался плохим пехотинцем, это также верно, как я плохой католик, и проиграл бой голым дикарям, погиб от их стрел... Когда надо было всего лишь направить на них других дикарей. Имел я с этими тварями дела. Когда им давали бусы за золото, это ещё куда ни шло.... Потом им стали давать оружие. Это глупость!

Мегеро знал, что говорил. Шрам на его лбу появился после стычки с аборигенами. Конечно, Клещ бы предпочёл, чтобы в руках у краснокожего, которому он хотел выпустить кишки, были бусы, а не боевой топор. Что касается Магеллана... Так он же был португальцем.

25. ШТИЛЬ

На седьмой день западный ветер стал терять свой напор и к вечеру совсем стих. Все были в ожидании, откуда начнётся движение воздуха. Ночь прошла в затишье. «Эсперанса» совсем потеряла ход, паруса повисли.

Рассвет застал каравеллу практически стоящей на месте. Принявший вахту Бульен увидел, что сплошная полоса плотного тумана застилает весь горизонт. Он подумал, что это облака сливаются с поверхностью океана, но серая мгла приближалась к судну. Она обволакивала «Эсперансу, как сливки, которыми поливает кондитер своё изделие, накрывают лепёшку, не оставляя глазу ни пятнышка.

Часа через три туман стал рассеиваться, и взору вахтенного предстал горизонт и водная гладь. Причём, где кончается одно и начинается другое, нельзя было разобрать. Океан простирался неподвижной скатертью свинцового цвета, которая, заворачиваясь кверху, висела над головой и, казалось, корабль попал внутрь огромного серого шара, откуда нет ни пути, ни выхода. Кругом, насколько видел глаз, была мёртвая зыбь на воде и знойное марево в воздухе. Каравелла мерно покачивалась на ленивых волнах полного штиля.

Мегеро, отдохнув после ночной вахты, вышел на мостик. Дуболом чертыхался:

– Мёртвый штиль, капитан, разрази меня гром! Полнейший. Как в кружке с ромом!

Клещ молчал. А что он мог сказать? Сколько продлится безветренная погода

он не знал. Только господь Бог мог внести ясность в этот вопрос. Недельный или даже месячный штиль в океане не редкость. Он вспомнил, как они попали в штиль в экваториальной зоне, как мучились от голода и жажды, как портились продукты, умирали и сходили с ума люди.

Провизии и воды пока достаточно. Но если штиль надолго, то проблема будет с людьми. Пока корабль был на ходу, все занимались делом: несли вахту, следили за рулём и парусами, наводили порядок, ремонтировали рангоут и такелаж, чистили орудия. Когда ветра нет, в душе нарастает тревога и раздражение, депрессия начинает овладевать экипажем. Отсутствие движения вперёд – это неестественное состояние корабля и моряка, отсутствие движения в океане – состояние близкое к смерти. Мегеро даже не мог сказать, что опаснее – шторм или штиль?

Шторм – опасность непредсказуемая, но её разрешение происходит на твоих глазах, и запас твоего умения и мужества необходим на несколько часов... Штиль настолько же непредсказуем, а сколько он потребует от тебя мужества и терпения, неизвестно. Капитан Клещ знал свою команду и считал, что лучше бы им бороться со штормом, нежели с затяжным штилем.

На следующий день, когда Мегеро был на мостике один, к нему подошёл судовой врач:

– Капитан, мне кажется, вы не здоровы. Если вы не возражаете, я бы мог вас осмотреть...

– С чего вы это взяли? – возразил Мегеро, хотя проклятый сон уже изрядно измучил его.

– Цвет лица изменился, вы пожелтели, точно каштан к осени... И лихорадочный блеск в глазах.

Когда в каюте, осмотрев капитана, Рут спросил:

– Кошмары не мучают?

Мегеро непроизвольно вздрогнул. Откуда он всё знает, этот лекарь?

Нахмурившись, он опять спросил Рута:

– С чего вы это взяли?

– У вас частый и неровный пульс...

– Ну и что? Лишь бы он был, этот пульс. А там как-нибудь выровняем...

– В таких случаях доктора рекомендуют отдых и постельный режим.

Мегеро расхохотался:

– Даниель Рут, с вами не соскучишься, прах меня побери!

Скуки не было. Была тоска. Тоска и тревога наваливались на команду. Прошло четыре дня. В каюту Мегеро постучали. К его удивлению, это был Элазар.

– Капитан, команда хочет говорить с вами!

– Какого чёрта, ты лезешь в каюту?! Тебе что, другого времени мало, чтобы говорить со мной?

Тем не менее, Мегеро оделся и вышел. Шестеро матросов в парусиновых штанах и с платками на головах пришли вместе с Элазаром.

Они стояли на квартердеке – Мегеро и Элазар, за спиной которого стояли пришедшие с ним для разговора с капитаном корабля.

– Капитан, как только кончится этот проклятый штиль, как только малейший ветерок шевельнёт наши паруса, мы требуем повернуть обратно. Нам хватит работы в нашем море! Разве вы не видите, что сам господь Бог противодействует нам? Сначала встречный ветер, который вымотал нас, потом исчезновение солнца... Силы небесные нас предупреждают, чтобы мы сменили курс, чёрт нас всех возьми!

Мегеро слушал, чуть опустив голову, из-под бровей глядя на говорившего и обшаривая взглядом лица других. Когда Элазар остановился, он спросил:

– Это всё, что ты хотел сказать мне? – он шевельнул плечами. – Дьявол меня побери, хорош же я капитан, если ко мне в любой момент можно прийти и потребовать повернуть корабль обратно! В своём ли вы уме? Есть ли у вас вообще мозги, чтобы что-то решать за капитана, когда судно в рейсе?! Немедленно по местам, мерзавцы!!

– Капитан, я..., – начал было Элазар. Но это были его последние слова, потому что Клещ не был бы Клещом, если бы не понимал, когда нужно прекращать разговор. Он мгновенно выхватил пистолет и в упор разрядил его в голову баска. Пуля прошла навылет, забрызгав кровью просмоленные штаны матросов. Тело со стуком рухнуло на палубу.

– Кто ещё хочет что-то потребовать от капитана?! – зарычал Мегеро, сняв с кожаного пояса второй пистолет. Все пятились.

– Если ещё кто-то из вас хоть взгля-

дом... Вы меня слышите, ублюдки? ... Хотя взглядом выскажет неповиновение, я не буду вас стрелять, чтобы вашими свиными мозгами не пачкать палубу! Я вас четвертую на глазах всей команды!

Бунт был подавлен. Тело бедного Элазара выбросили за борт. Вокруг болтающейся в океанской зыби «Эсперансы» появились акулы. Матросы наблюдали их целый день. Страх и ненависть к этим тварям у любого моряка в генах. С наступлением сумерек спустившись в мрачный пропахший сыростью кубрик, матросы, забравшись в гамаки, молились, вспоминая заученные в детстве молитвы, крестясь трясущимися руками. Надежда постепенно покидала их, они ощутили себя

на краю адовой пропасти – от капитана можно ожидать только пули, оставалось надеяться на Божью милость, если Он простит им грех клятвопреступления и измены королю...

И опять настала ночь, пятая безветренная ночь. Очередная ночь бесконечного кошмара Арно Мегеро. Потом при полнейшем штиле взошло солнце. Целёхонькое солнце без малейшего изъяна. Поднялось и начало жарить всюду.

Оно всходило каждый день и отправлялось умирать на Запад, чтобы потом снова родиться на Востоке. И не было ему никакого дела ни до Луны, вставшей на пути его лучей, ни до каравеллы, вставшей на пути к Западу посреди океана...

Этот мир несовершенный
Создан нашими руками.
Жизни Божий дар бесценный
Мы уничтожаем сами.

Вылететь в окно - навстречу влажным
Тротуарам города ночного.
Все, что до поры казалось важным –
Абсолютно потеряло смысл.
Убегая от себя, старалась
Сбрасывать оковы прожитого,
Только снова в цепи попадалась,
Что из одиночества плелись.
Обрастала вымыслом, как шерстью,
И стихи выплевывала с кровью,
Покрывала раскалённой жёстью
Крышу над придуманной любовью.
На луну растущую роняла
Семена надежд в сухую землю.
И сводило зубы от оскала –
Хохотала...
Только вот над тем ли?..
Вылететь в окно - навстречу влажным
Тротуарам города ночного...
Всё, что до поры казалось важным –
Не имеет смысла никакого.

Пинали Душу на перекрестке.
Какая разница - кто был первым.
Пинали умненькие подростки,
Плевали ядом незлые стервы.
Мужчин с породистыми носами
В Душе пропорции привлекали.
Но коль уж были с изъяном сами,
Они ей, походя, наподдали.
Старухи, знавшие жизнь с изнанки,
Пытались Душу слегка подправить:
Впихнуть в коробку иль вставить в рамки
(при этом парочку раз ударить).
Душа своей наготы стыдилась.
Отростки пряча, пинки терпела.
Она бессмертной уродилась.
Да только смертное было тело.

Скатились в травы облака.
Закончилось моё паренье.
Душа светла, рука легка...
Прими, Господь, мои творенья!
Вам жизнь дана, а мне же – две.
Не гениален стих порочный.
Постылой жизни мост непрочный
Горит. Я кланяюсь траве,

Которой прорасту я вскоре,
Недолговечностью дыша.
Я не хотела столько горя
Вам принести...
Лети, Душа!

И методично сплевывает кран
На нервы оголенные мои.
В салатнице – варенья океан,
И сочтены признания дни.
Неглубоки познания души,
Бескрыл полёт усталого пера,
Луна *невдохновением* грешит
В неспешном ожидании утра.
Всё вытерто – и слёзы, и столы.
Посуда спит под колоколом грёз.
Как наши притязания малы
В сравненье с притязаниями звёзд.

Давай бросим пить.
Голова будет легкой и светлой,
Похмелье не станет обидою
душу терзать.
И не отвернется от выхлопа водки
соседка,
А будет украдкой от мужа тебя
целовать.
Давай перестанем курить.
Это вредно для кожи.
А также для легких, тяжёлых
и прочих других.
Ведь если курить так, как мы,
То ни кожи, ни рожи
У нас не останется,
ну а куда мы без них?
Давай перестанем любить.
Все равно, кто попало
Встречался на нашем пути,
Кроме тех, кто нужней.
А может быть, просто любви
в этом мире не стало,
и больше никто уже
не вспоминает о ней?
Давай бросим жить –
это очень опасно для жизни!
Ведь жизнь – это стрессы сплошные,
Куда ни взгляни.
Но если огонь вдохновения
в нас не погибнет -
Оставь покурить,
и живительной влаги плесни!

Тоска. И позвать некого.
За окном пусто и серо.
Ах, мне бы позапрошлого века
Драгунского офицера!
Чтобы сабля, и усы, и взоры!
Чтобы аж захолонуло сердце!
Где вы, дуэлянты, и позёры –
На любовь и на геройство скоры...
...Нынче все без соли и без перца.

Досталась каждому монета
Не по карману тяжела.
И за воротами карета
Напрасно милого ждала.
Он взглядом за свечу цеплялся,
Держась за прошлое душой,
И навсегда со мной прощался,
Не в силах разойтись со мной.
И выбежал, оставив шпагу
Под образами и свечой,
А я не сделала ни шагу,
Застыв скалою ледяной...
Из века в век нас ждут кареты,
Чтоб увезти и не вернуть,
И любят искренне поэты,
Пока не начинают путь.

Новому столетию

Я хорошою с каждым днем
от ощущения удачи!
Да разве может быть иначе,
Когда я отражаюсь в нём –
В моём, не ведающем зла
И не боящемся скандала –
Его я зеркалом считала,
Кусочек тонкого стекла.
В него глядит из-за плеча
Глазами Женщины – Эпоха...
...Мы с нею смотримся неплохо,
в зрачки загнав свою печаль.
И наготой округлых форм
Неотличимы друг от друга.
Внутри сияющего круга
Глядимся в зеркало в упор.

К нам приходит Новый Год
Зимней сказкой, волшебством!
Яркой россыпью гирлянд,
Окна празднично горят,
Освещая всё кругом!
Мы расстанемся легко

С грузом наших прошлых дней.
И падение, и взлёт,
Слёзы и мечты полёт –
Всё нас делает сильнее!

Рождество...
Засыпан снегом
на рассвете Божий мир.
Торжество.
В природе нега,
в небе – облачный ампи́р.
Снова ожиданье чуда,
на деревьях кружева...
Словно бы из ниоткуда
утешения слова.
Из-за кромки горизонта
Солнце выбраться спешит.
И звучат светло и тонко
Струны сердца и души.

Жара.
Ни ветра, ни пощады
До поздних звёзд.
Асфальт дымит...
Пора.
Зовёт реки прохлада...
Скорей бы окунуться надо!
а вот курьёз –
Мошка не спит

Незаметно пролетают
Года старого деньки.
Будто кто рукой срывает
Календарные листки.
Будто мы летим в «Сапсане»,
Мчим, неведомо куда.
А в окне мелькают сани,
Кони, шуба, борода...
Это, тройку погоняя,
Дед Мороз спешит вдогон.
Только он один вменяем
В целом свете.
Только он.

Калейдоскоп осенних дней
Меняет мир, сознание, мысли.
И мир становится мудрей,
Как два ведра на коромысле.
Уравновесив «да» и «нет»,
Ошибки - правильным решением,
Узор слагает из побед
Былых и будущих свершений.

И злата истину явив
Осенней рощей тополиной,
В него вплетает лейтмотив
Небес и стаи журавлиной.

Танец Метели на проводах –
Как ослепительна, право!
Взмах белой ножкой, ручками взмах –
Аплодисменты и «браво»!
В газовом платье, легком, как снег,
Кружит в безумном балете.
И, предвкушая «бис» и успех,
Память стирает о Лете.
Танец Метели на проводах:
Три фуэте – и победа!
Снег на деревьях, снег на домах –
Ветреная непоседа.
Как же в пуантах – по проводам?
Канатоходцам на зависть!
Танец с безумием напололам –
Белой Метелицы танец!

...И ночь избавит от забот,
И сбросит, этак, лет с десяток,
И летних звезд коловорот
Застынет у моих ворот
Напоминая: век наш краток.
Но как прекрасен и велик
Короткой жизни каждый миг...
06.08.2022

Не оставляет нас война.
Глубоки оказались раны.
Познали суть её сполна
Отечественной ветераны.
А их все меньше с каждым днём,
Уходит гвардия Победы.
Мы в тени славы их живём,
Той, что для нас добыли деды.
И кажется, что мы не те,
Что в нас не та уже закваска,
Стягаем злато в суете,
Былых побед тускнеет краска...
И выползают из канав
Потомки недобитой твари,
Почуяв страх у нас в рядах
И пустоту, и запах гари.
Не тут-то было! Встали в ряд

Полупустой, полусмятый...
Плечом к плечу с мечом стоят,
Родные защищая стены,
Мальчишки, юноши, отцы,
Их сёстры, матери и жены...
В одном строю стоят бойцы,
Приняв у прадедов знамёна.

Танго

Это не та любовь,
От которой немеют губы,
И тусклые медные трубы
Пророчут измену и кровь.

Это не та любовь,
Где мукой стиснуты зубы.
И черт бы побрал эти трубы
И встречи коварную новь!

Это не та любовь,
Что дикою страстью томится,
Где даже к подолу склониться –
Уже не воскреснуть вновь.

Это не та любовь,
И хладность свою охраняя,
Я Вам так небрежно роняю:
— Это не та любовь...

Сонет

Разбилась ночь на явь и сон,
И зазвучали в унисон
Любовь и ложь,
Мечта и призрак счастья.
Доколе ж будем мы молчать,
Когда нам хочется кричать,
И плакать, и стенать,
Кляня миг страсти?

Отныне я благословлю
Глаза, которые люблю,
И ту, что приняла тебя в объятья.
Так будь же милостив, Господь –
Смири мою больную плоть,
Поистине достойную проклятья!

...А что ж Душа?
Она – невинней всех.
Любовь – её святой и чистый грех...

Палачам Донбасса

Вы - чёрная сила земли,
Вы - зло, что должно умереть.
Но сердце о вас не болит, -
В аду вам, исчадья, гореть!
Вы - бесы и ваши вожди.
Вам в кайф быть детей палачом...
Вот крест, - изыди, изыди!
Война... Ну, а дети причём?
Вы копите бонусы в ад,
Ваш список растёт и растёт,
Вас дьявол и так встретит рад,
Он всех вас туда призовет.

Калейдоскоп имён и лиц,
Калейдоскоп привычных буден
Посёлков, городов, столиц
Мы вспоминать когда-то будем.
Всё пронесётся, всё пройдёт,
А что останется навечно?
Что спелым яблоком падёт,
А что уйдёт дорогой млечной?
Мы в круговерти разных дел,
Мы в спешке быстротечных буден,
Но будет край, конец, предел...
Что вспоминать в конце мы будем?

Август - крайний месяц лета,
Тучки серые плывут...
И сентябрь близко где-то,
И костры опять зажгут.
Будут дали сизо-сини,
Будут листья в хруст легки,
Будет утром зябкий иней
И туманы у реки.
Лес под ноги листья сбросит,
Станут вечера тихи.
Август. Скоро будет осень...
И опять придут стихи.

Скоро будет бал в природе,
Буйных красок торжество.
Жёлтый снова станет в моде,
Мы оценим мастерство
Кутюрье, что правит цветом,
Нам палитру всю открыл,
Была зелень в тренде летом, -
В осень яркость подарил.

Всё в природе нам не ново,
Чем нас можно удивить?
Вот и бабье лето снова
Паутинки стало вить.

Всё уже прошли, как в школе:
И дожди, и листопад,
И туман в сентябрьском поле,
И к зиме раздетый сад...
Сколько осеней прожито,
Но привыкнуть не спешу
К грусти осенью привитой,
И к стихам, что напишу.
Хоть слагаю их всё реже, -
Всё описано давно...
Восхитясь опять всё тем же,
Опус выдам всё равно!

Что говорить о погоде, -
Ветреной девушки нет!
Лучше писать о природе
Легкий и нежный сонет.
Дрозд перепрыгнул на ветке,
Скрылся в листве и запел...
Петь на свободе - не в клетке,
Радостней песенки нет!

Да, осень меняет и образ, и стиль,
Остались одни лишь приветы
От времени. Всё, что там было - в утиль,
Не рамы, а стеклопакеты.
Такая же осень, но что-то не то...
Сменились нюансы подачи.
Но так же осеннее мокнет пальто
В дырявой проржавленной даче.

Осень бродит сиротливо,
Все истратив чудеса...
Листья в бешеном порыве
Будут рваться в небеса.
Снова будет дождь и слякоть,
И немая грусть земли.
Снова будут окна плакать
И прощаться журавли.

Звучала Лунная рапсодия,
Качались тени на стене.
Под эту нежную мелодию
Мы танцевали, как во сне.
Я помню чувство то отрадное
И тот большой прохладный зал,
Меня, в то время листопадное,
Ты в танце властно обнимал.
Мы, в светлых плащиках вальсируя,
Кружились в осени вдвоём.
И пальцы, трепетно вибрируя,
Лежали на плече твоём.

Фиолетовый чемодан

Дождь ластился вредным котёнком, лизал незащищенные лодыжки, прыгал по куполу зонта. А она его будто не замечала. Шла по улице, растерявшей цвета в водной завесе – серое пятно в сером мире. Остановилась у витрины. Дождь продолжал обнимать её сотней невесомых прикосновений, не в силах заменить собой тепло настоящих объятий.

Дорога до дома занимала тридцать шесть минут. Можно было добраться на автобусе в три раза быстрее, но эти полчаса были настоящей отдушиной. Работа бухгалтером скучная, но стабильная. С коллективом тоже повезло – женщины в их отделе милы и напроць лишены тяги к интригам. Огорчали лишь сочувственные взгляды коллег, когда речь заходила о семейном счастье.

Благополучная с виду жизнь – муж, ребёнок, работа, квартира. А на деле...

– Это что?

– Суп.

– Да неужели? И с каких это пор суп без мяса?

Полная тарелка демонстративно отправляется в раковину.

– Я что, похож на свинью по-твоему? Нет? Так почему я прихожу с работы в такой свинарник?

Нина немного задержалась на работе и не успела пропылесосить к приходу мужа. А делает она это каждый день. Каждый! Кто другой и не заметил бы, но только не Влад.

– Новые ботинки? А со старыми что не так? Опять вырос?

И вечер испорчен.

О тратах для себя Нина даже не заикается. Иногда муж решает «побаловать» её и разрешает потратить тысячу «на себя». Только потом она должна хорошенько отблагодарить щедрого супруга. В постели Нина тоже давно не ждёт ничего сверх необходимого. Стандартная процедура. Заученный алгоритм действий. Трещинки на потолке изучены в мельчайших подробностях, их причудливый рисунок отпечатался на сетчатке глаз.

А ещё Влад ужасный ревнивец. Любой вскользь брошенный взгляд на улице может послужить поводом для дикого скандала. Но с другой стороны... Муж ра-

ботает, не пьёт, не бьёт. Живи и радуйся! Чего тебе ещё надо? Может, Нина сама плохо старается? «У каждого свой крест», – звучат в голове слова мамы. Она так устала. Взять бы, собраться и уйти. Не важно, куда. Хоть на вокзал! Была бы она одна, давно бы ушла. Но есть ещё Димка. Шестилетний сын, ради которого она терпит всё это.

И вот Нина в очередной раз стоит у витрины магазина и смотрит на яркий фиолетовый чемодан за стеклом. Каждый день она останавливается здесь, с тоской смотрит на символ своей свободы и представляет, как складывает их с сынишкой вещи в приветливо распахнутое чемоданное нутро, как блестящие серебристые колесики бодро катятся в их новую жизнь.

Если бы у неё был чемодан, то Нина не стала бы больше ждать. Но пока между ними стекло и тот самый решающий шаг. Непреодолимое препятствие из неуверенности и чувства долга.

– Нина Петровна, – директор улыбается и кладёт перед ней конверт, – Это вам, благодарность и поощрение за внеурочную работу, так сказать. И премия на день рождения!

Павел Игнатьевич подмигивает растерянной Нине и утаскивает с тарелки сразу два куса именинного торта. Девочки из отдела лукаво переглядываются и тоже вручают открытку с сюрпризом.

– Да зачем же, – начинает Нина.

– За тем! – пресекает её жалкие попытки отказаться главбух, – порадуешь себя, Нина! Молодая же еще, тридцать пять лет – вся жизнь впереди, а ты как старуха. Это тебе на мечту!

И вот теперь Нина стоит у витрины и стирает солёные капли с лица. На чемодане висит жёлтый ценник – скидка 50%. Трясущимися от радости руками женщина сжимает в кармане хрустящую пачку денег. Вместе с зарплатой этого теперь хватит на съёмное жильё. Мечта манит, готовая воплотиться в реальность. Стоит только сделать тот самый решающий шаг. И Нина, улыбаясь, шагает в свою новую жизнь, крепко сжимая ручку фиолетового чемодана.

Без права на ошибку

Мишка старательно выводил букву за буквой, прикусив от усердия кончик

языка. Получалось криво, косо, буквы никак не хотели стоять ровно, все норовили то взлететь, то упасть. И чем сильнее он старался, тем хуже получалось. Рука болела, пальцы онемели от сильного напряжения, а к глазам подступали предательские слёзы. Закончив строчку, Мишка тоскливо вздохнул.

– Дописал? – отец стоял на пороге комнаты, заложив большие пальцы за широкий ремень.

– Да, – тихо ответил мальчишка и втянул голову в плечи.

– Давай, показывай, – отец взял прописи и нахмурился. Мишка сжался ещё сильнее и украдкой глянул на кожаный ремень.

– Это что за каракули? Ты издеваешься? Скоро четверть кончится, а ты пишешь, как курица лапой! Математику показывай.

Мишка вытянул тонкую зелёную тетрадку из-под учебника и протянул отцу. – Что трясешься, как заяц? Боишься? Ты трус у меня, что ли? Мужчина должен отвечать за свои ошибки! Считать, я смотрю, у тебя тоже не получается. Ты же не тупой у меня, нет? Значит, ленивый, а это мы поправим, – с этими словами отец взялся за пряжку ремня...

Михаил заглянул в комнату и улыбнулся, увидев, как Алёша пишет, закусив кончик языка. Нетвёрдая детская рука старательно выводила буквы. Те прыгали, падали и никак не хотели стоять на строчке ровно. Наконец, мальчик закончил и потёр уставшие пальцы.

– Дописал? – Михаил подошел к столу и открыл зелёную тетрадку. – Посмотрим. Ух, какие каракули!

Алешка виновато втянул голову в плечи, и Михаила будто током прошибло, откидывая в собственное детство. Он непроизвольно заткнул пальцы за пояс джинсов и, убедившись, что ремня в них нет, убрал руки.

– Что ж ты испугался, заяц? – ласково сказал он и потрепал сына по светлым кудрям. – Я тоже сначала, как курица лапой писал. И ошибки делал, – Михаил опустил перед сыном на корточки, – ошибки на то и нужны, чтобы научиться их исправлять.

– А дед сказал, что меня лупить надо за такой почерк, – прошептал Алёша и

поднял на отца огромные испуганные глаза. – Сказал, что у тебя как раз ремень есть, которым он тебя отучил ошибки делать.

Мальчик покосился на отцовский пояс без всяких признаков воспитательного средства и облегчённо выдохнул.

– Да, отучил, – тихо ответил Михаил и подхватил сына на руки. – Жаль, что он так и не понял, что тоже сильно ошибался. И ничего с этим не поделаешь...

Куда уходит детство

Алёнка сидела на деревянных мостках, блаженно щурясь от солнечного света, отраженного в зеленоватом зеркале пруда. Пышущий жаром кругляш дневного светила стоял в самом зените, Алёнку разморило и необходимость встать и куда-то идти вызывала у неё лишь желание пошире зевнуть. Вот она и сидела, лениво шевеля ногами в прохладной воде.

– На речке, на речке, на том бережо-очке... – пропела девушка всплывшие в голове строчки, затем нехотя поднялась и потянулась к двум ведрам. Кромка у берега была затянута ряской, поэтому Алёнка сначала разогнала всю зелень и только после этого зачерпнула воды.

Скрипнули железные изогнутые ручки. Алёна ловко подхватила сначала одно, а потом и другое ведро крючьями коромысла и отправилась к дому. Тропинка, поросшая по бокам жгучей крапивой и лопухами, петляла от пруда до самого дома. Идти было совсем не далеко, но солнце пекло так, что Алёнка совсем умялась. А у дома уже поджидала мама:

– Алёна, ты где была? И что это у тебя там?

– Коромысло.

– Ты где его взяла, спрашиваю? Я её ищу, на телефон звоню, а абонент не абонент.

– Так я...

– Так я! – передразнила мама, – ушла куда-то два часа назад и ни слуху, ни духу! Предупреждать же надо, ну, в самом деле. Немаленькая ведь!

– Вот именно.

Алёнка опустила ведра на землю и любовно погладила старое, потрескавшееся, но ещё крепкое коромысло.

– Ты где этот раритет откопала?

– У бабушки в гараже. Давно хотела

попробовать – как это, воду коромыслом носить. А тут такой шанс!

– Ты меня доведёшь когда-нибудь. – женщина вытащила из кармана ключ от домофона и открыла дверь подъезда. – Заходи уже, испытательница!

Алёнка снова зацепила ведро, потом сообразила, что в подъезде с коромыслом будет не развернуться и опустила свою ношу на землю, щедро плеснув себе на ноги.

– Ты это в дом что ли нести собралась? – мама брезгливо глянула на ряску, болтавшуюся в ближнем ведре. – А зачем?

– Унитаз смывать. Или лапы Пёсе помыть, – улыбнулась Аленка, – воды ведь со вчерашнего дня нет, а до колонки в посёлок идти гораздо дальше надо.

– Господи, дай мне сил! Иди вон за гаражи и выливай свою добычу. Или клумбу полей. Ты пока гуляла, воду дали.

– А коромысло? – Алёнка задумчиво разглядывала своё отражение в ведре, время от времени корча забавные рожицы.

– В комнате, над кроватью повесь! Алёна, ну тебе ж шестнадцать почти, а ты всё ерундой какой-то занимаешься. Коромысло это откопала... Ну, сколько можно, не ребёнок ведь уже, а у тебя забавы да игрушки на уме.

– Вот именно.

– Что?

– Я говорю, что ты права. У меня от детства и осталось-то вот это вот лето, а в нём коромысло, пруд, забавы, дурачества, да мало ли что ещё! Я в следующем году поступать поеду. Так что это последний шанс получить от детства всё, до малейшей капельки. И я собираюсь воспользоваться им по полной.

– Телефон хоть возьми, чтобы я не волновалась, – тихо сказала мама и скрылась в прохладе подъезда.

Алёнка болтала ногами в зеленоватой воде, наблюдая, как солнце опускается за дальними пятиэтажками. Она любила свой городок, с его причудливым контрастом сельских домиков и многоэтажек, разбросанных то тут, то там, как грибы на полянке.

На пруду было хорошо. Если бы ещё не доставучие комары с мошками, так Алёнка бы и ночевать тут осталась. Но нельзя. Маму удар хватит, если «сокровище» не явится домой до одиннадцати вечера.

– Хватит дурачиться, ты уже не ре-

бёнок, – передразнила Алёнка маму и свесилась с мостков вниз головой, почти коснувшись воды кончиком носа.

– Как же не хочется взрослеть. А придётся.

В кармане пискнул телефон.

– Да иду я, – буркнула Аленка. – Иду.

Потом легла на мостки, пропитанные солнечным теплом, открыла соцсеть и нажала «опубликовать». Теперь и это лето, и коромысло останутся здесь.

Переезд

Дом одряхлел. Скрипели покосившиеся ставни. Им вторил ржавый водосток, украшенный кружевом коррозии. По резному крыльцу ползли ветки хмеля, цеплялись за балки крыши, пытались спрятать следы времени.

Алексей стоял за воротами, не решаясь войти. Под ногами валялись несколько окурков, а вскоре к ним присоединился и ещё один. От табака во рту было гадко. Так же, как и на душе.

В кармане завибрировал телефон.

– Да! – резко ответил мужчина. – Сказал же, я всё улажу. – на том конце недозвоненный женский голос продолжал что-то втолковывать, но Алексей уже не слушал. Он смотрел на мать, улыбавшуюся ему в кухонном окошке.

Хлопнула дверь.

– Алёшенька! Вот радость-то! А ты чего ж стоишь, не заходишь?

– Здравствуй, мама.

Он шагнул в тёплые материнские объятия, и от этих родных прикосновений хотелось завывать. Мудак, как есть мудак!

– А я тебя завтра ждала, – ворковала Анна Сергеевна, поглаживая сухонькой ладошкой крепкую руку сына. – У меня и угостить тебя нечем. Пирога немного есть с карасями. Будешь пирог, Алёша?

– Я не голодный. Чаю вот выпью.

– Да как же? Не голодный он. Ехать-то не маленько из города. Я сейчас оладушков тебе сделаю. Хочешь оладушков?

Алексей мягко высвободился из цепких материнских рук, поцеловал её в щеку:

– Не надо, мам. Я ненадолго.

– Ясно... – радостная улыбка тут же потухла. – Я понимаю.

Алексей дёрнулся от её тихого смиренного голоса, как от пощечины. Точно мудак!

– Мам...

– Я чай сейчас сделаю, ты садись, – преувеличенно бодро сказала женщина и засуетилась у старенькой плитки. Застучали чашки, звякнули ложки на блюдах. Перед Алексеем появилась пузатая сахарница с голубым цветочком, банка густого вишневого варенья, домашний ноздреватый хлеб.

Мать бегала взад-вперед, вытаскивая из закровов нехитрую снедь. Что-то спрашивала, что-то говорила, а Алексей сидел и смотрел на облупившуюся краску оконной рамы.

По дереву, когда-то гладкому и блестящему, змеились трещинки. Как морщины на материнском лице. Мама села на другой стороне стола и тоже смотрела в окошко. Нет, не может он сказать ей, что переезд отменяется! Пусть Ольга сердится, пусть злится, не в деньгах счастье. Нужно забирать мать из этой дыры, пусть хоть сейчас в комфорте поживёт: с водой и туалетом в доме, с центральным отоплением. Со стиральной машиной вместо тазиков в бане! А они и без аренды обойдутся. Мать все-таки дороже.

– Как Ольга?

– А?

Тряхнул головой, возвращаясь из собственных мыслей.

– Я спрашиваю, как там Ольга? Как Машенька?

– Маша в садик ходит, Оля на работу вышла. Потихоньку, мам.

Алексей пил горячий чай, хмурился своим мыслям по поводу предстоящего разговора с женой и не замечал внимательного материнского взгляда.

– Мам, я ненадолго, потому что надо квартиру к твоему приезду подготовить. Вещей-то у тебя всё равно немало за жизнь скопилось. Буду отвозить потихоньку! Так что давай, доставай свои чемоданы.

– Родной, я не поеду.

– Что? Как это?

Старушка теребила край клеёночной скатерти, прятала глаза, чтобы сын не увидел там слёз.

– Я долго думала. Не смогу я дом оставить. Да и Любовь Ивановна, соседка

моя, совсем одна осталась. Если ещё и я уеду, так пропадёт. Вы ко мне сами почаще приезжайте. Так всем лучше будет!

Алексей хотел возразить, но потом вспомнил Ольгу и все их разговоры по поводу второй квартиры, сдачи её в аренду и накопления для будущего Машеньки. Окинул взглядом родительский дом – тяжело старикам менять привычный образ жизни. Да и раз соседка ещё эта, подруга закадычная, одна осталась. Видимо, так тому и быть. Всем так легче будет, права мама.

– Ну, как знаешь, – сказал с облегчением.

А мать лишь тихо кивнула и тут же засуетилась, убирая со стола. Говорить о том, что Ольга звонила ей несколько дней назад, женщина не стала. Сноха жаловалась на низкую зарплату, высокие цены, а потом сетовала и на то, что можно бы квартиру в аренду сдавать, да деньги для Машеньки откладывать. И как было бы хорошо всё же эту квартиру сдать, а не селить в ней пожилую свекровь... Вносить разлад в семью Анна Сергеевна не хотела. Хоть и тяжело уже одной справляться, но ничего, выдюжит.

Алексей повеселел. Решив этот неприятный вопрос с давно планируемым переездом, он наконец-то расслабился. После чая взялся починить рассохшийся стул, подтекающий умывальник и ещё кое-что по мелочи. Анна Сергеевна ходила за сыном тенью. Улыбалась, украдкой трогала его седеющие волосы. Прощалась. Она знала, что вряд ли увидит сына в скором времени. Город, семья, работа – есть ли время вспоминать о старой матери где-то в деревне? Но лишь бы у него всё было хорошо.

Алексей уехал к вечеру. Анна Сергеевна долго стояла у ворот, зябко кутаясь в новую шаль – подарок снохи. Надо бы завтра навестить соседку. Давно она у неё не была, там уж, наверно, все травой поросло. И у мужа на могилке за одним приберётся.

Через пару месяцев Анна Сергеевна всё же переехала. К любимому супругу и закадычной подруге.

Огненная лыжня**32-му лыжному полку посвящается**

Идёт священная война,
В боях нуждается страна.
И Зауралье, и Урал
Победу Родине ковал.
Готовил полк, но не простой,
А сильный, смелый, молодой!
Полк лыжный, номер тридцать два.
И несмотря на холода,
Промозглой осени дожди,
И день и ночь занятия шли.
Шли не за партой, а в лесах,
Полях, а после и в снегах.
Мозоли, боль, усталость, пот...
Учёба даром не пройдёт!
Стрельба, большие переходы,
Без всяких скидок на погоду.
Учились парни воевать,
Солдат учили выживать.
В короткий срок бойцы мужали
И клятву твёрдую давали,
Клялись врага везде громить
И жизнь за это положить.
Стеною встать за свой народ,
Идти с Победой вперёд!
Вперёд, с отвагою в глазах,
Презрев опасность, смерть и страх!
Как меч на головы врагов,
Лавина лыжников идёт.
Скользят, стреляя на ходу,
Разя фашистскую орду!
Удара мощь, чтоб враг бежал,
Всё, как Суворов завещал.
Курганский полк, тридцать второй,
Стал для захватчиков грозой.
Солдаты шли в смертельный бой,
Победу принося с собой.
Фашисты в ужасе кричали,
Что дьяволы на них напали!
Прозвал их «белой смертью» враг,
Боясь стремительных атак!
В то время в Подмосковье шли
Кровопролитные бои.
Команды, маршевые роты,
Воеет лыжная пехота.
Под Новгородом шли вперёд,
Теряя половины рот.
Из госпиталя – снова в бой,
К врагу пощады никакой!
Освобождали древний Псков,
От рабских, вражеских оков.
И знает весь Карельский фронт,
Как воин – лыжник немцев бьёт!

В боях под Ржевом погибали,
Кровь за Отчизну проливали,
Пусть вечно помнит Ленинград
Курганских лыжников – солдат!
В Кургане приняли присягу
На верность Родине и флагу.
Верны остались до конца.
Отдав и жизни, и сердца...
Пройдя войны кромешный ад,
Сто шестьдесят пришли назад.
Их двадцать тысяч шло на фронт,
Такой тяжёлый, страшный счёт.
Война, она и есть война,
Потерь, ранений череда.
Героев подвиг не забыт,
В Кургане памятник стоит.
Солдат полка, застыл в граните,
Не забывают, приходят.
Детей с собою приводят
И память о героях чтите!
Про это надо говорить,
Чтоб в поколениях сохранить,
Всю правду страшной той войны
И цену мирной тишины.
Мы вновь идём к мемориалу,
Хранить их воинскую славу!

Атака

Атака! Нервы на пределе,
Рвём перебежкой вдоль стены,
Сквозь пули свист, гранат разрывы,
Мы все заложники войны.

Заняты! Добраться! Уничтожить!
Любой ценой, любым путём,
Обратной нам дороги нет.
Мы победим или умрём...

Осколки, рассекая воздух,
Впиваются в кирпич и плоть.
Не знает жалости железо,
А нам нет права на отход.

Всё врут, что на войне не страшно,
Тут хочешь жить, как никогда.
Мечтаешь всё начать сначала,
Когда закончится война...

С утра идёт игра со смертью,
Рулетка крутится войны,
Но мы в свою удачу верим
И этой верою сильны.

Бывает, думаешь о Боге,
Лицом зарывшись в пыль и грязь.
И вновь в себе находишь силы,
С лица земли сметая мразь!

Бойтесь гнева терпеливых

Бойтесь гнева терпеливых,
Мудрость глубины веков...
И обрушился лавиной
Гнев на головы врагов.
Вы смеялись над Россией,
Оскорбляли честь страны,
А сейчас в кусты бежите,
Потеряв свои штаны.
Вы от братства отказались,
Взяв Евросоюз в друзья.
Только тут вы просчитались,
Это сделали вы зря.
Унижали ветеранов,
С них срывали ордена,
Вот пришла пора ответить
За дела и за слова.
Под символикой нацизма,
С факелами вы шагали,
Не забудем, как в Одессе
Заживо людей сжигали.
Даже гнусные фашисты
Свой народ не истребляли,
Вы из «Градов» по детишкам
В мирных городах стреляли
Восемь лет моя Россия
Терпеливо ожидала.
Договоры соблюдала,
Соглашенья выполняла.
А в ответ потоки грязи,
Смерть и боль в дома Донбасса.
И поэтому с решением президента
Я согласен.
Просто Путина услышите!
Он понятно объясняет.
И от беспредела хунты,
Как всегда, народ страдает.
Россия - сильная держава.
Россия - гордая страна.
Россия мир несёт Донбассу.
С Россией правда навсегда!

«Нацизма нет на Украине...»

«Нацизма нет на Украине –
Его придумала Россия».
Так почему по крови брат,
Надел эсэсовский наряд?
И почему такой наряд
Не носит белорусский брат?
От рук фашистского солдата
Пылали города и хаты.
Солдат тот жалости не знал:
Он украинцев убивал.

Где ваша память о войне?
О Черняховском, Ковпаке?
И Кожедуб вам не герой?
И Тимошенко не родной?
Вы что, с ума там посходили,
Бандеру дружно полюбили.
Фашистский прихвостень, слуга.
Мне не понять вас никогда...
Эсэсовцы «Галичины»
Для вас герои той войны?
Но ваши прадеды и деды,
Недаром бились за Победу.
Фашизм Россия победит
И вас опять освободит.
Победы Знамя нас ведёт вперёд
За Родину! За Правду! За народ!

Герои земли Зауральской

Курган Героев помнит имена.
Фамилии их выбиты в граните.
В декабрьский, суровый зимний день
На монумент гвоздики положите.
Они в бою стояли до конца,
Их ратный труд державою отмечен.
И пусть проходят чередой года,
Для нас всегда их Подвиг будет вечен!
Есть на кого равняться молодым.
У нас земля Героями богата!
Пред ними низко головы склоним,
Пред вечной славой русского солдата.

37-му Батумскому Краснознамённому пограничному отряду

Среди седых кавказских гор,
На дальних рубежах,
В боях рождён погранотряд,
Презревший смерть и страх.
Суровый год двадцать второй,
Гражданская война,
Но крепко держит рубежи
Советская страна.
Тридцать седьмой погранотряд,
Батумским назван был.
В жару и холод, дождь и снег
Он Родину хранил!
Во все века и времена
Девиз всегда один,
Ни пяди мы своей земли
Врагу не отдадим!
На самых южных рубежах,
От дома вдалеке,
Чекисты Родину хранят,
Граница на замке!
Большой, тяжёлый ратный путь
Прошёл погранотряд,
Награды на груди бойцов
Об этом говорят.

Шли добровольцами на фронт
 С фашистскою ордой.
 В победный сорок пятый год
 Не всё пришли домой...
 Забыть мы не имеем права
 О тех, кто жизнь отдал в боях.
 Их подвиги в стихах и песнях,
 Навечно имена в сердцах!
 Хранит история границы,
 Солдатской доблести страницы,
 А благодарная страна
 Героев помнит имена!
 В послевоенном Закавказье
 И пограничники уходят
 В наряд, дозорною тропой.
 На знамени сверкает орден
 За подвиги и ратный труд!
 Отряд, в конце семидесятых
 Краснознаменным назовут.
 Испытанный Афганистаном,
 Крещён чеченскою войной,
 Отряд прошёл всё испытания
 С поднятой гордо головой.
 Курган традиции отряда
 По праву, бережно хранит.
 Его приумножает славу
 И всех героев свято чтит.
 Отряда знамя - памяти частица,
 Свидетель подвигов границы
 прошлых лет.
 В столице нашей Родины хранится,
 Как символ героических побед!
 Мы для народа щит надёжный,
 Мы меч карающий врага.
 На страже рубежей России
 Сегодня, завтра и всегда.

Расстрелянный остров

Мне кажется, что стали забывать
 Про тот далёкий шестьдесят девятый...
 Где на Даманском падали бойцы,
 Как в сорок первом их отцы-солдаты.
 Ведь был приказ – огня не открывать,
 И не было в патроннике патрона...
 А их в упор решили расстрелять,
 Цена таких приказов нам знакома.

Но сердца матерей не обмануть.
 В начале марта их сдавило болью,
 И пули вспять уже не повернуть,
 И остров обгадился русской кровью.
 Один на десять, вот такой расклад,
 Другого на границе не бывает,
 А под рукою только автомат
 И друг, который сбоку прикрывает.

Застава погибала на снегу,
 Никто не отступил назад ни шагу,
 И эту пограничную войну,
 Прервали, наконец-то, наши «Грады»
 Перепахали всё, как целину,
 И были танки, пушки и пехота.
 Мы помним ту суровую весну,
 Герои живы в памяти народа.

Вот только очень горько на душе,
 Что остров тот политики отдали...
 Нельзя Даманский было отдавать:
 Его ведь русской кровью окропляли.
 Простят ли нас погибшие бойцы?
 Поймут ли нас их матери, не знаю...
 Мне кажется, что стали забывать,
 Как парни на границе погибали.
 Мне кажется, что стали забывать,
 За что ребята жизни отдавали.

Смерть во имя жизни

*Герою Советского Союза рядовому
 Николаю Анфиногенову, павшему
 смертью храбрых в Афганистане*
 Афганистан. Провинция Лагман.
 В горах разведка принимает бой.
 Нельзя к колонне подпустить душманов,
 И парни вновь рискуют головой.

Один за всех, и все за одного –
 Закон разведки в жизни и бою.
 Прикрыть собою друга своего,
 И жизнь отдать за Родину свою.

Не первым был тот бой для Николая,
 Он знал не понаслышке о войне,
 Но выпала судьба ему такая,
 Героем стать на выжженной земле.

«Ребята! Отходите! Я прикрою!»
 Патронов мало, нет почти гранат,
 Но пальцы, перепачканные кровью,
 Ещё сжимают крепко автомат.

Он ранен, но ещё сражаться может,
 Все ближе «духи», виден их оскал.
 Своею смертью он друзьям поможет.
 Себя взорвал! Врагов с собой забрал...

За годом год, идут десятилетия.
 Мы помним, мы гордимся, мы скорбим.
 Не встретил он своё двадцатилетье
 И навсегда остался молодым.
 Придём и постоим у обелиска,
 Не надо слов, мы просто помолчим...
 А смог бы ты, рвануть кольцо гранаты,
 Чтоб дать возможность жить
 друзьям своим?..

Шаг в бессмертие

*Памяти пограничников 12-й заставы
Московского погранотряда
в Таджикистане –
13 июля 1993 года они приняли
неравный бой, показав пример мужества
и отваги.*

Мы будем помнить этот бой,
Пусть тяжело.... Но это надо.
Прошло уже немало лет,
Но память – лучшая награда.

Награда тем, кто пал в бою,
Там, на земле Таджикистана,
Кто принимал неравный бой,
У Сари-Гора, утром рано

Я знаю, злые языки, твердят,
Что там земля не наша,
Что нечего там защищать
И уходить оттуда надо.

Я не политик, я солдат,
Но есть приказ, и есть граница,
Есть враг, который прёт стеной.
И это значит – надо биться!

В то утро стало небу жарко,
Застава вызов приняла.
Под трели пуль и грохот взрывов,
Рубеж держала, как могла.

Немало сказано и спето
Об этом подвиге ребят,
Погибших не вернуть обратно,
В сырой земле герои спят.

Герой, начальник той заставы,
Сражение осколком и упал.
Иван, его братишка младший,
За брата долг сполна отдал.

Андрей Мерзликин бой возглавил,
Но обстановка тяжела,
Вокруг враги, и парни гибнут...
Как помощь им сейчас нужна!

Но помощь не смогла пробиться,
Засады, мины, вот беда.
И я скажу вам то, что знаю,
Дорога в тех местах одна...

Мы вспомним Бороина Сергея,
Как пулемёт не умолкал,
Как шла атака за атакой,
А он стрелял, стрелял, стрелял.

Контужен, не однажды ранен,
Он ни на шаг не отошёл,
Его окоп взорвали духи,
Он смерть геройскую нашёл.

Герой России – Игорь Филькин,
Держал свой сектор до конца.
На том участке моджахедов
Немало полегло тогда.

Владимир Елизаров в вечность
Шагнул с поднятой головой.
С пятью врагами бился смело
И принял свой последний бой...

Мы помним Сущенко Сергея,
Он в том бою друзей спасал.
Стрелял врагов, кидал гранаты,
Ещё и раны бинтовал.

Он подорвал себя гранатой...
Погиб, но не был побежден.
Курганы чтят героя подвиг.
Родителям – земной поклон.

А Мирбако Додоколонов
Геройский подвиг совершил,
Сквозь шквал огня добыл патроны
И много жизней сохранил.

Но бой идёт, и силы тают,
Но пограничники стоят.
Нет уже почти заставы,
И многих нет в живых ребят...

Полдня идёт уже сражение,
Им те часы не позабыть.
Принял командир решение,
К «тринашке» с боем отходить.

Они прорвались сквозь засады,
А смерть шагала по пятам.
Сергей Евланов, наш курганский,
Отход ребятам прикрывал.

Он выполнил свою задачу,
Хоть грудь прострелена была.
В живых осталось восемнадцать,
Такие скорбные дела...

Вы для народа – все герои.
И те, кто жив, и кто убит.
Ваш славный подвиг на границе,
Не будет никогда забыт!

Полупортка

На дворе был 1958-й год. Дедушка Папий прогуливался за деревней Берёзово, любясь весенней природой. «Вот уж скоро Первомай», – подумал он, втягивая в себя свежий апрельский воздух. «А ведь ишо недавно носы с Любавкой на мартовском солнце грели!» Это у них обычай был такой, как только март начинался, выходили они с внучкой в огород, взбирались по деревянной лесенке на копну сена, усаживались поудобнее на самой её верхушке, задирали к небу носы и грели их на солнце. Было радостно и весело, что весна наступила.

– Эй, дяденька Папий! – окликнул кто-то старичка молодцеватым баском, когда тот почти сравнялся на дороге с крайним домом деревни. Дед обернулся, видит – Ванька Бездонников со Светлого Дола на своей полупортке прикатил.

Росточку-то небольшого был тот Ванька, а по зазнобам гораздый! Выскочил из машины, ноги так и выписывают кренделя, подбежал к старику, а кудри светлые, из кольца в кольцо вьются, ух, чубатый! Глаза карие, весёлые, подмигивает деду:

– Здорово, дяденька Папий!

– Здравствуешь, Иван! Зачем к нам на Берёзово пожаловал? Али девок на Светлом Доле мало?

Иван рассмеялся, снизил голос почти до шёпота:

– А ты, дяденька Папий, секретов-то наших не раскрывай. Совхозных девок как облупленных знаю, а ваши-то, берёзовские, поинтересней будут. Слушай, залезай вот на шофёрском месте, посиди, покарауль. Сгоняю я тут неподалёку на свиданку, сговорился с одной...

– Ну, покараулить, это можно, – согласился дед Папий, – только ты это, шибко не балуй, а то жониться придётся.

– Жооониииться! – передразнил Ванька, и в тон деду объяснил, – я не жониться, а соловаться приехал! Оставил деда Папия в кабине своей полупортки и исчез в ближайшем переулке.

Дед Папий посмотрел ему вслед понимающим взглядом, сам молодым был, и начал осматривать кабину: «Вот ведь ямшичал я, дак никакой премудрости, запрягай лошадку ды вожжам понукай, вот

и вся наука, а тут, глико...» Дед посидел немного и уже совсем освоился, начал крутить руль, трогать какие-то рычажки... Вдруг, машина тронулась с места и тихонько поехала. Старик вцепился в руль и закричал: «Тпрррууу!», но полупортка не слушалась и катилась тихонько по дороге. Дедушка Папий прошёл три войны и был смекалистым, каким и считали его на деревне. «Ну ядрёна мать-ту! – пробормотал он, – поеду вокруг деревни покатаюсь, топливо в машине и закончится!»

Когда дед Папий катился вокруг Берёзово уже по третьему кругу, его, как участника автопробега, встречали радостно местные мальчишки, взгромоздившись на плетень, крича и размахивая руками. Ванька Бездонников, намиловавшись с тайной зазнобой, вышел из переулочка и обомлел: ни полупортки, ни деда! Из ступора его вывели всё те же мальчишки: «Дяденька! Вы не теряйте полупортку, у Вас её дедушка Папий взял покатаваться. Не ругайте его, он хороший, он отдаст!» В это время из-за поворота показался дед Папий на машине, он ехал всё медленнее и, наконец, заглох, горячее кончилось...

Вечером, когда они с бабушкой Таней пили чай, а вся деревня уже, конечно, обсуждала дневной «автопробег», дедушка Папий вынес свой вердикт: «Шофер, оно, конечно, не худо, да ямшичать-ту у меня больше понятия имеется!»

Иван Бездонников

Дед Саша мой в молодости был красавцем: чёрные волосы, стриженные под полубокс, стройная фигура, сильные руки. В тринадцать лет он в военные годы сел на трактор, потом и «молотобойсэм» был, а в основном, шоферил. Приехал дед как-то на Орловку, в деревню, которая далековато была от села Светлый Дол, и остановился в центре села. Там его увидела одинокая женщина тридцати лет, и влюбилась с первого взгляда. А дед ещё и балагур, остряк и весельчак, а было ему лет двадцать пять. Валентина, так звали женщину, заговорила с парнем и не заметила, как полчаса прошло. Дед Саша умел нравиться женщинам до безумия, он полушутя наговорил Валентине много комплиментов, и, когда они прощались, невзрачная на вид женщина, «се-

рая мышь», как таких называют в народе, вдруг набралась смелости и спросила:

— А звать-то тебя как, шофёр? Может, ещё и свидимся. В гости заезжай, я тут недалеко живу, одна.

— Одна? — состряпал дед Саша заинтересованную рожицу и представился с улыбкой, — а зовут меня Иван Бездонников.

Сел и уехал, всю дорогу до Светлого Дола смеялся, как подшутил над безалаберным другом, у которого на каждом отделеении совхоза были зазнобы.

Прошло два месяца. Валентина часто выходила в центр села, к магазину, смотрела, не приедет ли весёлый паренёк-красавец. И вот однажды она увидела похожую машину, а проходящая мимо её ограды подруга Галя махнула ей, пойдём, мол, со мной. Валя быстро выпорхнула к Гале и спросила:

— Слушай, ты не знаешь, кто это к нам на машине нынче пожаловал?

— Да как же не знаю, Иван Бездонников со Светлого Дола.

— Иван! — вскрикнула Валентина, — ох, конечно, пойдём с ним поговорим, он такой красавчик!

— Красавчик? — переспросила Галя и рассмеялась, — по-моему, скорее всего он болтун, хотя, может быть, для кого-то и красавчик. А не влюбилась ли ты, часом, подруга? А что, неженатый, пойдём-пойдём...

Иван Бездонников вышел из магазина, распечатывая пачку папирос. Покурить он был великий любитель. Возле своей машины парень тут же обнаружил взглядом две женские фигуры и направился к ним своей обыкновенной походкой — ноги кренделями.

— Добрый день, девоньки! — начал он развязно. — Здорово, Галя! А это кто же, подруга твоя? А как зовут?

Валентина, увидев вместо весёлого брюнетистого паренька, который ей так полюбился в прошлый раз, чубатого и щербатого парня, который дымил, как паровоз, и смотрел на неё оценивающим взглядом, повернулась к Гале и сказала разочарованно:

— Не приехал Бездонников. Это не он!

У Ивана даже папироса от изумления выпала и задымила на деревенской пыльной дороге. Он переспросил удивлённо:

— Кто-кто не приехал? Бездонников?

— Да, — ответила печально Валя. — Мы с ним здесь вот так же, как сейчас с Вами,

говорили, шутили, смеялись, месяца два уж прошло.

Иван прищурился и спросил, подмигнув Галине:

— А этот Бездонников не с чёрными, как смоль, волосами был да не с хитрыми и весёлыми глазами?

— Да-да, — сказала Валентина мечтательно, и он красавчик, а вот вы... — тут она, понимая, что может обидеть человека, запнулась, — вы... не в моём вкусе...

Повернулась и пошла домой. Бездонников сдержанно выругался, сплюнул, но, посмотрев на Галю, вдруг расхохотался:

— Ну, Шурка, шуткует всё с бабами, хоть и женатый! А я-то думаю, почему на отделениях девки не верят, что я — Иван Бездонников. А этот проходимец им мною представляется! Ладно, получит он у меня за шутки свои, с него гамыра. А подруге свой расскажи, Галя, кто ей мозги запудрил. Это Шурка Романов, шофёр со Светлого Дола. Только пусть себя надеждой не тешит, женатый он, а надо мной да над ней шуткануть решил. До свиданья, жди, как-нибудь заеду ещё!

Махнул рукой и уехал, а в следующей деревне опять то же самое: «Товарищ, вы не Иван Бездонников, Иван-то, он другой совсем, а вы — самозванец!»

Парыгин

В тот день Шурка Романов, а это был мой дед шестнадцати лет, пришёл домой с работы очень усталым, прямо с порога кинул фуражку, да так умело, что она повисла на вешалке. Увидев, что мать (а это и была моя прабабушка Татьяна) приготовила ему стакан молока и блины, проворчал:

— Мама, ты меня голодом заморила на этих блинах и на этом молоке!

Баба Таня только вздохнула, мол, у людей и этого нет, война. Видел же, мол, когда ты на работе блины на землю бросил, мужики за тобой подобрали их и съели.

— Пошто ругашся? Али щяю морковного захотел? — спросила она обеспокоенно. Но сын уж немного отдохнул и заговорил, садясь за стол:

— Щяю-щяю накащяю, сахару нащякаю!

Он весело ухватил блин и принялся его уплетать, подмигивая матери, потом шумно, как конь, опустошил стакан с мо-

локом, нарочно для смеха громко хлебая.

«Шешнадцать годков ишо, ребёнок совсем, а в поле на тракторе робит...» – горестно подумала мать. В это время Шурка выглянул в открытое окно и увидел Нюрку Шитикову, которая была хоть и старше двумя годами, но по нему уже сохла. Красивый, весёлый паренёк, с ним не соскучишься. Сама-то Нюрка была «тютя мороженная», как её на селе прозвали, «ни здравствуй, ни прощай». Рыжая, всё лицо в веснушках, Шурки выше на целую голову, баба Таня не очень её жаловала: «Вот эть кобыла, прибежит, всё ржёт с Шуркой да в рот ему заглядывают! Чё тот ни придумат, ни сочинит, она ржёт и ржёт. Пустая девка. Да и мать её вроде не стара, а уж ни на каку скотину не находит: зубы-те выпали, одне осколки торчат, она ощеряется, хоть бы уж не ощерялася...»

Шура крикнул в окно:

– Нюра, обожди! Щас прогулямся! – выскочил из-за стола и побежал, мать только «рукам по бокам схлопала», ну да ладно, «пущай погулят парничок, устал шибко».

В это время за зерном пришли машины, надо было везти его в город, «в глубинку» ссыпать на хранение. Приезжий из Москвы, управляющий Василий Степанович заметался по деревенским улочкам в поиске работников. Тут-то он увидел у сквера в кустах парочку, это были Шура и Нюра. Шурка, быстро оценив обстановку, прошептал:

– Выручай, Нюра, не сказывай, что я с тобой был, Парыгин, скажи! – надвинул фуражку на глаза и юркнул в непролазные кусты сквера. От усталости он почти восстановился, пулей пролетел по аллее, выскочил к калитке своего огорода и скрылся на сеновале. Минут через десять Шурка уже спал самым глубоким сном.

Когда управляющий, грузный высокий мужчина, доковылял до Нюрки, то запыхался, грозно сплюнул в придорожную пыль и спросил:

– Это кто с тобой был, девонька?

Нюрка вытаращила на Василия Сте-

пановича свои серые глаза и выпалила:

– А Мишка Парыгин! – повернулась и юркнула в кусты.

– Парыыыыгин! – проревел как разъярённый медведь управляющий, – ну погоди у меня, стервец!

Мишка Парыгин был первый на селе буян, драчун и забияка, но Шурка Романов его не боялся, если уж с трактором справлялся с тринадцати лет, то и с Мишкой побороться сил хватало.

Василий Степанович уже нашёл двух работников, те начали грузить в машины зерно, уже почти успокоился и закурил, тут из кустов сквера появился Мишка Парыгин. Он шёл, как обычно, надвинув такую же, как у Шурки Романова, фуражку на глаза, ростом и телосложением они с Шуркой тоже почти не отличались, и управляющий был уверен, что сбежал от него Мишка. А Парыгин пинал по дороге какую-то деревяшку и никуда не спешил.

– Ах ты, сукин сын! – услышал он перед собой и ощутил удар кулаком в лицо. От неожиданности парень повалился в придорожную пыль, но какая-то сила подняла его за ворот, и он снова услышал рёв:

– Убегааать от меня вздумал? – затем посыпалась отборная фронтовая брань, которой Василий Степанович обучился в окопах, откуда его после ранения и госпиталя направили в тыл управляющим совхоза.

– Да ввыыы штооо? – завопил одуревший Мишка, – не убегал я никуда, я только прогуляться вышел, как отужнал!

– Только вышел, враль? Да я те щас! – и Степанович натренированными на фашистах пинками погнал Парыгина грузить зерно.

А через час у реки сидели и смотрели на заходящее солнце Шура и Нюра. Шурка отдохнул, выпался, а Нюрка, смеясь, рассказывала, как получил Парыгин от Василия Степановича, как фашист на фронте. И с той поры, как говорили в деревне, буянить да задираться у Мишки всякая охота попала.

Дождь в Белозерке

Дождь в Белозерке нас застал,
Был тёплый, июльский, дружелюбный.
Как будто с неба обласкал
Своих детей курганских блудных.

Путь до райцентра небольшой,
И полетели как на крыльях.
Не оторвались мы душой
От края, где родными были.

Ачикуль волны взбороздил,
Встречал нас, будто долгожданных,
Махал гостям, что было сил,
Звал приезжать так постоянно.

А мы, смотря сквозь призму слёз
На землю самую родную,
На лес из сосен и берёз,
Там были счастья одесную.

Пишу под августовский дождь

Пишу под августовский дождь
В нежаркий день, мой самый лучший.
Порою в жизни радость ждёшь,
Не ожидая, что получишь.

Седьмая сломана печать,
Быть может, в этом смысл жизни?
Не получая, получать
Подарки от судьбы капризной.

Мой стих кончается и дождь,
Но что-то главное я знаю:
Он из души смыкает ложь,
Судьбу навечно изменяя.

Белозерский вокзал

Привет тебе, вокзал мой Белозерский,
Привет тебе, уютный мой причал.
Не раз ты в моей жизни прошлой, детской
С радушием и нежностью встречал.

«Икарус» на Тюмень меня высаживал,
Брала билет и прятала в карман,
А кто-то из попутчиков выпрашивал:
«На Пьянково ты или в Камаган?»

Отвечу я с улыбкою загадочной:
«Не угадал ты что-то, дядя, мол», —
И покажу ему билет посадочный,
А там села название «Светлый Дол».

...среди жизни затерялась, яркой, дерзкой,
Но он о детстве снова рассказал.
Привет тебе, вокзал мой деревенский,
Свидетель жизни, старый мой вокзал...

Когда-нибудь

Когда-нибудь (я думать не устала)
Наступит жизни, как игре, конец.
Придёт Господь, откроет нам порталы,
И души всех умерших будут здесь.

Он очи нам духовные откроет,
Получат по заслугам все тогда,
Злодеи и блудницы, и герои,
Правители, лакеи, господа...
Событие вовеки станет главным:
Конец пути да подвести итог.
И тайное, конечно, станет явным,
То, как свой путь земной пройти ты смог.

Там не важны богатства-капиталы,
Живи и помни, жизнь свою верша:
Придёт Господь, откроет все порталы,
Как есть, предстанет перед Ним душа.

На Першино

Цветы скупала для могил в охапку,
С семьёю собиралась в дальний путь.
Приснились накануне дед да бабка,
Нарядные, и нас сидят и ждут.

И мы пустились в даль дождя и ветра,
Дорогой дорогой: Курган – Тюмень,
К родным нас приближали километры,
И бег столбов, холмов дорожных крен.

А вот и наш знакомый указатель,
На Першино ушли на поворот,
Летели, долгожданной встречи ради,
Всё пандемия, ждали, что пройдёт...

С Георгиевской лентой к деду Толе
Спешу и говорю: «Держи, солда!т
Шёл до Берлина с кровью, потом, болью,
Пусть видят все, спасибо говорят!»

Прабабушка Татьяна, прадед Папий,
Вам посвятила не одну строку,
С любовью крашу общую ограду,
Вы были счастьем на моём веку.

А рядом спит спокойно баба Маня,
Сказала: «Обо мне плакущих нет»,
Неправда! Приезжаем, сердце рая,
К тебе с цветами много-много лет.

Здесь перекусим, шутим без причины,
Мир на душе, и помыслы чисты.
А за оградой кладбища машины
В Чимеевский спешат наш монастырь.

...ну вот и всё, поклон вам да прощаться,
Так хорошо увиделись сейчас.
Пусть души приближаются и снятся
В предутренний благословенный час!

На Светлый Дол

Дождь, привет! На рассвете покапывай,
Только в ливень ты не превращайся.
Помню я завещание папино
На родные места возвращаться.

Там есть кладбище, сельское, тихое,
Где покоятся бабушка с дедом.
Вспышкой память проявится детская,
Вьётся радость в душе с нежным светом.

Еду, болью в душе своей выгорев,
Вот родные могилы в порядке.
Васильковую краску я выберу,
Бабе Нине покрашу оградку.

Ряд плакучих берёз шепчет истины
Над песчаным карьером рутинным.
Кровь несётся по венам неистово –
С фотографии взгляд бабы Нины.

А дед Лёня с улыбкой хорошою
Да глазами как будто мигнул мне:
«Как на бабушку Нину похожа ты!
Жаль, болезни и смерть разминули».

За меня тихо небо заплакало
По кладбищенским тихим аллеям,
И алеет для бабушки сакура,
И для деда ромашки белеют...

А есть ли любовь?

Как будто телёночка выменем
Кормила нас ночь. На заре
«А есть ли любовь? - ты спросил меня, -
А есть ли любовь на Земле?»

Словами шикую, одаривал,
Касался ладонью щеки.
В глазах твоих виделось зарево
Костра у заснувшей реки.

Сказала: «Даруется разная,
Кому-то как лучик во сне,
Кому-то безумная, страстная,
Но тихая тлеет во мне».

А ты мои мысли угадывал.
Шуршали вокруг камыши:
«Любовь существует, коль рядом вы,
А значит, не стоит спешить».

Умиляюсь

Стала странная и неземная:
Чтение книг и великих умов.
Почему-то меня умиляют
Крыши ветхие старых домов.

Скоро сменю машине резину,
Поутру не дыхание – пар,
А в соседнем большом магазине
На углу разгружают товар.

Птичьи стаи построятся клином,
Отправляясь на южный постой,
И осенней эмблемой рябина
Застывает с последней листвой.

Осень год доведёт, подытожит,
И в декабрь двери вынесет лбом.
...мою душу ничто не тревожит,
Мне комфортно в сезоне любом.

Пора

Уже далеко до подснежников,
Уже далеко до весны,
Но осень спускается бережно,
Как белка, с ближайшей сосны.

Орешки возьмёт из тарелочки,
Что ей приготовила я,
Посыплет листвою по мелочи,
И станет роскошной земля.

А мне по-весеннему весело,
И. выбрав маршрут кочевой,
Да в туфлях своих цвета персика
Хрущу я осенней листвою.

Душой постигаются истины –
Унынье убрать и успеть
Проникнуться светлыми мыслями,
Что осень – пора, а не смерть.

ОСТРОВ ОГНЯ

«Первого сентября 1730 года между девятью и десятью часами вечера на острове Лансароте, в месте, называемом Тиманфайя, вдруг разверзлась земля. Из расселины поднялась огромная гора, из её вершины забил огненный фонтан, который не иссякал девятнадцать дней...»

Священник Андрес Лоренсо Курбело, летописец извержения вулканов в 1730-1736 годах.

Давно я не читал приключенческой литературы, а тут представился случай – новая повесть, про пиратов. Легко читается, увлекательно и будит приятные воспоминания о школьном детстве, о первых впечатлениях от невероятных походов отъявленных головорезов, благородных разбойников, преданных профессии докторов и бесчестных чиновников. Но по жизни не только из художественной литературы узнавал я подробности пиратских будней (в смысле налётов, грабежей, убийств, работорговли), но и во время туристических посещений островов Индийского океана и Атлантики. К примеру, был я несколько раз на Канарских островах. Небольшой (на четвертом месте в этой группе) остров Лансароте лежит ближе всех к африканскому побережью и ко входу из Атлантического океана в Средиземное море.

Этим удобным и в то же время опасным географическим расположением и объясняется его богатая история открытий, захватов власти и пиратских набегов. Например, при посещении крепости Санта Барбара (по-испански Кастильо де Санта Барбара) нам рассказывали, как в 16 и 17 веках за её стенами укрывались представители верхушки общества со своей прислугой и охраной во время набегов «джентльменов удачи». Остальное население становилось жертвой морских разбойников, безнаказанно грабивших мирные поселения. Особенно злобными и опасными считались алжирские пираты – берберы, главным промыслом которых была работорговля – на невольничьих рынках востока христианские рабы ценились высоко. Разумеется, размах этой деятельности не идёт ни в какое сравнение

с «цивилизованным» переселением африканского населения в северную Америку для трудоустройства и адаптации в обществе прогресса и демократии, но беззащитным жителям острова от этого не легче – их судьбы были: быть проданным или прикованным на галере, а женщинам отправиться в гарем. Историю пиратских набегов на мирный остров напоминает нам специальная музейная экспозиция в замке Санта Барбара. Чтобы добавить наглядности, в коридорах вас встречают фигуры знаменитых пиратов: Фрэнсис Дрейк, Роберт Блейк, Джон Хокинс и другие. Вы увидите ружья, пушки, сабли тех времён и модели старинных пиратских кораблей.

Кстати, самым отъявленным злодеем из берберских каперов, по дошедшим до нас сведениям, считается выходец их христианской семьи Морато Арраес. Христианином и рьяным католиком был и Франсуа Ле Клерк – французский корсар, чей налёт на Лансароте в 1551 году зафиксирован в исторических документах. Ле Клерк носил прозвище «деревянная нога» и возможно был прототипом стивенсоновского Сильвера. Про другого французского флибустьера, перебравшегося из карибского бассейна в Индийский океан, нам рассказывали на Сейшелах (мой постоянный читатель помнит, как мы там акулу ловили). Оливье Левассер, так звали этого разбойника, десять лет наводил страх на мореплавателей, но в 1730 году его поймали и, как тогда было принято, повесили по решению короткого трибунала.

Но не это событие 1730 года привлекает наше внимание, а начавшееся тогда грандиозное землетрясение с извержением множества вулканов в южной части острова Лансароте, в результате которого жизнь оставшегося в живых местного населения, да и судьба самого острова изменились коренным образом. Полтора года продолжался этот катаклизм. По счастью, не все селения были уничтожены, а один из святых отцов сумел даже оставить для потомков описание этих ужасов, которые переживали люди, убегая от грохота, потоков лавы и облаков пепла, покрывших в итоге значительную часть острова.

Большинство жителей этого процветавшего ранее острова с райским климатом, богатыми урожаями и удобными бухтами, покинули засыпанную пеплом родину, но те, кому бежать было некуда, умудрились приспособить новую почву для растениеводства, включая выращивание винограда на чёрном базальтовом песке (это при уровне осадков чуть больше, чем в пустыне Сахара!), и в купе с рыболовством и портовым хозяйством удержались на острове, который к тому моменту уже принадлежал Испании. На то, чтобы приноровиться выживать в новых условиях, у них ушло много времени, и соседние, более крупные и менее пострадавшие от вулканической деятельности острова, значительно опередили Лансароте в умножении населения и развитии инфраструктуры.

А на Острове Огня, как его называли после вышеупомянутых дьявольских фейерверков, почти треть площади с тех пор покрыта кратерами и полями застывшей лавы – уникальное зрелище! Но тогда в 18-19 веках за зрелищами мало кто разъезжал по миру, путешествовали в основном из меркантильных соображений – чтобы не умереть или разбогатеть. Последнее извержение, кстати, произошло на этом клочке суши не так давно в 1824 году, и вулканы там (а их тогда уже было по 4 штуки на одну тысячу местных жителей) считаются действующими. Так вот, эти черные «марсианские поля» долгое время были лишь источником некоторых стройматериалов, а открытые части подземных пещер – свалками мусора.

Но в двадцатом веке, когда пираты остались лишь на страницах приключенческих романов, когда людские потери в войнах исчислялись десятками миллионов, а безмерно любопытный человек распечатал ядерный «ящик Пандоры» и научился легко перелетать с континента на континент, отношение к острову поменялось, и его экзотические ландшафты ныне привлекают внимание людей со всего мира. Произошло это в значительной степени благодаря деятельности одного человека, незаурядные способности которого и побудили меня взяться за перо.

В 1926 году, когда Испания пережила трагическую кончину великого Гауди, сбитого Барселонским трамваем по пути к его устремлённому в небеса архитектурному шедевру, на далёком испанском острове Лансароте пошёл в школу семи-

летний мальчик по фамилии Манрике и по имени Сезар. В это время другой каталонец Сальвадор Дали уже учился в Мадриде в Королевской академии изящных искусств Сан-Фернандо, а знаменитый Пабло Пикассо оформлял уже шестой балет для труппы Русский балет Дягилева и, пережив кубизм и классический период своего творчества, погружался в сюрреализм. Маленький Сезар ещё не знал тогда, что в будущем его ждёт учёба в той же мадридской академии, то же увлечение сюрреализмом в творчестве и такая же безвременная кончина в автомобильной аварии на родной улице.

Учился мальчик неплохо, успевал по всем предметам, увлекался рисованием и восхищался природными красотами родного острова, океана и неба с бесконечными гаммами цветов и оттенков. При этом абсолютным гуманистом он себя не считал и после школы готовился поступить на архитектурный факультет в университет Ла-Лагуна на острове Тенерифе, старейший университет Канарских островов. Когда-то город Сан-Кристобаль-де-ла-Лагуна был столицей Канарских островов, и университет в нём создавался в 18 веке на базе исследовательского центра, основанного августинцами в 1701 году. Однако мой просвещённый читатель помнит, какими были в Испании 30-е годы прошлого века – расцвет фашизма и гражданская война. Жители Канарских островов – граждане Испании, они также были вовлечены в эти политические разборки. Пришлось и молоденькому Манрике повоевать два года в артиллерийских отрядах, причём на стороне диктатора Франко. Слава богу, в 1939 году ему удалось вернуться домой живым и физически здоровым. А вот психологическую травму война ему оставила на всю жизнь, свою военную форму он демонстративно сжёг на крыше родительского дома и никогда не рассказывал про этот отвратительный период своей биографии.

Впрочем, мы не об этом. Наш герой всё-таки поступил в Канарский университет и почти выучился на инженера-строителя (или архитектора), но в 1945, когда в Европе кончилась война, оставил свою первую альма-матер, не получив диплома. Это, между тем, не помешало Сезару быть награждённым в честь столетия со дня его рождения в 2019 году Почётной медалью Университета Ла-Лагуна.

Несостоявшийся архитектор едет в Мадрид и поступает со стипендией в Академию изящных искусств Сан-Фернандо, где он через несколько лет получает диплом профессора искусств и художника. Сменить архитектуру на живопись его побудили и свои наклонности, и популярность в Европе того периода художников-авангардистов. Он знакомится с Дали, Пикассо и другими выдающимися живописцами Испании, Франции и Италии. Ему удаётся достичь известности, проводить свои выставки в европейских странах, продавать свои произведения и получать заказы – коллеги иногда даже критиковали коммерческий характер его работ. Почти 20 лет он учился, творил, выставлялся и профессионально развивался в Европе. Сезар имел свою студию, работал с коллегами, соратниками и учениками, переживая периоды творческих подъёмов и кризисов. Однажды, после безвременной кончины его сподвижника и партнёра Пеппи Гомеса, Манрике решается переехать из старого света в новый – в Америку. Он откликается на приглашение своего двоюродного брата Мануэля и в 1964 году переселяется в Нью-Йорк. Дружба Мануэля с директором Института международного образования, финансируемого Рокфеллером, позволила Сезару получить щедрый грант и развить свою студию. Необычайно работоспособный испанец добился заметного успеха, начал выставлять свои произведения в самой престижной нью-йоркской галерее и сотрудничать с Энди Уортоном, которого считали королём поп-арта в Нью-Йорке того времени.

Однако образ жизни в мегаполисе не совпадал с представлениями Манрике о гармонии человека и природы, да и богемный пафос арт-среды, культивирующий в человеке желание выделиться любой ценой, не привлекал художника, и он всё серьёзнее задумывался о возвращении к своим корням. Его абстрактные полотна наполняются угольными и багровыми тонами, как первобытные пейзажи поражённого лавой родного острова. Даже успех в творчестве не может избавить Сезара от ностальгии по реальному смыслу вещей. В письме другу он признаётся: «Мой последний вывод: Человек в Нью-Йорке похож на крысу. Человек не был создан для этой искусственности. Я чувствую необходимость вернуться к земле. Почувствовать, ощутить ее запах». Он посещает зону го-

родского строительства Педрегаль в Мексике, где по проектам архитектора Луиса Баррагана застраивалась недооценённая ранее вулканическая территория – полученные впечатления усиливают его тягу к родным пенатам. Застроенный космически-уродливыми небоскрёбами и забитый навязчивой рекламой Нью-Йорк вызывает у Манрике отторжение, он даже чувствует, что «безроден без чистоты своего народа и ... пустынного Канарского пейзажа».

К этим душевным устремлениям добавляется новость, что его друг детства Хосе занял пост сенатора Лансароте (фактически главы правительства острова) и настойчиво предлагает Сезару всяческое содействие в жизни и творчестве, если тот вернётся на свою малую Родину. Не каждому художнику выпадает в жизни шанс получить творческую студию в размере целого острова, да ещё полного первозданной экзотики и любимого с детства! И наш герой, переполненный идеями о слиянии своего творчества с природой, этого шанса не упустил. Двух лет в Америке ему хватило, чтобы пресытиться бездуховными трендами богемных «сливок» общества потребления, и в 1966 году уроженец Канарского архипелага переселился на родной остров, чтобы на протяжении всей оставшейся жизни трудиться для его процветания.

К моменту окончательного возвращения на Канары Манрике уже имел целую коллекцию эскизных набросков по преобразованию жилых и общественных пространств Лансароте в единое привлекательное для жителей и туристов пространство, подчёркивающее уникальность здешней природы. Можешь ли ты, мой современный читатель, представить современную страну, пусть даже маленькую, как остров, где полно туристов, то есть потребителей услуг и товаров, без рекламных щитов и плакатов? Мы это увидели и, проезжая по дорогам среди первозданных ландшафтов, испытывали наслаждение от того, что эти чудесные виды не загороживаются и не портят никакие чужеродные вторжения бесцеремонного бизнеса, жаждущего только наживы. «Расстиралась равнина, усеянная черными скалами с острыми зубчатыми краями... А на заднем плане вставали вулканы, закрывавшие горизонт своими багровыми, кое-где почти фиолетовыми склонами. Эрозия не смягчила этот пей-

От этого нежно-голубого озера туристы уходят в подземный лавовый коридор, как в пробную прогулку в направлении царства Аида.

После мрачноватых комнат-пещер и коридоров без лучика солнца в доме Главного Архитектора такой дворик-оазис кажется райским садом!

Страшные морские разбойники заперты навечно в музее замка Санта Барбара, а со стен этой крепости взору туриста открывается чудесный вид на океанские просторы и на столицу острова – город Арресифе.

Половина древнего кратера скрыта под голубыми волнами океана, а вторая половина образовала базальтовый амфитеатр, приютивший зелёное озеро Чарко де лос Кликос. Мы видим главные цвета творческой лаборатории Манрике.

Волны кипящей лавы ударились грудью о грудь океанских валов и застыли в этом движении на века...

Прогулка по «базальтовой пашне» – дело нелёгкое: стоит оступиться у провала, и на глубине десятков метров тебя не услышат и не найдут.

Чтобы Вулкан пришёл в гости к художнику, как солнце к поэту, надо подождать сотню-другую лет, когда он проснётся, ещё немного, пока заснёт и остынет, а потом построить свой домик так, чтобы след Огненного Бога остался на пороге...

Кактус – самое жаростойкое растение планеты. В парке кактусов на Острове Огня почти тысяча видов этого неприхотливого и невероятно разнообразного растения.

Любой из гостей, прибывших на туристическом лайнере, может «взять штурмом» древнюю крепость Сан Хосе.

Эти провалы на месте древних лавовых «пузырей» были свалками мусора, пока за дело не взялся Манрике со своим другом - губернатором острова.

Вилла ЛагОмар – тающий снежный ком на солнечной стороне пригорка. Так может показаться сибирскому гостю, но местные жители снега не видят и для них это белая соль.

Такой увидел рыбу на родном острове художник Манрике. Сказались годы учёбы и творческих поисков в Европе и в США...

Манрике не забывал своих земляков когда трудился и жил за «большой лужей».

Гостиная в доме архитектора. Для этой постройки чертежи не нужны — недаром почти все проекты Манрике были просто аксонометрическими эскизами.

заж, не придала ему затейливой формы; он был первозданно дик и суров», – так описывает Лансароте писатель Мишель Уэльбек в одном из своих романов, и я свидетельствую, что это соответствует действительности.

Так вот, первое, чего добивался Сезар с помощью друга, это запрет на внешнюю наглядную рекламу – никаких билбордов по улицам и дорогам, запрет на строительство зданий выше четырёх этажей, на открытую прокладку проводов и труб. Затем им удалось убедить жителей, что любое строительство должно быть экологичным, и созданные человеком формы вполне могут гармонично совмещаться с естественными пространствами. Манрике доказывал это во всех своих работах, начиная с собственного дома. Дом, а точнее, усадьбу, он построил на участке «базальтовой пашни» на краю плато, покрытого застывшей лавой. Основание это с точки зрения строителя обладает уникальной прочностью и, простите за каламбур, потрясающей сейсмостойкостью. Но посетителей поражают не эти невидимые конструктивные качества сооружения, а то, как в подземные пустоты, образованные остывающей лавой, вписаны все помещения двух нижних этажей дома: спальни, гостиные, коридоры и студия художника. Есть и надземный этаж, и дворик с бассейном в естественном углублении, и всё это гениально связано в единый ансамбль, включая деревянную мебель и растения от кактусов до высокой смоковницы, проросшей с пола пещеры-гостиной в естественный пролом в базальтовом потолке. Мы увидели, как лава вливается в окно студии Мастера, как белоснежный «песок» пола перетекает через коридоры-тоннели в одно за другим пещерные пространства комнат. В стенах этих помещений, построенных без участия человека, застыла история земных недр, выплеснувшихся на белый свет во время безумной пляски разгулявшегося Гефеста – сотни миллионов лет возраст этих пород, по утверждению учёных. Цвет стен отнюдь не уныло-чёрный – породы имеют различные оттенки, проявляющиеся в зависимости от освещения.

Разумеется, главный художник острова понимал, что экономическим двигателем в этих условиях должен быть туризм, но не оголтелый наплыв любопытных всепоглощающих праздных путеше-

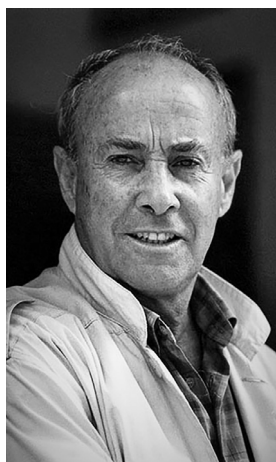
ственников, считающих нормой бетонную башню посреди древнего леса и бургер с говядиной на борту старой рыбацкой лодки. Таким туристическим кластером уже были поражены два крупнейших острова: Тенерифе и Гран Канария. Там уже вовсю строились гигантские, по здешним меркам, курортные комплексы с многоэтажными корпусами, с захватом большой прибрежной территории, с предложением всех развлечений и излишеств, к которым привык состоятельный городской житель.

Манрике, приехавший с намерением превратить свой родной остров в одно из красивейших мест на планете, был за высококачественный экологический и вдумчивый туризм, который впоследствии стали называть ответственным. Ему пришлось стать художником, скульптором, ландшафтным архитектором, дизайнером малых архитектурных форм, вплоть до мусорных урн. Он сформировал и с помощью друзей и единомышленников закрепил своеобразный кодекс по сохранению неповторимых природных творений при строительстве и благоустройстве на родном острове, отвечающий главному принципу: «природа – искусство, искусство – природа». В этом своде правил был призыв о бережном отношении к каждому участку местности, об экономии воды, энергоресурсов и всего разнообразия местной флоры и фауны. Были определены главные цвета для существующих и новых построек: чёрный – цвет лавы, белый – цвет соляных разработок рыболовов, синий цвет моря и зелёный цвет растений. Для стен домов принят белый цвет, и этой краской жителей обеспечивает правительство острова за счёт местного бюджета. Цвет окон и дверей охристый, синий или зелёный выбирают сами жители для всего своего селения. Архитектура должна соответствовать задумке художника, который передавал свои знания землякам и сам учился у них, участвуя в работе многих муниципальных, общественных и корпоративных органов. Неудивительно, что Сезару для сохранения на Лансароте своего индивидуального стиля пришлось сражаться с наступающим капиталом, порождающим коррупцию и стремящимся к достижению любыми способами максимальной прибыли в туристической индустрии. «Пёстрая толпа спекулянтов появляется, как стервятники, с каждым днём всё более многочис-

ленные, достигая неожиданных пределов аморальности в нервной спекулятивной истерии», – так он оценивал обстановку в бизнесе на острове.

Отдыхать душой от этой борьбы художнику позволяла постоянная работа над новыми творческими проектами. Он занимается по его собственному выражению, «территориальной аккупунктурой», выбирая разнообразные точки вмешательства по всему острову, чтобы сохранить его историческое и экологическое здоровье в процессе человеческой деятельности. Попробую описать некоторые из самых заметных, хотя, конечно, лучше бы их увидеть в натуре, чтобы получить полноценное комплексное представление об этих шедеврах незаурядного архитектора – в этом я убедился, посетив этот необычный остров.

В ту часть острова, где лежат только лавовые поля и жерла вулканов, Манрике почти не вмешивался – там расположен Национальный парк Тиманфайя. Создан этот парк не для развлечения туристов и киносъёмки (помните «Миллион лет до нашей эры»? – часть пейзажей снимали на Лансероте), а для сохранения уникального исследовательского полигона развития земной биосферы, потому что на этом мёртвом лавовом плато триста лет назад эволюция снова стартовала со стадии микроорганизмов. Путешественников возят на автобусах по специальным маршрутам; есть небольшие пешие прогулки и одна точка питания – ресторан, спроектированный нашим героем, похожий на потерпевшую крушение гигантскую летающую тарелку. Ресторан построен прямо над разрушенным жерлом вулкана, основанием служат несколько слоёв толстых базальтовых плит, так как заглублённый фундамент сделать было невозможно, ведь на глубине 13–15 метров температура породы уже превышает полтысячи градусов по Цельсию. Рядом сделаны искусственные гейзеры – отверстия глубиной метров пятнадцать, в которые служитель периодически выливает ведро воды, чтобы зрители увидели через несколько секунд вырвавшийся столб пара, получивший импульс от вулканических недр. Этот же подземный жар используют на специально устроенной жаровне-гриле для мясных блюд. Не будет лишним напомнить, что по научной классификации этот «вулканчик» тоже считается действу-

Сезар Манрике

ющим – так что нам удалось пообедать почти что в жерле такого чуда природы.

Символ Тиманфайи, пузатый чёртик с трезубцем, – произведение Манрике. Сезар с его огромным опытом художника-авангардиста был непревзойдённым мастером символики и для всех сколько-ни-

будь известных мест на его острове создал гербы, знаки, символы или памятники. Например, стилизованное изображение крошечного глубоководного омара *Munidopsis polymorpha*, эндемика Лансероте, поселившегося в пещерном солёном озере, стало символом своеобразного парка культуры и отдыха Хамеос дель Агуа. Уникальная вытянутая и местами провалившаяся пещера является частью местами разрушенной «лавовой трубы» Куэва де лос Вердес длиной шесть километров. Образовался этот подземный тоннель не во время последних извержений, а немного раньше – примерно пять тысяч лет назад. По проекту главного художника здесь соорудили искусственную голубую лагуну, на месте старой свалки разбили дивный сад, устроили пещерный ресторанчик, довольно вместительный концертный зал с прекрасной природной акустикой и ещё множество красивых уголков в открытых и закрытых пузырьках застывшего «дьявольского варева». Полуторакилометровый пеший маршрут для туристов по необычайно эффектно подсвеченному внутрилавовому коридору оставляет незабываемые впечатления.

Точки питания с местным колоритом – важная часть любой туристической программы. Манрике не мог физически все их оформить, но несколько главных точек, помимо вышеописанного Эль Диабло, он успел спроектировать. Так, в южной деревне Яйса, уцелевшей во время разрушительных извержений, в фермерском доме XVII века, который с любовью отреставрировал Манрике, устроен ресторан традиционной канарской кухни. Несколько выбеленных комнат обставле-

ны традиционной мебелью из тёмного дерева и украшены деталями деревенского быта. Мы попробовали рыбу с соусом «можо» из белого вина и оливкового масла и местный мелкий картофель, сваренный «в мундире». Когда его варят в глиняном горшке, в очень солёной океанской воде, на коже образуются соляная корка, сохраняющая особый вкус картошки – такая вот чисто канарская «фишка».

Если вспомнить о жилых постройках, то Сезар построил для своего друга Омара Шарифа (советскому зрителю хорошо знаком этот египетский актёр) прекрасную виллу, вписав её белосахарные стены в красно-коричневые скалы вулканической породы. Автор назвал её ЛагОмар. Внутри её посмотреть нельзя – это частный дом. Актёр его давно продал, а поскольку он входил в пятьдесят лучших мировых игроков в контрактный бридж, то гид нам уверенно заявил, что виллу ветреный миллионер проиграл в карты. Но часть этого дворца в деревне Насарет превратили в ресторан, где можно иногда послушать живой джаз.

Ещё одно масштабное «вторжение» Манрике (так автор называл свои проекты) – смотровая площадка Мирадор-дель-Рио на 470-метровой скале, обращённой к группе небольших островов в океане, ближайший из которых по имени Грасьоза виден как на ладони. Два застеклённых глаза смотрят прямо из базальтовой стены – там укрываются зрители, сидя за столиками в уютной обстановке, а для тех, кто хочет вдохнуть вольного морского воздуха, есть едва заметная тропинка, огороженная жердевым поручнем. Все господствующие высоты были когда-то пунктами обороны острова – наблюдательными, сигнальными, боевыми, и на этой скале ещё во время второй мировой войны стояла артиллерийская батарея.

Любимым и, пожалуй, последним из больших проектов Манрике стал образованный на месте бывшей каменоломни сад кактусов (Jardín de Cactus) у деревни Гуатиса, в нескольких километрах к югу от Хамеос-дель-Агуа. Ещё до окончательного возвращения на родную землю художник собрал немалую коллекцию этих экзотических растений, похожих на абстрактные скульптуры. Вероятно, в наблюдениях за ними он обогащался идеями для своих сюрреалистических полотен. Сем-

надцать лет кропотливого труда мастера и его сподвижников увенчались успехом – в 1990-м году был открыт уникальный парк с многоуровневой архитектурой, позволяющей любоваться самобытными ландшафтами Лансароте с разных точек. Из вулканического камня созданы террасы, ограды, тропинки, обрамлённые тысячами разнообразных по форме, цвету и размерам кактусов.

При саде есть интересный ресторанчик, где подают вегетарианские бутерброды из кактуса в ярко-красных булочках. Это отсылка к кошенильным червецам – жучкам, которых разводили на местных кактусовых полях для получения красного пищевого красителя. Этот краситель в средние века был весьма востребованным и дорогим товаром, которым не брезговали морские налётчики.

Я уже упоминал о том, что лансаротцы научились выращивать виноград на своём «сухом» острове, виноградники эти в долине Ла Херия, пожалуй, самые необычные из тех, что я когда-либо видел. Дорога по этой местности, как пишет тот же Ульбек, «вьётся среди тёмно-лиловых, почти чёрных горных склонов, усеянных камнями и гравием. За несколько веков жители острова выкопали в гравии ямки, насобирали камней и построили из них полукруглые стены для защиты от ветра. В каждой такой ямке посажена виноградная лоза. Вулканический гравий очень плодороден, солнце светит вовсю. Из этого винограда получается ароматное мускатное вино. Упорство, которое потребовалось для такой гигантской работы, поистине поразительно». Добавлю лишь некоторые агрономические уточнения: водой лозу насыщает не дождь, которого нужно ждать месяцами, а роса, ежедневно выпадающая на вулканическом песке – пиконе. Благодаря пористой структуре почвы, влага проникает вглубь, не успевая испаряться и питает растения, дающие хороший урожай. Для соблюдения экологических стандартов и аутентичности большая часть работы производится вручную, и всё это, в первую очередь, представление для туристов, включая «бодеги» - винодельни, старейшая из которых основана в 1775 году. А ещё в этом базальтовом песочке можно отыскать другие «ягодки» - обломки зеленоватого перидота – он, ведь тоже вулканического происхождения.

На острове мало дождя, но много ветра, и это не проходит мимо внимания художника, он расставляет по всему острову Хугетес дель Вьенто – «игрушки ветра» – подвижные разноцветные и весёлые они пробуждают детские впечатления от исчезнувших ветряных мельниц; кстати, одну мельницу Сезар воссоздал, украсив ландшафт своего сада кактусов. До последних дней жизни он продолжал реализацию своих идей по привлечению внимания людей всего мира, туристов и учёных, художников и писателей, мореплавателей и бизнесменов к уникальной природе любимого острова, примером своего творчества показывая возможность совмещения деятельности человека и естественной жизни природы.

Жизнь художника оборвалась трагически – он погиб в автомобильной аварии неподалёку от своего дома погожим пятничным вечером 25 сентября 1992 года. На месте его гибели, по его проекту, поставлена последняя игрушка ветра, но уже не разноцветная: система сверкающих стальных шаров и дисков напоминает модель солнечной системы.

Память о великом земляке благодарные островитяне бережно хранят, представляя туристам, наряду с природной экзотикой, его необыкновенные «вмешательства», не контрастирующие с окружающей средой, а напротив, подчёркивающие особенности местного натурального колорита. Сады и рестораны, музеи и концертные залы, дома и памятники, смотровые площадки и отели – наследие дел,

идей и принципов Мастера выделяет его скромный по размерам остров среди Канарских собратьев.

Манрике нашел в безжизненных видах собственную красоту, выплеснувшуюся из земных недр навстречу свету. Гениальный созидатель сумел увидеть необычные грани среди скучного вулканического однообразия, мастерски подчеркнул их великолепие и грамотно дополнил архитектурными элементами. Его гениальные решения все ещё являются ориентиром. «Если бы Манрике был жив, это было бы невозможно», – можно найти надпись на щитах вокруг особенно навязчивых новых зданий.

Придерживаться его принципов уважения к ландшафту и черпания вдохновения из местных ценностей, а также его архитектурного кодекса помогает фонд Сезара Манрике, расположившийся в его доме, превращённом в музей. Через год после смерти главного художника, и благодаря его многолетним усилиям, Лансароте получил признание ЮНЕСКО за баланс между городским развитием и окружающей средой. В своих записках философ архитектуры оставил своеобразное завещание последователям и сподвижникам: «...мы живем на этой планете такой короткий промежуток времени, что каждый наш шаг должен быть направлен на создание все большего и большего пространства мечты. Давайте строить это вместе: это единственный способ сделать это возможным».

ДУБАСОВА – БЫЛА ТАКАЯ ДЕРЕВНЯ

Ежегодно в нашей стране исчезают тысячи деревень. Так исчезла некогда большая деревня Дубасова, стоящая на реке Теча, в 6 километрах от деревни Бисерова и в 3-4 километрах от деревни Бугаево. Более 300 лет назад на берегу реки Теча крестьянин Далматовского монастыря Сава (Савинко) Семёнович Дубасов основал деревню. В документах она писалась как Савинкова, а в народе называлась Дубасовой.

В феврале 2022 года автор побывал в селе Ясная Поляна. Здесь в местной школе имеется стенд об истории деревни Дубасовой. На втором стенде – материал о Герое Советского Союза Михаиле Васильевиче Коновалове. С помощью учителей Любови Ивановны Поспеловой и Николая Вениаминовича Пономарёва мы подготовили материал истории поселения Дубасова.

Основатель деревни Сава Дубасов в числе 70 пашенных крестьян впервые упоминается в подушной переписи вотчины Далматовского монастыря, составленной Львом Поскочиным в 1683 году. Здесь он назван именем Островкиным, значит, пришёл в наши края из Заостровской волости Важеского уезда Архангельской губернии (сейчас – село Заостровье в Архангельской области). Сава Дубасов ещё известен тем, что в 1687 году давал в долг монастырю 3 рубля денег на строительство Железенского поселья на речке Каменке, где монахи плавили железо из руды для монастыря. Только позднее в 1701 году по Указу Петра Первого это поселение перешло в казну и стало называться Каменским заводом, где лили пушки (сейчас здесь город Каменск-Уральский).

Дубасова стояла на реке Теча, которая по описанию имеет ширину от 10 до 12 сажен, а глубину 2-3 сажени. Вода к употреблению людям и скоту здорова. В реке водится рыба: окунь, чебак, щука, налим, ёрш, карась. Грунт чернозёмный, к хлебопородию способен. Тогда же в 1717 году в подворной монастырской переписи указан двор в деревне Савинковой. В нём живёт: Сава Дубасов 80-ти лет со своей женой – Федосьей Алексеевной 50-ти лет; сын Осип – от первой жены; Антон и Никита – от второй; жена младшего сына Кирилла – солдата, невестка Агриппина. На подво-

рье у них крестьянин Максим Парадеев с сыном Фёдором.

Далматов монастырь был крупным землевладельцем. Крестьян, поселившихся на его землях, называли монастырскими. Они работали на монастырской барщине. Ещё с них взымали натуральный оброк – «пятинный хлеб» (пятую часть урожая). В 1727 году крестьяне монастыря всем миром выступили против барщины.

В 1736 году деревня подверглась разорению со стороны башкирцев. Хлеб сожгли или увезли, скот и лошадей увели с собой в свои улусы, а жители разбежались, укрылись в лесах или оставались под защитой монастыря. Китайский острог враги взять не смогли, он отбил артиллерией, а вот село Уксянское они обратили в пепел. Позднее монастырские земли были изъяты, и извечный спор Китайского острога и Далматовского монастыря решился в пользу китайцев.

Есть опись, как Сава платил налоги: «Государевых денежных податей 4-х рублёвого с полтиной збору платит по третью по рублю по 14 алтын 4 деньги, на Филянский корпус по 15 алтын, рекрутских по 3 алтына по 2 деньги, банных по 5 алтын. Пашни у себя пашут в чертеж Успенского монастыря всякого хлеба полдесятины в поле да в дву потому же. С той пашни платит в монастырь пятый сноп – пятину. Сена косят Сава по 50, Максим по 20 копен на год. Торгу и промыслу и ремесла за ними никакого нет». Крестьяне деревни помогали возводить кирпичные стены Далматовского монастыря и башни бастионы, высотой более 20 метров. В феврале 1774 года мятежный пугачёвский отряд, около 5 тысяч человек под командованием есаула Пестерева, окружили монастырь. Но монахи и монастырские крестьяне отстояли его.

Во второй половине XVIII века положение монастырских крестьян ухудшилось. Барщина возросла до трёх дней в неделю. Помимо барщины и оброка монастырские крестьяне платили в казну подушную подать 70 копеек, поставляли на службу рекрутов, от всякой коровы – 1 килограмм масла, по 20 яиц с супружеской пары, выполняли и другие повинности. И только в 1783 году крестьяне вошли в состав государственных крестьян.

Их главным делом стало хлебопашество и скотоводство. Женщины сверх полевых работ занимались домашним рукоделием: пряли лён, шерсть; ткали холсты и сукна для семьи. Реформа об отмене крепостного права 1861 года распространилась на государственных крестьян только через 30 лет.

По административному делению Дубасова входила в Бугаевскую волость Шадринского уезда. Жители деревни были прихожанами Покровской церкви села Першинского. Здесь проживали уже другие семьи, кроме Дубасовых и Парадеевых. Поселились семьи Пospelовых, Пономарёвых, а из Бисеровой переехали сюда Коноваловы, Рябовы, Соболевы, Чулковы, Шумиловы. В 1885 году сельским старостой был Кирилл Игнатьевич Пospelов. Деревня Дубасова быстро разрасталась, появилась улица за рекой Теча. В 1886 году здесь было уже 184 двора и проживало 1189 человек. По инициативе крестьянина Андрея Афонасьевича Коновалова в 1899 году была построена красивая кирпичная Никольская церковь. Сам Андрей Коновалов внёс на постройку церкви 1000 рублей. Ранее в 1875 году он пожертвовал 600 рублей наличными на строительство церкви «Всех скорбящих Радость» в Далматовском монастыре. Вначале на службы в Никольскую церковь приезжал из Першиной священник Аркадий Гаряев. В 1906 году открыли самостоятельный приход. Службы проводил священник Пономарёв Александр Петрович, псаломщик – Бенедиктов Сергей Иванович. Позднее с 1922 по 1927 годы священником здесь служил известный деятель Ашихмин Сергей Александрович, который за большую патриотическую деятельность в годы Великой Отечественной войны получил две благодарности от самого Сталина, являясь настоятелем Свято-Симеоновского храма в городе Челябинске и благочинным церквей всей Челябинской области.

Нелегко жилось крестьянину в начале XX века. Случались неурожаи. Собранный хлеб крестьяне продавали китайским купцам, а также на ярмарках села Китайского и других. Прошла первая Империалистическая война, когда многих мужчин призвали в армию. Тогда много кормильцев не вернулось с фронта в село. После Гражданской войны в селе установилась новая власть. Никольскую церковь закрыли в 1933 году.

Последним священником в ней служил Симеон Матушкин. В Православном информационно-библиотечном центре, в городе Екатеринбурге по улице Куйбышева 63, сохранились метрические книги за 1906-1918 годы. Церковь содержала начальную одноклассную школу, она находилась в наёмном здании. Как правило, учителями были священнослужители, их жёны. В 1911 году силами уездного земства было построено новое деревянное здание начальной школы. В ней обучалось 26 учеников, из них 18 мальчиков. Учительницей работала Елена Мехонцева, выпускница Красноярского народного училища. Школа работала в годы Гражданской войны. В 1922 году на исполкоме сельсовета было принято решение: «Учительницу Кукарекину Марию Васильевну принять на содержание общества. Выдавать ей по одному пуду пшеницы в месяц...». Во время коллективизации хозяйств в селе создали три колхоза: «Красный пахарь», «Имени Сталина», «Коминтерн». Большинство сельчан вступили в колхоз, а тех, кто не захотел – отселили за реку, в выселку Ленинка. Колхозники сеяли рожь, пшеницу, горох, мак, подсолнух. У реки выращивали овощи. В хозяйствах было пять колёсных тракторов и прицепной комбайн. Боронили на коровах, быках, лошадях. Имелась в селе маслобойня, а молоко отвозили в Бугаево. На карте Китайского района от 1935 года Дубасова обозначено как крупное село.

В годы Великой Отечественной войны многих мужчин села призвали в армию. С фронта домой не вернулся 121 человек. В Дубасовой 10 марта 1919 года родился Герой Советского Союза моряк-десантник Коновалов Михаил Васильевич. Он погиб 27 марта 1944 года и похоронен в городе Николаеве. На сельском кладбище покоятся его родители: отец – Василий Спиридонович, бригадир одного из колхозов; мать – Ефросинья Михайловна. После войны все колхозы Дубасовой объединили в один крупный колхоз «Победа». В селе имелся клуб, работали ясли. В начальной школе директором был Зеленин Николай Ефимович. Из известных уроженцев Дубасовой надо назвать участника войны, полковника Коновалова Ивана Филипповича (1925-2014 годы). Он один из соавторов книги о военной одежде военнослужащих времён СССР. Также учителя физкультуры Уксянской, затем Верхнетеченской школ – Пospelов Артём Васильевич (1923-1988

годы), кавалер Ордена Александра Невского.

22 декабря 1948 года между городом Кыштым и Касли начал работать радиохимический завод ПО «Маяк». Решалась важная задача: создать в стране атомную бомбу. Итак, ПО «Маяк» с марта 1949 года по 1956 год в реку Теча бесконтрольно сбрасывал радиоактивные отходы. В систему реки было сброшено 2, 75 млн. юри, общей активности по бета-излучению, 41-ин населенный пункт был подвергнут огромной опасности. А люди спокойно жили на своих местах и не подозревали смертельной опасности со стороны любимицы – реки. Жители брали воду для питья и бытовых нужд. Так радиоактивное заражение организма шло изнутри и снаружи: во время купания и мытья в бане, во время пребывания в зараженной зоне. А тут еще 29 сентября 1957 году в одном из хранилищ ПО «Маяк» произошел взрыв. Выброшено было до 20 млн. юри общей активности. Площадь заражения составила 1000 кв.км., шириной 8-9 км.

В 1959 году в связи с загрязнением реки Течи радиоактивными отходами Ду-

басову (293 взрослых и 158 детей) переселили на новое место в чистое поле, у озера Чесноковское Далматовского района. Новое село получило название Ясная Поляна. В центре села стоит памятник – земляку Герою Советского Союза – М.В. Коновалову. В просторной светлой, двухэтажной сельской школе имеется полная информация о знаменитом Герое и о селе Дубасова. Раньше здесь был создан одноимённый крупный совхоз «Ясная Поляна», в который входили колхозы из Уксянки, Юровки, Песчано-Коледино и Бугаевой. Сейчас данного совхоза нет. Село, как и другие поселения, переживает не лучшие времена.

Автору несколько раз удалось побывать на месте Дубасовой. Внизу у реки стоят одинокие тополя. В голом поле, вместо снесённой церкви, гряда заросших бурьяном камней. Рядом – запущенный памятник и холмик с покосившейся красной звездой. Здесь покоятся ещё с 1930-х годов комиссары Гражданской войны: Захар Поспелов и Василий Пермиков. Только и это напоминает нам, что здесь когда-то было село и жили люди.

ГОРА «КРЕСТИК»

В ясный осенний, тёплый день, какие нередко бывают у нас в Зауралье, автор этих строк и другие члены литературно-художественного клуба «Катайск» при редакции газеты «Знамя»: А.А. Никитин, М.М. Устюжанин, Н.И. Калугина-Чубарова по дороге, так называемой «Казанской тропе», по левому берегу реки Синары приехали в с. Верхнеключевское, чтобы поздравить с Днём рождения Б.М. Хамзина. Байтурсын Мулдахметович или как мы его зовём Борис Михайлович – человек широко известный в нашем районе. Он является руководителем крупного КФХ «Аргын», член президиума районного Совета ветеранов и большой друг нашего клуба. У ворот своего дома он уже поджидал нас. Мы обнялись, и хозяин пригласил нас в дом. Сидя в зале гостеприимного хозяина, мы тепло его поздравили с Днём рождения, читали ему свои стихи. В разговоре заинтересовались легендой о горе «Крестик». Борис Михайлович сказал, что в Марее сейчас на своей даче проживает его школьный друг. И он вызвался нас сопроводить далее в Марай, чтобы подробнее разузнать об этой легенде. По шоссе мы довольно быстро добрались до места.

Остановились у старого, но крепкого деревянного дома. Это дача жителей города Каменск-Уральского супругов Хмыльниных: Галины Александровны и Геннадия Захаровича. Нам они объяснили – ранее в Марее жили родители. Геннадий Захарович предложил зайти во двор, и мы расположились в крытой веранде, в центре усадьбы. Узнав о цели нашего приезда, хозяева принесли свой ноутбук и вот, что я узнал о легенде и истории горы «Крестик», деревне Марай, о том, что с ней связано.

Сейчас трудно назвать точную дату основания поселения Марай. Известно, что между 1699-м и 1703-м годами здесь, у речки Марай, на правом берегу Синары, поселился крестьянин Андрей Максимович Хмыльнин, три его брата: Константин, Михаил и Зиновий, позднее некто – Зырянов и другие. Кроме того, автор узнал, что первым поселенцам нелегко здесь жилось. Они всегда жили в постоянном ожидании нападения башкирцев. Поэтому были вооружены и готовы к отражению нападения. На вершине возвышенности, за речкой Марайкой, жители поставили сторожевую вышку, с которой дозорный внимательно

следил за окружающей местностью и мог предупредить людей о приближении врагов. Особенно активное заселение новых земель началось после того, как западнее, километрах в пяти, казаки в 1734 году поставили небольшую крепость – острожек для защиты русских поселений и Каменского завода от нападений башкирцев. Прошли годы, и здесь выросло большое крестьянское село – Зырянка. Ранее в нём сгорели две деревянные церкви.

В 1826 году был построен капитальный двухэтажный храм с главным престолом в честь Богоявления Господня. С 1884 по 1886 годы храм расширился двумя приделами. На первом этаже в тёплом храме – престол во имя преподобного Сергия Радонежского. К нему в южном приделе – престол в честь введения в храм Пресвятой Богородицы. В северном – во имя великомученика Георгия Победоносца. Вокруг храма территория была окружена хорошей кирпичной оградой. С западной стороны стояли два красивых флигеля. Один из них служил помещением для церковно-приходской школы, другой являлся помещением для церковного имущества.

В 1902 году в приходе числилось 5417 прихожан. В приход Зырянской церкви входили деревни: Окатова, Борисова, Серёгина, Чёрная, Таушканова и, конечно, Марай. Притч состоял из священников – Константина Михайловича Оранского (1854 года рождения) и Алексея Александровича Бирюкова. Служил один дьякон и два псаломщика – Павел Смородищев и Стефан Кузовников. Православные крестьяне были глубоко верующими людьми. В то лето стояла сильная жара, дождей не было. Засуха грозила погубить урожай хлеба. Всходы на полях поникли, а дождя всё не было. Стояла сухая погода. Зной был невыносим. Крестьяне были в отчаянии.

Речка Марай превратилась в жалкий ручей. За ней на правом берегу стояла возвышенность, и на её голой вершине сельчане поставили высокий деревянный крест. Его было видно издалека. Решено было провести здесь Молебен и Крестный ход с тем, чтобы просить Господа о долгожданном дожде. Пригласили священника

из Зырянской церкви. Собрались все до единого жителя деревни, включая больных, старых и малых. Всем миром люди ждали милости Божьей. Когда начался молебен, в небе стали появляться облака. Постепенно в мутных облаках скрылось жаркое, беспощадно палящее солнце. И вот тучи покрыли уже всё небо. Подул лёгкий свежий ветерок. Когда молебен был завершен, и люди стали расходиться, спускаться с горы, вдруг пошёл долгожданный, вымоленный дождик. Вначале мелкий небольшой, затем из чёрных туч дождь разошёлся и вдруг хлынул как из ведра. Уже находясь дома, стоя перед образами святых, люди молились, славил Господа Бога, радовались и верили: «Будет у них в этом году хороший урожай!». Говорят, в том году, действительно, люди собрали богатый урожай. Со всех сторон крестьяне видели на горе свой спасительный крест. Издали он казался всем таким маленьким крестиком, и постепенно все стали называть эту возвышенность – гору «Крестиком».

Прошли многие годы. Много воды утекло в реке Синаре. В стране произошли большие перемены. Зырянский храм закрыли в 1936 году и использовали как склад – хранилище. Сейчас на высоком берегу Синары стоят остатки некогда величественного храма. Изменилась и гора Крестик. Она обильно поросла берёзовым лесом. Особенно хорошо смотрится с северной стороны, со стороны Синары. Давно уже нет на её вершине высокого деревянного креста. А жители свято хранят в своей памяти эту легенду – быть и ласково называют свою возвышенность – «Гора Крестик».

Выезжая, мы остановились и сфотографировались, а за нами стояла гора Крестик. Наша поездка на реку Синара, в село Верхнеключевское к Б.М. Хамзину, в Марай оказалась очень удачной и плодотворной. Автор более подробно и полно узнал историю легенды – были о горе Крестик. Художник Александр Никитин вдохновился на написание новых работ. Новое стихотворение сочинила Нина Калугина-Чубарова. Уверен, у неё появятся ещё другие, новые стихи, как и у Михаила Устюжанина.

«ПОЮЩАЯ» КОРАБЛЁВСКАЯ СОСНА

Известно, что раньше на месте нынешнего города Катайска стоял густой сосновый лес или, как его называли жители,

– бор. Здесь, на высоком берегу Исети, в 1655 году боярский сын Панкратий Перхуров с казаками и первыми поселенцами по

Указу царя Алексея Михайловича Романова поставили острог. Степняки дважды его сжигали, но он возрождался заново. Жители рубили высокие сосны и тут же ставили свои дома на пеньках. В лесу было много грибов и ягод. Прошли годы и здесь выросло большое купеческое село. В 1911-1912 годах, когда стали строить железную дорогу, вырубili ещё много леса, стеной стоявшего по линии железнодорожного полотна. Сразу открылся оголённый Тукман. Ранее этот лес надёжно защищал селение от холодных северо-западных ветров. Напротив Кораблёвой, на запад от станции, в сторону моста через речку Катайку, рядом с рельсами, оставили несколько высоких сосен. Из них особенно выделялась одна большая, с ветвистой короной наверху. Её ствол был такой толстый, что только трое мужчин могли его обхватить. Про эти сосны рассказал автору Лесников Алексей Иванович, ранее проживавший в Кораблёвой, ныне покойный. Помнится, он называл высокую сосну «Кораблёвской», а у автора появилась такая легенда – быть.

Когда-то в 1920-1930 годах на железной дороге работал кадровый путевый мастер, некто Михаил Андреевич. В его подчинении находились рабочие, путевцы-железнодорожники. Это был статный, высокий мужчина, решительный по характеру. В коллективе он пользовался большим авторитетом, как грамотный и умный специалист. Все его команды и указания выполнялись неукоснительно. Тогда, в 1933 году, железнодорожную ветку из Шадринска продлили до города Кургана. Железная дорога подверглась капитальному ремонту: заменялись старые, изношенные ещё демидовские рельсы, прогнившие и растрескавшиеся деревянные шпалы, ровнялся путь. Вместо старых паровозиков, прозванных «кукушками», появились более мощные пассажирские паровозы из серии СУ и грузовые ФД, а затем «Лебедянки» из серии ЛВ. Начальник станции, высокое начальство уважительно с ним советовались и ценили его за профессионализм и умение найти правильное решение. Под стать мужу была его жена Зоя – высокая, полногрудая, красивая женщина. Говорили люди, что в молодости удалой Михаил прямо из-под венца увёл её от другого мужчины. Они приехали сюда откуда-то с Европейской части России и осели здесь. Видимо, им понравилась наша природа, наши леса. Михаил Андреевич пешком исходил

все окрестные леса, он любил собирать дары леса. На работе был принципиален и строго следил за исправностью пути. Как-то раз, проходя по рельсам в сторону моста через речку Катайку, он сбежал с насыпи и подошёл к стоящим соснам. Остановился у самой высокой из них, погладил её ствол, прислонился к ней и вдруг услышал – дерево-то поёт! Вначале слышалась тихая нота, которая постепенно переходила в текущие с переливами звуки, которые усиливались и затем затихали, чтобы снова и снова повториться. Михаил Андреевич долго стоял и слушал песню природы. Изумлённый и очарованный этим пением, он никак не мог оторваться от дерева. Между тем уже стемнело, он всё стоял и слушал. И вдруг почувствовал себя молодым и полным сил. В голове появилось просветление с ясными и светлыми мыслями, а в теле появилась лёгкость, прошла усталость. Михаил Андреевич раньше слышал от других, что бывают такие деревья. Народы, живущие на севере, особо почитают такие редкие сосны. Шаманы любят возле них совершать обряды, собирая всё племя. Но никак не рассчитывал он найти такое дерево здесь, у пути. Видимо, только кедр да сосна обыкновенная могут приобрести это редкое природное качество – издавать звуки, при особых условиях роста. После этого стал часто приходить наш герой к своей красавице с тем, чтобы снова и снова насладиться её пением. Много раз начальство решало спилить эти сосны, мол, рядом слишком близко стоят они от насыпи с рельсами. Михаил Андреевич всегда находил веские аргументы в их защиту. А своим железнодорожникам говорил: «Не дам рубить сосны, никому они не мешают!» Интересовались у него люди: «Почему он часто к большой сосне приходит?» А своим друзьям он рассказывал: «Постою я, братцы, у большой сосны, послушаю её пение и мне так легко становится, словно заново я родился...». Они удивлялись и только качали головами.

Когда, 22 июня 1941 года, началась Великая Отечественная война, многих мужчин-железнодорожников призвали в армию. Только ценных специалистов, в их числе Михаила Андреевича, оставили на «броню». Ведь железная дорога требует постоянного ремонта и особого внимания, а на фронт, на запад, по ней всё время шли эшелоны с техникой и войсками громить ненавистного врага. Шла жестокая война. На всех железных дорогах с 15 апреля 1943

года ввели военное положение, которое отменили только в 1955 году. Усилилась ответственность и дисциплина. Например, за опоздание на работу можно было легко получить тюремный срок. Люди уважали Михаила Андреевича за честность, порядочность, профессионализм. Но вот окончилась война, в мае 1945 года пришла долгожданная Победа. Люди радовались, а он по-прежнему часто ходил к своей красавице – сосне и слушал её пение.

В конце 1950-х годов стали прокладывать второй путь по всей ветке Свердловск – Каменск-Уральский – Шадринск – Курган. На железной дороге работали уже другие

люди. Как-то приболел Михаил Андреевич, а чуть полегчало, пошёл к своей певунье – сосне. И видит, на месте его сосны – пенёк. Это так расстроило и опечалило его, что он снова слёг. И только жена Зоя отваром коры той сосны отпоила и на ноги поставила. А его недруг, что спилил сосну и таким образом хотел отомстить ему, говорят, через неделю умер, отравившись алкоголем. Позднее и другие сосны вырубili...

Сейчас по железной дороге идут мощные электропоезда. Ведут в обоих направлениях длинные составы. А из местных жителей уже мало, кто помнит про большую поющую «Кораблёвскую» сосну.

ЦЕЛЕБНЫЙ РОДНИК

К концу XIX века на высоком берегу Исети стояло крупное купеческое село Катайское. В то время Исеть была более многоводной и протекала у самого угора. Любили катайцы весной выходить на берег и любоваться ледоходом, когда река разливалась и становилась широкой. В весенних лучах яркого тёплого солнца, крутясь и переворачиваясь, неслись по реке льдины. Зрелище было захватывающим! Поэтому все жители: стар и млад – стояли на берегу, радовались приходу весны. Смотрели, как по воде течение несёт крупные и мелкие льдины. А когда появлялись льдины с голубым оттенком, люди говорили: «Это вскрылись реки Синара и Багаряк». Проходило время, водополлица заканчивалась, Исеть успокаивалась и входила в свои берега. Местные жители спускались вниз с кручи и чистили свой родник под угором. Убирались сучья, ветки, расчищали ключ от тины и песка. Чинили и крутой спуск. Когда источник был приведён в порядок, люди обращались к батюшке Богоявленской церкви и просили провести Крестный ход с хоругвями, иконами святых, а сам родник освятить.

Известно, что ранее этим ключом пользовались казаки и первые поселенцы при Катайском остроге. А крестный ход положил начало такой традиции. Нельзя сказать, что вода родника чем-то особым отличалась от других источников. Но особенно он стал известен, со слов старожилов слободы Катайской, с 1893 года, когда в нашей местности свирепствовала холера. У нас ещё тогда не было больницы. Первый фельдшер Илья Григорьев был не в

состоянии изменить ситуацию. Не хватало лекарств, даже помещения для приёма больных не было. Много людей умирало. Жители слёзно обращались к властям Камышловской земской управы, но тогда и они ничем помочь не могли. Ничто не могло избавить больных от этой страшной напасти. И вот однажды один из жителей (его имя сейчас уже никто не помнит) набрал в роднике воды, под журчание источника читал молитвы и пил эту чудесную воду. Вскоре он заметил, что ему стало легче и он стал выздоравливать. И, о, чудо! Постепенно избавился от хвори. В народе прошёл слух – в роднике-то вода, оказывается, целебная, помогает излечиться от болезни. И раньше люди пили родниковую воду, широко применяли её при засолке овощей, грибов, консервировании ягод, фруктов и так далее. Наверное, это можно назвать чудом, но все, кто приходил к роднику, кого мучил недуг – получили долгожданное исцеление. Они читали молитвы, умывались холодной водой, пили её, брали для своих родных и близких. Известно, что родниковая вода помогает многим, но только с верой надо идти за ней да с чистой душой.

С тех пор источник стал считаться святым, а в благодарность Господу за избавление сельчан от холеры, над родником поставили часовню. Многие годы она стояла тут. Много воды утекло в это время в Исети. Прошла империалистическая война, свершилось две революции, затем гражданская война. Сменилась в стране власть. При новой власти отказались от веры. Все три храма в Катайске закрыли. Как-то незаметно разрушилась и исчезла часовня. Больных стали лечить врачи. Прошло ещё

много лет... Сейчас здесь устроен спуск на Набережную у родника. При гидрологических исследованиях и проектировании местности открылось ещё шесть родников. В итоге получилось семь ключей. Все они расположены анфиладой у подножья спуска. В проекте надо бы их все расчистить и каждому дать имя – название. Цифра семь – число знаковое, магическое, озна-

чающее силу. А с угора, со смотровой площадки, видны внизу тополя, долина Исети и новая набережная. Некоторые горожане постоянно ходят к нашему роднику за водой. А когда отключают воду из-за аварии на водоводе, к ключу сразу идут все, даже очередь образуется. Вот так, как и многие века назад, целебный родник по-прежнему надёжно служит людям!

Иду дорогою лесной себе навстречу.
Лелею внутренний покой в осенний вечер.
Шуршит листва, гудит сосна, ласкает ветер.
Спокойна я, проста, тепла при чистом свете.
Вдыхаю я лесной покой, дышу, как хлебом.
Любуюсь жёлтой листвой и ясным небом.

Пришло то время,
чтоб побыть немного с папой.
Тепло обнять его и с ним поговорить.
Спокойно слышать звуки его храпа...
За то, что жив, его благодарить.
Спасибо, папа дорогой мой самый!
Защитник мой, мой кров родной.
Какое счастье, что вы ждёте с мамой,
когда приеду к вам домой.
Ещё есть время всем нам посмеяться.
Шутить и спорить, жить, любить, творить!
Великим чудом жизни вдохновляться.
А страхи? Их совсем забыть!

Сонный парк, акварельное небо.
Снежный хруст под ногами со мной.
Мне светло и уютно, как в маминой неге,
Я дремлю на прогулке зимой...

Вот уж зима. Кругом снег, холод.
Морозный воздух свеж и чист.
Деревья в парке совсем голые
Снежок покроет их искрист.
Спешат и ёжятся прохожие,
Под тёплый шарф спрятав нос.
Все друг на друга так похожие,
В тридцатиградусный мороз.

Величествен прекрасен лес
В пушистой белой колыбели.
Зима в лесу – страна чудес.
Тихонько дремлют сосны, ели.
А если ветер налетит,
Заденет шапки снеговые.
Шептаться будут там и тут,
Деревьев веточки живые.
Снежинки будут хлопотать,
В морозном воздухе кружиться.
Цветами разными блистать,
Безмолвной музыкой светиться.
Вдруг вспыхнет рыжий лисий хвост
На белом зимнем одеяле.
Мелькнут зайчишки меж берёз.
Давно уж шубки поменяли.

Там яблочками снегири
Сидят на веточках рябины.
И в свете утренней зари
Искрится кружев нежных иней...

Постаралась осень, полюбила город.
Макияж деревьям навела.
Дождик редкий, да и то он просит,
Чтобы осень в лес не увела.
Клёнам хной покрасила листочки,
Голубые тени, небосвод.
Жёлтые накинула платочки
На берёзок стройных хоровод.
Нарядила бусами рябинки.
Ёлки причесала у ворот.
Расписала клумбы, как картинки,
Радуетя осени народ!

Отпусти меня, земля, полетать!
Сохрани меня, небо, на день.
Я берёзкой хотела бы стать,
Отдавать в жаркий день свою тень.
Я б наряды хотела менять,
Яркой зеленью шелестеть.
Жёлтой солнечной осенью стать,
А зимою снежинки надеть!
Пусть любят путники мной
И шершавую гладят кору.
Напою я их соком весной,
Красотою своей покорю.
Будут птицы чирикать в листве,
Ветерок приласкает в ночи.
Отпусти меня, день, полетать,
Отпусти меня, отпусти...

На ладошке у Бога
Просыпаюсь я, крошечка.
Бог любит мною,
Говорит, я хорошенькая.
Потяну к нему ручки,
Отогреюсь я солнышком.
Бог расправит мне крылышки.
Полечу в землю зёрнышком.
Упаду в Землю-матушку,
Прорасту крепким деревцем.
Расцвету я весной
пышным цветом, невестою.
Птицы рядом со мною,
Мои ангелы-вестники.
Красота моя дивная
Превращается в яблоньку.

Каждый путник со мною,
Угощается яблочком.
И лелеет меня Земля-Матушка,
Охраняет меня Бог, мой Батюшка.
Получаю от жизни я наслаждение,
Ощущаю любовь
в её каждом мгновении.
Я люблю и любима, я ценю и ценима.
Я земною заботой и Богом хранима.
Я летаю, как ветер, я мечтаю, как небо.
Я проснусь на рассвете,
Где меня ещё не было...

«На выставке картин»

О творчестве Елены Харьковой

Откликнется душа, и просветлеют лица,
Коснувшись взглядом райских уголков.
Пусть выставка сегодня не в столице,
Зато порадует курганских земляков.
Узбекский хлопок, экзотическая птица.
Родных просторов сочная трава.
Тут яблоня цветёт, а там снежок искрится.
Сидит на веточке сова.
Цветов роскошных розовое чудо.
И ландышей в горшочке аромат.
Пылают маки, а тюльпан живой как будто.
И дивной ночи звездопад...

Подойду я к берёзке, окажусь в моём рае.
И на струнах души, как на арфе, сыграю.
Я спою белоствольной
свою песню земную,
Как люблю я мой край,
нашу землю родную.
Нежно речка журчит,
соловьи подпевают.
Золотистый закат
волшебством наполняет.
Обласкаю травинки
и приглажу листочки,
Полетаю стрекозкой
среди моря цветочков.

Пылают на закате
нежной страстью маки.
Наш райский сад
в бескрайнем море на горе.
В твоей руке моя рука, и знаки...
Блестят на водной глади в серебре.
Волною тёплой нас любовь ласкает,
Пленит наш слух, и радует, зовёт.
Расправив крылья,
мы с тобой взлетаем
В наш яркий удивительный полёт!

ВОРОТА

1

Девятиклассники Саша, Сергей и Генка пуще всего на свете уважали хоккей. Как заядлые любители этой игры, они знали результаты всех чемпионатов и важнейших матчей, пытались предсказывать исход главных спортивных схваток. Коллекционировали открытки, значки и прочую атрибутику.

Любимым занятием приятелей были дворовые соревнования. Играли летом в футбол и зимой в хоккей, для чего облюбовали глухой обширный двор старинного дома, где жительствова­вал одноклассник Серёга.

«Игрой настоящих мужчин» ребята интересовались с раннего детства, но особенно со времени, когда советские мастера в суперсериях в прах развеяли миф о непобедимости канадских профессионалов. Игрой Якушева, Михайлова, Харламова, Третьяка не восхищались только ленивый – имена выдающихся хоккеистов гремели не меньше, чем имена космонавтов. Победы несокрушимой «Красной машины» вселяли гордость в сердца молодых. Ликовал не только хохлик Гена, но также сангвиники Сергей и Саша.

– А канадцы-то, – насмешливо морщил нос рослый, плотный Сергей, – хвалились: русских прижмём одной левой. Русские бэби маловато каши ели, чтобы с нами на равных играть!

– Вначале все же нервишки нам потрепали, – въедливо щурился толстощекий приземистый Саша, – один гол забили, второй... Нам с Генкой у телека совсем поплохело – впору валерьянку глотать.

– И тут – бац! – первая ласточка: шайба в воротах Канады! – Подхватил жилистый сухощавый Геннадий. – Потом ещё, ещё – навтыкали семь штук! Тут эспозиты задержались, как ужаленные. Поняли, чем наш кулак пахнет! Этого вовек не забыть.

Хотелось не только восхищаться победами корифеев, но и всячески им подражать. Приятели добыли себе клюшки и шайбу, почти все свободное время «щёлкали» ей во дворе.

Двор двухэтажного дома Сергея обширен, обнесён плотным высоким забором. В дальнем его углу ребята крепко

утоптали площадку размером двадцать на восемь метров. К энтузиастам примкнули трое соседских мальчишек; вскоре играли уже шестером.

Одеты были кто в чем: затасканных пальтишках, болоневых куртках, кроличьих и цигейковых шапках. Элементов хоккейной формы в продаже не было и в помине – о них приходилось только мечтать. Пятеро ребят происходили из простых семей, лишь отец Саши, по национальности украинец, имел ранг начальника от медицины.

Коньков тоже никто не имел, поэтому по площадке не скользили – просто бегали по прочному насту. Но «рубилась» с азартом, не боясь синяков и разбитых носов. Понимали: разбитый нос не трагедия, а знак мужества. Ведь «трус не играет в хоккей!»

Начало 1970-х годов – время стабильности и довольства, «застоя», как его окрестили впоследствии. Великий могучий Советский Союз неизменно демонстрировал силу и мощь во всех областях, и в том числе, в большом спорте. Мальчишки росли с ощущением сопричастности великим свершениям и в железобетонной уверенности в завтрашнем дне.

О чём мечтали? Стать офицерами (лучше всего десантниками, лётчиками, морпехами), учёными-ядерщиками и, конечно, спортсменами. А какие виды спорта наиглавнейшие? Конечно, футбол, хоккей!

Преданность хоккею проявляли сотни, тысячи дворовых мальчишек. Они так же самозабвенно гоняли шайбу, правда, без всякой надежды стать заправскими хоккеистами. В городе, да и в целой области, не было крытых ледовых катков... Впоследствии Геннадий с горечью размышлял, что в Союзе с хоккеем вышло не лучше, чем при царском режиме с наукой: пробились наверх единицы, а тысячи одаренных провинциальных спортсменов остались в безвестности.

Роли в игре быстро распределили. Генка стал капитаном, Серёга – защитником.

Увалень Саша предпочел вратарскую долю. Дабы избежать травм от ударов, он надел старые отцовские пимы,

которые ему были чуть выше колен. Это защищало коротковатые толстые ноги голкипера, так как «щёлкать» высоко ещё никто не умел. Лишь только Саша в пылу борьбы упал всем телом на шайбу, как тут же получил новую кличку – Коноваленко.

Генка сизмальства выступал предводителем ребячьих забав. Он, хотя и казался ледащим, духом и телом весьма был силен: не жалея времени, совершенствовал технику владения клюшкой; крестился тяжёлою гирей.

Заколачивая очередную шайбу, Генка буйно радовался, из-за пропущенной негодовал. А Саша, отражая или пропуская удары, только кричал. Длинноволосый рыжий Серега не выказывал бурных чувств. В свои пятнадцать он больше думал «о лебедях», нежели об учёбе, хоккее. Все же спорт его привлекал, так как он многое делал за компанию с Генкой. А ещё Сергей любил «всякие авантюры».

2

Друзья постоянно благоустраивали место ристалищ – местами залили каток, соорудили скамейку для запасных и болельщиков. Проблема была с воротами. Штангами служили толстые березовые чурбаны, верхних перекладин не было, поэтому то и дело возникали жаркие споры, можно ли засчитать забитую шайбу.

То ли дело – настоящие ворота! Как славно, обманув вратаря, переправить шайбу в «рамку», чтобы затрепетала сетка!.. Уже скоро эти мечты дворовых хоккеистов обрели реальные очертания.

Светлым январским днём троица с клюшками на плечах шла с Сашкиного двора к привычному месту спортивных схваток. Во дворе ближней пятиэтажки – тоже хоккей: на недостроенном корте играли местные пацаны. Один из них, Колька из параллельного класса, узнав «своих», радостно крикнул:

– Генка, Серега! Давай с нами! Мы тут матч начинаем!

Подойдя к ограждению корта, Саша ткнул Генку локтем. Сказал тихо:

– Глянь, ворота. Настоящие!

Действительно, на площадке красовались доподлинные хоккейные ворота, изготовленные в натуральную величину из трубы, с надёжной металлической сеткой. При виде этого великолепия у Сашки сухо заблестели глаза.

– Что ж, сыграем, – стараясь не смотреть на ворота, с загадочной ухмылкой проговорил Гена. – Давай на команды делиться!

Однокашник Колька стал четвертым членом команды. В других (деревянных) воротах занял вратарское место Саша в своих чудовищных валенках. Игра началась.

Матч судил семнадцатилетний детина по кличке Монгол. В центре города его многие знали, он здесь «держал шишку». В драках Монгол всегда имел верх, причем противников своих избивал зверски. А после хвалился: «Перед потомком Чингисхана любой русский – слабак! Мы триста лет вами владели! – и смеялся, как Фантомас: - Ха! Ха! Ха! Ха!» Так продолжалось до дня, пока он, «залупившись» на танцплощадке, не нарвался на Лёву Верещагина, мастера спорта по боксу. Резкий плечистый Лёва отвел «мурзу» за кусты и разрисовал так, что Монгол после этого упал духом, весь как-то сник и сделался незаметным.

В начале матча арбитр активности не проявлял – навалясь на ограду, попыхивал сигареткой. Лишь только счёт стал два-ноль в пользу гостей, взгляд узких продолговатых глаз Монгола сделался недобрый, холодным, как сталь топора. «Судило» вмиг активизировался: одну шайбу в ворота хозяев не засчитал, а в конце игры за мнимое нарушение в их пользу назначил буллит. Игра окончилась со счётом 2:2.

Генка был вне себя от гнева. Но что было делать? Драться с Монголом? У него кулаки – что чугунные чушки. Придя в Серёгин двор, капитан, не разжимая зубов, произнес:

– Ничего, мы холки им надерём... Назначим матч на нашей площадке!

– А вот это, – с апломбом возразил Саша, – им знать ни к чему. О нашей площадке, говорю, Монголу знать вовсе не надо!

Соображая, Гена медленно тер застывшие уши. Время спустя улыбнулся, крепко хлопнул вратаря по плечу:

– Неплохо придумал. Молоток, Коноваленко!

– А что Саня придумал? – задышав часто, с любопытством спросил Сергей.

– Ворота у них хипповые, – весело скалясь, пояснил капитан. – Ворота – класс! Пора бы их позаимствовать.

В предвкушении рискованного дела у Сергея взыграло сердце.

План захвата разработали быстро. Исполнение назначили на следующий день.

Ночью поджал мороз, пролетал мелкий колючий снежок. Все трое сошлись в пять тридцать утра у заветных хоккейных ворот. Вытолкали ворота с корта и повлекли прочь по темным проходным дворам. Хотя штанги ворот служили полозьями, стальная конструкция была громоздка и тяжела; толкать её было непросто. (А до места было метров семьсот.) Ребята запыхались, взопрели. Но сил не жалели, стремясь поскорее убраться с глаз долой со своею добычей. Пока так шли, никто не попался навстречу: не только дворы, но и улицы были совершенно пустынные.

Наконец, достигли двора Серёги. Ворота поставили в дальний угол, вздохнули дружно, с радостным облегчением.

Измученный Саша в изнеможении повалился на снег; Гена принялся сосредоточенно мерить шагами площадку – присматривал подходящее место для установки ворот. Импульсивный Сергей впал в неистовство: отплясывая лезгинку, задышливо приговаривал:

– Шиш тебе, не ворота, Монгол! Ни монголам, ни татарам не видать ворот как ушей! – запнувшись, упал на распростёртого Сашу, выставил к небу кукиш:

– На-ка, выкуси, киргизская морда!..

Наличие настоящих хоккейных ворот придало новый импульс ребячьим забавам. Число постоянных игроков увеличилось до восьми; они составили две почти равных по силам команды. Состязания продолжались до конца марта, а в апреле-мае провели несколько матчей по мини-футболу.

Из всех членов неформального клуба ворота всерьёз невзлюбил только голкипер. По мере роста мастерства нападающих низкорослый Саша пропускал неоправданно много, не в силах противодействовать высоким хлестким броскам. (После матчей мать частенько поругивала его за синяки на руках, ляжках и прочих местах.) А тут еще Гена вздумал отодвинуть ворота на метр от заднего края площадки, и Коноваленко замучили передачами на пятачок из-за ворот... Словом, окончание сезона обрадовало Сашу.

Впрочем, к началу новой зимы к игре многие охладели. Впереди у ребят была

большая, взрослая жизнь, интересы их стремительно менялись.

3

Впоследствии Сергей стал классным электриком, Саша пошел по отцовской стезе – окончил мединститут, работал психиатром. А капитану Гене через годы за боевые отличия в Афгане было досрочно присвоено звание – «капитан».

Армейскую службу Геннадий Анатольевич Прахов закончил полковником. Он, подобно Александру с Сергеем, любил приходить в родную школу на вечер выпускников. На одной из таких встреч друзья вспоминали, как они «позаимствовали ворота Монгола». Отсмеявшись ба-систо, полковник Прахов сказал:

– Монголу мы тогда большую свинью подложили. Ворота он долго искал, да все зря. А почему? Наша операция была грамотно спланирована! Тактически грамотно.

И рассказал о боевом эпизоде уже с другими воротами. Дело было в Афганистане.

Капитану Прахову с группой бойцов командование поставило задачу – уничтожить неприятельский караван с оружием. Отряд выдвинулся в нужный квадрат, и тут поступила другая команда: перехватить путь отхода разбитой бандгруппы, не дать душманам уйти в Пакистан.

Приказ следовало выполнить точно и в срок. Но как? У Прахова всего двенадцать бойцов, а «духов» добрая полусотня. Склонившись над картой, капитан размышлял, где та позиция, на которой следует встретить врага. Местность ровная, каменистая. Ни замаскироваться, ни окопаться. Что делать?

– Гляди, командир, – заглядывая через плечо Прахова, заметил молодой лейтенант Анисимов, – вот здесь две каких-то скалы. С обеих сторон от дороги! Будто ворота, ей-Богу!

Действительно, дорога пролегла мимо двух больших крутых скал, и миновать этот узкий участок врагу было весьма затруднительно.

Этих «ворот» отряд достиг стремительным свирепым броском. Прахов успел-таки занять выгодную позицию!

На флангах поставили пулемёты; остальные бойцы залегли за придорожными валунами. «Духи» не ожидали встретить здесь шурави. Ураганный огонь

свалил многих, других заставил залечь. Пулеметчики и снайпера не давали азиатам поднять головы. Огневой бой продолжался, пока к месту схватки не подоспело крупное советское подразделение. Участь неприятеля была решена. Потерь убитыми отряд Прахова не имел. «Счёт пятьдесят – ноль в нашу пользу», – подвел итог боя удачливый офицер.

Впоследствии эту схватку так и называли – «бой у скалистых ворот».

... Воспитанные на идеалах отечественного спорта, друзья оставались верны себе. Стараниями беспокойного деятельного Сергея во дворе его дома построили хоккейную коробку. Внучата Сергея и Александра – в полной хоккейной форме, с лихо загнутыми «крюками» клюшек – там самозабвенно гоняли шайбу. Глядя на них, деды-болельщики кричали, спорили, ругались и радовались. Дей-

ствительно, порадоваться было чему!

Преданное лживыми временщиками-мздоимцами поколение Геннадия, Александра, Сергея потеряло великий Советский Союз, но не теряло совести, чести, жило с надеждой на перемены: что власть, наконец, одумается, что с телеэкрана запоят по-другому... что в нашем спорте будут блистать новые Харламовы, Якушевы, Третьяки.

– Ворота, братцы, – символ наших побед, – блестя глазами, убеждал друзей Прахов. – «Удивить – победить!» – ведь так Суворов говаривал. Наша тактика – ошеломить, поразить, преследовать, добивать. Где учимся этому? В детских играх и спорте. Так и живем: на радость, детям и внукам, на страх супостатам. Им нас ни в жисть не понять, не-ет. Не тем аршином меряют, понимаешь. Ну да это и к лучшему!

СОЧИНЕНИЕ

Оксана и Анна – подруги детства, со школы. Жили в сибирском городе, вместе бегали на танцпол, вместе поступали в педагогический институт, правда, на разные факультеты: Анна на ин.яз, Оксана на литфак.

Замуж обе вышли на старших курсах. Пухленькую хохлушку Оксану просватали за инженера, Анна приглянулась курсанту военного училища. В дальнейшем судьбы подруг сложились по-разному. Брак Оксаны оказался на редкость благополучным; Анне не повезло: муж её, Дмитрий, ушел комбатом на вторую чеченскую, сложил буйну голову в неравном бою.

Любя своих мужей, подруги оставались им верны до конца. Оксана стала мамой двух сыновей, воспитанию которых отдавала себя без остатка. Вдовая Анна, знавшая три языка, с головой уходила в работу.

Много позже подруги обрели приятельницу – Еву. Муж Евы владел книжным издательством. Издатель Николай Григорьевич Кормильцев любил свое дело и сыну Грише прививал любовь к книге едва не с пелёнок. Дед и отец собрали богатую библиотеку, и юноша рано приохотился к чтению, а затем стал формулировать свои суждения о прочитанном. Вскоре его потянуло не только читать, но и писать – писал повести, рассказы, стихи.

...После долгой разлуки погожим

сентябрьским днем подруги сошлись у Евы «на рюмочку чаю».

Небольшая гостиная Евы обставлена уютно, со вкусом: gobелен, мягкая мебель, вазы с цветами и червонного золота листва рябин за окошком – приют отдохновения располагал к доверительной неспешной беседе.

– Давненько мы с Анечкой Петровной эдак не сживали, – разделяя сладкий пудинг на порции, медово пропела чуть курносая прочная в кости Ева. – Расскажи, Аннушка, в каких краях тебя три года носило?

– Все больше по домашней педагогике, – с важностью пояснила за подругу Оксана. – По заграницам.

– Жила и работала в семье русскоязычных долларовых миллионеров Костылиных, – заговорила негромко круглолицая русоволосая Анна. – А семья их такая: отец, мать, двое детей – Юлий одиннадцати и Гай двенадцати лет.

Моложавая и подтянутая Анна Петровна – дама приятная во всех отношениях, ум и обходительность которой полностью гармонировали с её внешними данными. Эти редкие достоинства признавались всеми, даже своенравными подругами. Что удивительно, с возрастом она не менялась. «Грехов на Аннушке мало, – значительно поджав губы, рассуждала Оксана, – вот Господь и сделал ей скидку...»

– Живут они, – продолжала Анна, – по особому расписанию: шесть месяцев в первопрестольной, по два месяца в Лондоне, Италии и Париже.

– Подумать только... – удивленная Ева замерла над пудингом с десертной лопаточкой наперевес. – Эх, счастливики!

– В остальном они – обычные люди, – деликатно выдержав паузу, довесила Анна. – Так же, как мы, беспокоятся, переживают...

– О чем? – с недоверчивою усмешкой спросила Ева и медленно присела на стул – крепкие, плотные ноги её что-то не слушались.

– Да уж есть о чём! – живо откликнулась Анна. – Живут они очень уж беспокойно, как мухи на липкой ленте. Что ни день – биржевые котировки, тяжбы, банковские заморочки, счета. А прислуга? За ней глаз да глаз: как бы не спёрли чего... В общем, головная боль, да и только!

– Мне бы эти заботы, – недоверчиво ухмыльнулась Ева. – Можно и головкой помаяться, если ты вся – в шоколаде... Кстати, девочки, кушайте чай. С ромом!

– Да нет, – решительно возразила Анна, – в том-то и дело, других забот у них как вшей у цыгана. – Чуть отхлебнула чайку и, поморщившись: – Вот, например, дети.

– А что дети? – теребя кружевной воротничок, насторожилась «вечная мама» Оксана. – Дети, небось, как сыр в масле...

– Детям бесконечные переезды по Европе – вот они где, – Анна указала на горло. – Ведь в каждой стране своя школа! Школы менять четырежды в год – это не по экскурсиям шлындать... А кухня? Итальянскую мальчики любят, а британскую терпеть не желают. Еще бы! «Овсянка, сэр» – да пропади она пропадом. Но папа с мамой, – Анна резко отодвинула блюдце, будто опасаясь разбить, – замашек английских, ух, как нахватались. Уступить отпрыску за столом – значит, проявить слабость, безволие. Это неприемлемо, это недопустимо! Будете жрать овсянку, и точка!

Лицо Анны дрогнуло гневно. Проговорила, глядя в окно:

– Ломать непокорство, утверждаться над слабым – это Костылины у англичан переняли. Да только все зря! Для британцев, американцев при всех своих капиталах они – дворянги, пустое место. В приличные общества им ходу нет!

Подруги слушали Анну, как богобоязненные испанские донны внимают проповеди кардинала – до предела напрягли слух и с почтением на лицах. Им казалось, что Анна прибыла из другого мира, некоего сказочного Зазеркалья.

– В общем, детки родителей своих ненавидят. Потому что для родителей главное – не дети, а деньги, – Анна взмахнула длинными ресницами, будто желая заслониться от теснящихся перед внутренним взором воспоминаний. – Вместе с семьёй и я, как домашний педагог, по европейским углам колесила. Учила ребят, ну и присматривала за ними, конечно. «Наша мама» – так мальчишки стали меня величать. И неудивительно! Свою-то mother они видят разве по праздникам, да и то в некоем коконе: попросту не подойдешь, не пожагуешься, не попросишь... В их глазах стала я – мамой. Понимаете, до чего все дошло?! – повернулась к подругам и – нарочито бодро:

– Тогда я решила: пора с этим кончать. Надо бежать оттуда домой, без оглядки!

– Вот те раз! – разочарованная Ева надулась, будто её надолго лишили сладкого. – Ты, мать, даешь! Это что же выходит? Богатые родители – плохо. А каких тогда любить-то, скажи? Голоштаных, что ли? – всплеснула руками. – Ну и детки пошли: никакой тебе благодарности... Приплыли, подруженьки дорогие!

Раздосадованная Ева долго не унималась. С некоторых пор её посещали мысли о прадеде, раскулаченном в 1930 году. Жалела не столько предков, сколько отобранное у них имущество – двухэтажный дом, мельницу, табун лошадей. Право собственности Ева почитала священным, а крупных собственников – «особенными людьми».

А что же Анна? Переживала ли, когда оставила подопечных?

Она покинула мальчишек с болью в душе: за три года прикипела к ним сердцем. Но знала твердо: бунт против «звездных» родителей грозил беспощадной расправой. Богачи на то и богачи, чтобы доказывать свое превосходство, – где угодно и над кем угодно, будь это даже родное дитя.

Сын Евы, отрок Григорий, в соседней комнате чинил наушник, став невольным свидетелем посиделок. Тема беседы его задела; он написал эссе.

Известно, что Ленин, Дзержинский, Коллонтай и другие видные большевики были выходцы из дворян. А в Гражданской войне большинство офицерства встало на сторону красных. Где логика? Чего ради они изменили своему, правящему, классу? Они понимали, что «правящий класс» изжил себя, разложился, а царя и его камарилью народ презирает. Что сделали мыслящие, передовые люди? Перешли на сторону угнетённого народа – чтобы бороться, чтобы творить историю.

А позже Григорий изложил эти свои размышления в сочинении. Сочинение читали учителя – и многие соглашались. Оксана и Анна гордились, что Гриша состоял в числе их лучших учеников.

О Григории следовало сказать словами Высоцкого: он «нужные книги... в детстве читал».

До Октябрьской революции Костылины были многодетной мещанской семьёй. Их единственный сын, Прокопий, уже в стенах реального училища увлекся эсеровской, а затем большевистской пропагандой. В годы Гражданской войны он выдвинулся, стал продовольственным комиссаром. Внук пламенного партийца, Станислав Анатольевич, в горбачевское время работал заместителем директора крупного машиностроительного предприятия. На пару с гендиректором он так провёл акционирование завода, что наиболее лакомые куски достались небольшой группе лиц, а рядовые рабочие и инженеры остались ни с чем. Себя Станислав Анатольевич не обидел, в одночасье сделавшись миллионщиком.

Зная это, Григорий Кормильцев писал:

«Потомки рабочих и бедных крестьян при Советской власти получили хорошее образование, поднялись до «медовых» высот. Но потом они захотели стать буржуями и власть-благодетельницу сдали едва не за грош. Что потерял народ в результате ликвидации Советской власти?»

Мой дед, Григорий Иванович, сын фронтовика, родился в 1941 году. Случалось, бывал под бомбежкой, голодал и оттого едва не стал дистрофиком. В 1960-е годы окончил престижный ВУЗ, стал старшим научным сотрудником. А в 1990-е годы НИИ, где он работал, закрыли. Дед в пятьдесят лет стал безработным! Дядя, Иван Григорьевич, окончил военное учи-

лище, дослужился до майора. Он мог бы стать полковником, но не стало Советского Союза, а вместе с ним и могучей Советской Армии. Мама окончила два ВУЗа, но ни дня не работала по специальности. В трудные 1990-г годы она была «челноком», возила товар из Турции, чтобы продать его здесь. Только отец едва держится на плаву – от разорения его спасает тиражирование школьных учебников.

Вот что дала Кормильцевым горбачевская перестройка.

Плунуть хочется! (Зачеркнуто.)»

Летом 2022-го, в разгар военной спецоперации на Украине, на Донбасс из Москвы прибыли волонтеры «Народного фронта», привезли бойцам отдельной мотострелковой бригады военную технику и снаряжение: квадрокоптеры, рации, ноутбуки, каски и броники – все закуплено на собранные с миру деньги.

На небольшой городской площади под стягом с ликом Спасителя сошлись, казалось бы, совершенно разные люди – люди всяких профессий и возрастов. Но понимающий человек тотчас заметил бы между бывалыми обстрелянными бойцами и молодыми беспокойными волонтерами ту особую гармонию духа, которая возможна среди людей, без остатка отдающих себя борьбе за правое дело.

Русский народ любит правду. Любит он и героев, что готовы, жертвуя собой, за правду стоять.

Среди встречающих был командир разведвзвода Григорий Кормильцев, в числе волонтеров – студент Гай Костылин.

Григорий – среднего роста, худощавый, с выцветшими белесоватыми бровями на загорелом подвижном лице – воевал добрых полгода, имел осколочное ранение и контузию. В деле проявлял находчивость, хладнокровие и не раз отличился. Взводным вместо погибшего командира стал две недели назад.

Не далее, как третьего дня, бойцы Кормильцева (позывной – «Гастат») обезвредили неприятельскую ДРГ. Русские засекли врагов при их выдвижении близ линии фронта. Засада накрыла диверсантов точным огнём, им не дали шанса спастись.

Григорию не в диковину видеть горелые посёлки, разрушенные дома и

фермы, обугленные остовы заводских цехов, посечённые осколками снарядов дубравы. Иное дело – Гай: наблюдая мрачные следы войны, он каменел лицом, качал головой.

Молодые мужчины узнали друг друга и смогли переговорить накоротке. О чем? О ком? Оба были воспитанниками Анны Петровны. О ней и зашла речь: здорова, по-прежнему деятельна, знает о «воинских подвигах Гриши», передаёт привет отважному русскому воину. Высокий, ладно скроенный Гай признался, что хочет взять в руки оружие.

– Ненавижу нацистов, – сказал хмуро и твердо.

– А мировых буржуев? – с лёгкой усмешкой живо поинтересовался Григорий и любовно погладил личное оружие, все блестящие детали которого были заматаны чёрною изолентой.

– Буржуев тоже не меньше, – ответил волонтёр, не моргнув карим глазом. – Нацики и бандеровцы – ихнее, буржуйское порождение. Чтобы нам победить, надо познать науку ненависти. Комбриг Алексей Мозговой недаром заметил: война открывает нашему народу глаза на то, кто мы и кто враг.

«Значит, не родительским путем пошел Гай, – весело подумал Григорий. – Так бывает: дети вырастают разумнее и честнее родителей. Вот те и «золотая молодежь»! Так-то, господа стяжатели. С нами Бог!»

Вспомнилось Григорию его сочинение, что произвело фурор в школе. Много

тогда спорили, удивлялись и возмущались. И неудивительно: ведь оно написано ещё до «Крымской весны».

Говорят, что после Сталина в стране был застой. А по мне застой – это когда, по Ломоносову, «чистый сердцем терпит удары судьбы, а бессовестный нежится в роскоши и почёте»: когда сынок богатых родителей ни во что не ставит учителя; когда молодым нигде нет дороги, а старикам уважения; когда безработных столько, что ими можно заселить целые города – это в стране, где работы неувпроворот: на полях и фермах, на заводах и фабриках, в тайге и на море. Всякое живое дело убито бесконечным трёпом об «эффективности», «креативности», «тренде»... Один пожилой таксист растолковал народное понимание слова «тренд»: получается, оно происходит от слова «трындеть». Вот и трындим! Философ Иван Ильин говорил: «Жить надо ради того, ради чего можно умереть». Ради чего сейчас жить, за что умирать? Народ измаялся душой, ожидая от правителей великих дел и свершений. В стране полно образованной молодёжи, желающей перемен, желающей жить в справедливом государстве. Мы надеемся: поворот к лучшему будет. Больше того, он неизбежен! Конец истории, предсказанный самонадеянным глупцом Фукуямой, наступил.

Время новых героев настанет! Оно уже близко! Мы ещё услышим слова: «Сотечественники! Братья и сёстры!..»

Как хорошо, что мы стареем.
 А кто-то умер молодым...
 Ценить мы это не умеем,
 И всё о возрасте грустим...
 Кому- то будет вечно двадцать,
 Кому-то тридцать, пятьдесят,
 Нам с временем пора смириться,
 У жизни нет пути назад.
 Нам всем даны судьбою сроки
 Расти, цвести, любить, творить,
 Учиться, получать уроки,
 С колен вставать, вперёд идти.
 Мы знаем: в жизни всё проходит,
 И надо время отпускать.
 С тоской назад смотреть не стоит,
 Жизнь благодарно принимать.
 Цените жизнь, ведь каждый возраст
 Имеет прелести свои.
 Любите жизнь, пока не поздно!
 Мы все для счастья рождены.
 А сколько жить? Всё в Божьей власти –
 Мы выбрать сроки не вольны...

То блудница, то святая,
 То в огонь, то в полынью
 Птицей вольною взлетаешь,
 Покоряя высоты.
 Часто крылья обжигаешь,
 Тушишь боль свою слезой.
 Яркой, страстно бываешь,
 Дерзкой, искренней, шальной.
 К чёрту сплетни, предрассудки –
 Жизни миг бывает раз!
 На разбившихся осколках
 Ты танцуешь, боль в висках.
 Дразнишь, манишь, ускользаешь
 Робкий взгляд из-под ресниц.
 Ты под маскою скрываешь
 Сотню образов и лиц.
 То коварна в ярко- красном,
 В белом девственно чиста,
 В изумрудном ты прекрасна
 И таинственна, нежна,
 Вольнодумная, другая.
 Всё стараешься успеть.
 Лишь один Всевышний видит
 Ношу хрупких женских плеч.

Деревня

Пустых глазниц немая горечь,
 Косых домов угрюмый ряд,
 Бродяга-ветер верховодит,
 Лишь он один разрухе рад.

Ему раздолье и потеха,
 Консервных банок лязг в траве,
 Не стало видно человека –
 Уехал в город налегке.
 Колодец с жердью завалился –
 Давно не брал никто воды.
 Знак у дороги покосился,
 Как много стало тишины.
 Ковыль травой всё затянуло,
 Лишь старожилы - старики...
 Ведь раньше всё иначе было,
 Стянула жизнь в свои тиски.
 Так монотонно время льётся,
 Тягучей, жизненной рекой.
 Деревня, может быть, очнётся,
 Нарушив спящий свой покой.
 Как раньше, будут дружно дети
 Носиться шумною гурьбой!
 И человек с улыбкой встретит
 Свой край, что с детства был родной!
 Пустых глазниц немая горечь,
 Деревня ждёт людей домой...

Хочу иметь я яблонево́ый сад,
 Беседку, утопающую в кроне.
 Под шум дождя писать свои стихи,
 С самой собой спокойно жить, не споря.
 Хочу кормить в саду залётных птиц,
 Встречать рассвет и провожать закаты.
 Простить себя и научиться жить,
 Не вспоминая прошлого утраты.
 Хочу дарить добро своей души
 Тому, кто меня сердцем понимает.
 Не строит из обманов этажи
 И за спиной меня не осуждает.
 Хочу зимой ловить холодный снег,
 Смотреть, как он в руке тихонько тает.
 И вспоминать с улыбкой о весне,
 Плохой погоды в мире не бывает.
 Хочу бродить среди яблонь, что в цвету,
 Их красотой чудесной любоваться.
 Родных людей, которых я ценю,
 Молитвою, любя, согреть стараться.
 Хочу не думать больше о былом,
 Хочу любить, надеяться и верить.
 Спасибо, жизнь, за то, что я живу,
 За каждый миг, ведь он всегда бесценен.

Родительский дом

Среди вьюг и метелей
 Место есть, знают все,
 Где тебя обогреют,
 Это – рай на земле.

Где тебе всегда рады
 И с улыбкою ждут,
 Где тебя не забудут,
 Твой покой берегут.
 Среди знойной жары,
 Когда солнце палящее,
 Место есть на земле,
 И оно настоящее!
 Там уют и тепло,
 И горит яркий свет,
 И ты знаешь всегда:
 Места лучшего – нет!
 Когда ливнем дожди,
 Слякоть, грязь и туман,
 Место есть на земле,
 Где не тронет обман.
 Там с тобою честны
 И готовы помочь,
 И не важно когда,
 Пусть то день или ночь.
 Когда птицы летят
 Ровным клином домой,
 А черёмух и яблонь
 Запах близкий, родной,
 Место есть на земле –
 С детством крепкая нить,
 То родительский дом,
 Он в душе будет жить.
 Нет погоды плохой,
 Пока любят и ждут,
 Наши детские фото
 В этом доме живут.
 Да, у всех суета,
 День сурка каждый год.
 Вы не ждите, прошу!
 Пока дом зарастёт...
 Время – друг нам и враг,
 Мы не властны над ним.
 Место есть на земле,
 Где мы память храним.

Памяти Андрея Дементьева

Уходят великие в вечность,
 Стихами свой путь озарив....
 У них каждый стих словно песня!
 У них каждый стих будет жив!
 Таланты от Бога при жизни
 Дарили нам свет и тепло.
 В стихах столько мудрости, смысла,
 Как много им было дано!

И рифмы, как птицы, взлетают,
 Кружат над российской землёй.
 Андрея Дементьева помним!
 Он с нами, в стихах он живой!

Мы с возрастом не делаемся краше.
 Мы с возрастом становимся мудрей,
 Но это всё не повод для печали,
 А повод жизнь ценить ещё сильнее.
 Да, время пролетает очень быстро.
 Сменяет осень в зрелой красоте,
 И жизнь прожить – великое искусство!
 В старании, в почёте, в доброте.
 У каждого из нас своя дорога.
 Нам жизнь дана всего лишь только раз,
 Всё это нам ниспослано Всевышним,
 Благодарим нечасто, лишь подчас.
 Пусть будет радость в возрасте любом
 И повод для улыбки в каждом дне.
 Какой чудесный мир, мы в нём живём!
 Здесь солнце светит всем: тебе и мне.
 Есть в возрасте любом своя краса.
 Года наши – богатство и награда,
 А унывать, что молодость прошла,
 Нет смысла, да и, в общем-то, не надо.
 Желаю всем здоровья и добра!
 Уюта в семьях, благосостояния.
 Пусть будет небо мирное всегда,
 А от родных – заботы и внимания!

А когда-то были молодыми,
 И на всё казалось хватит сил.
 Дети незаметно повзрослели
 Как же мы любили, не забыл?
 Раньше всё казалось пустяковым,
 День за днём, неделя, месяц, год....
 Радости делили и печали.
 И забот всегда невпроворот.
 День рожденья, весело и с шиком!
 И с шампанским Старый Новый год!
 Двери для друзей всегда открыты,
 А сейчас любимец – старый кот.
 И спешить так вроде и не надо...
 Дом построен, и посажен сад....
 Но всегда с щемящею тоскою
 Молодость вернуть хочу назад.

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ПРОШЛОЕ КУРГАНА

Путешествие пятое

И на следующий день волшебник появился, как только дети уселись перед монитором ноутбука, но, едва поздоровавшись с ребятами, начал сразу беседу:

— Прежде, чем мы отправимся в путешествие по прошлому вашего любимого города, я должен рассказать вам... — но тут же, увидев нетерпеливые взгляды своих маленьких друзей, передумал, — хотя лучше я всё расскажу и покажу во время путешествия. Итак, заветные слова и — в путь!

— Магтерабайт, Магтерабайт, покажи любимый край, — хором отрапортовали ребята, и мгновенно начались настоящие чудеса.

К чудесам друзья, Серёжа, Ангелина и Лёва, уже привыкли, их совсем не пугало, но всё же восхищало невероятное перемещение во времени и пространстве. Сначала начинали кружиться, таять и исчезать стены квартиры, потом город улетал куда-то вниз, и его очертания блёкли и размывались, а на их месте постепенно, как будто кто-то невидимый рисовал, появлялись другие картинки. И в этот раз ребята очень быстро оказались в незнакомом интересном месте:

— Ой, а где это мы находимся? Почему так тесно и жарко?

— Это же кабина старого поезда, — радостно сообщил друзьям свою догадку Лёва.

— Да, дорогие мои, мы в настоящем паровозе первого поезда, который прибывает на станцию Курган. Железную дорогу до Кургана только-только закончили строить. Начали строительство этого участка железной дороги, от Кургана до станции Шумиха, 4 июля 1892 года. И уже в конце сентября 1893 года в Шумихе произошла стыковка железнодорожных путей, которые соединяли станции Челябинск и Курган. А сегодня 4 октября 1893 года — прибытие первого поезда в наш славный город Курган.

Ребята слушали Магтерабайта и с интересом наблюдали, как работали машинисты, их было двое, один внимательно наблюдал за приборами и за дорогой. Другой рабочий следил за топкой парово-

за, время от времени открывал тяжёлую металлическую дверцу и подбрасывал в печь дрова. Как и обещал Магтерабайт, детей железнодорожники не видели и не слышали.

— А почему дрова подкидывает, я по телевизору видел, что уголь лопатой кидают? А почему мы так тихо едем? Почему путь только один, встречный поезд как пройдёт?

Вопросы так и посыпались на волшебника.

— Встречных поездов не было. В паровозах использовали и уголь, и дрова. В нашей местности угля нет, а дров предостаточно. А скорость первых паровозов, действительно, была невысокой, 16-18 километров в час, — губы-чёрточки Магтерабайта растянулись, он улыбнулся, — да и по только что проложенным рельсам не рекомендовалось разгоняться.

— Разгонишься тут с такой скоростью, — усмехнулся Серёжа.

— Мы на велосипеде быстрее гоняем, — добавил важно Лёва.

Ангелина, не отрываясь, смотрела в небольшое окошко сбоку, её за окном что-то явно заинтересовало.

— Посмотрите, сколько народа впереди. Флаги кругом, иконы. Даже какие-то яркие ворота прямо на пути. Что это?

Мальчишки тоже с любопытством приосмотрелись за происходящим вокруг паровоза, который вскоре остановился, его со всех сторон обступили горожане. Тут же зазвучала музыка, играл оркестр. Курганцы радовались, они шутили, смеялись. Действительно, прямо на дороге была сооружена высокая арка, её украсили флагами, яркой материей, большой иконой, прямо под этой аркой и остановился первый в истории Кургана поезд. День был солнечным и достаточно тёплым, и казалось, что всё население города пришло на встречу такого чуда, поезда.

— В поле лестница лежит, дом по лестнице бежит.

Услышали путешественники ликующий голос одного из горожан.

— Степная кобылица по степи мчится, — тут же отозвался другой весёлый голос.

– Не ёж, а пыхтит, не змея, а ползёт, – уже третий собеседник смеётся.

Серёжка с Лёвкой не успевали уследить, кто выкрикивает, казалось, все в толпе наперебой старались сказать, что-нибудь весёлое, задорное.

– Кому это они загадки загадывают?

– Друг другу и загадывают, и детям своим. Загадки – это ведь тоже устное народное творчество, как и сказки, и пословицы, поговорки, мы с вами уже говорили об этом. Может быть, мы с вами присутствуем при рождении какой-нибудь новой загадки, вот видят люди, как паровоз по рельсам передвигается, сравнивают, на что это похоже, и тут же придумывают загадку, а может быть, даже и сказку.

– Я тоже знаю загадку, – поспешил сообщить друзьям Сергей, – мимо рощи, мимо яра, мчит без дыма, мчит без пара, паровозова сестричка, кто такая?

– Электричка, – закончила загадку Ангелина важно, что, мол, тут отгадывать.

– Это уже загадка про современный поезд, – отметил волшебник.

– Пассажиров полон зал, любит шум большой... – не отставал от друга Лёва.

– А где вокзал? – вместо ответа на загадку спросила Ангелина, оглядываясь по сторонам.

И мальчишки тут же закрутили головами, но они увидели, что, в общем-то, железная дорога, состоящая из одного пути, находилась просто в чистом поле. Из строений рядом находился небольшой недостроенный дом.

– Вот это будущий вокзал, он пока ещё строится, – указывая на домик, сообщил Магтерабайт, – его строительство закончится в январе 1895 года. К началу 1895 года построят и первое паровозное депо для обслуживания и ремонта поездов. – начал рассказывать Магтерабайт. – Вообще, в это время в Кургане много строили: и дорогу продолжали прокладывать дальше, и большой металлический мост через реку Тобол был необходим, его строительство начали уже в декабре 1893 года, а открыт был мост 10 марта 1895 года. Совсем неслучайно в Кургане появилась железная дорога, она была необходима, ведь город рос и развивался.

Волшебник рассказывал, а путешественники вместе с ним уже чудесным образом медленно пролетали над Курганом. Детей удивило, что город стал уже достаточно большим, появились новые

улицы, перекрёстки, площади. Увидели ребята и новый храм, и богатые кирпичные дома, и множество предприятий, которые находились в основном на окраине городка.

– В Кургане к 1895 году было уже 5 салотопенных предприятий, 15 предприятий по производству кирпича, – спешил рассказывать Магтерабайт, пока они проплывали над городом, – 2 предприятия выпускали мыло, 5 – свечи. Работали мельницы, маслобойни, пимокатки, пряничные, гончарные, кожевенные и многие другие мастерские и заводы. Выросло население города. По данным Всероссийской переписи населения 1897 года, в Кургане проживало 10306 человек. Конечно, вы удивитесь: чуть больше десяти тысяч. Однако, для того времени это было достаточно много, Курган был третьим крупным городом в Тобольской губернии после Тобольска и Тюмени.

В это время дети оказались перед двухэтажным каменным красивым домом. В доме было много окон, украшенных резными витиеватыми наличниками, крыша дома была надстроена декоративной аркой. Дом выглядел богато и нарядно.

– Это дом купца Дмитрия Ивановича Смолина. Дмитрий Иванович – один из самых известных купцов города. Ему принадлежали: паровая мельница, винокурный, пивоваренный и мукомольный заводы. Купец Смолин был щедрым благотворителем: он открыл для сирот и бедных детей приют, в котором детей кормили, одевали и обучали разным профессиям. Дмитрий Иванович первый в Кургане стал выплачивать пенсии старикам. Он также жертвовал деньги на строительство и оснащение церквей в сёлах, внёс большой вклад в строительство собора Александра Невского в Кургане, правда, достраивали его уже его сыновья. Этот храм до сих пор украшает наш город, он находится в городском саду.

И тут снова начали происходить превращения: картина перед глазами ребятшек постоянно менялась. То они видели дом купца Смолина в современном Кургане, то снова оказывались в далёких временах. Можно было даже сравнить картинки. Дети заметили, что в современное время дом выглядит ещё наряднее: перед домом теперь разбит маленький уютный скверик со скамеечками, клумбами, цветами и памятником самому Дмитрию Ивановичу Смолину.

– Да, – согласился с ними волшебник. – Это потому, что винокуренный завод купца Смолина до сих пор работает в Кургане, только в наше время на заводе производят дрожжи, необходимые для выпечки хлеба и хлебобулочных изделий, сейчас это ОАО «Кургандрожжи». Продукция этого предприятия известна далеко за пределами Курганской области. Но это я уже о современном Кургане рассказываю. Что, полетели дальше?

– Полетели! – с радостью согласились ребяташки.

Но переместились они не так уж и далеко, оказались в центре города перед двухэтажным кирпичным особняком. Дом тоже выглядел довольно богато и нарядно. На втором этаже был балкончик, с обеих сторон высокая каменная стена, справа вдоль стены росли цветы.

– Знакомый домик, – приглядываясь к нему, проговорила Ангелина, – только я понять не могу, где я его могла раньше видеть.

– Может быть, так узнаешь? – загадочно улыбаясь, сказал Маггерабайт.

И тут же дети увидели этот дом в современном Кургане на улице Куйбышева. Сам дом мало изменился, только показалось, что стал ниже, но зато красивее и торжественнее, а вокруг него всё изменилось: улица заасфальтирована, есть тротуар, деревья, виднеются многоэтажные дома.

– Это дом-усадьба купцов Березиных, – начал рассказывать волшебник, – дом построил Семён Иванович Березин предположительно в 1866 году, затем его унаследовал его сын Фёдор Семёнович, дом сохранился до наших дней, и хорошо, что сохранился, ведь теперь он – памятник архитектуры конца XIX века. Интересно же посмотреть, какими были дома раньше, более ста пятидесяти лет назад.

– И интересно сравнивать, как он выглядел в прошлом и как выглядит сейчас, – сказал Лёва, – я заметил, что в этом доме на первом этаже раньше вместо окон были высокие железные двери.

В это время путешественники вновь оказались в прошлом Кургана, и Серёжа с Ангелиной тоже увидели эти массивные двери вместо окон.

– Да, потому что на первом этаже у купца Березина располагалась торговая лавка, – сообщил волшебник, – двери служили входом в лавку, а семья Фёдора

Семёновича жила на втором этаже. Это было очень удобно. Торговал купец товарами и продукцией со своей мельницы: мукой, отрубями. Торговал салом, жирами со своего салотопленного завода и разнообразными другими товарами. Фёдор Семёнович Березин тоже очень много хорошего делал для города и близлежащих деревень и сёл: оказывал материальную помощь учебным заведениям, больнице. Много жертвовал на строительство и оснащение храмов. Бесплатно предоставил для Лесной школы свою загородную усадьбу, чтобы учащиеся могли жить у леса и проходить летнюю практику, ведь у города не хватало денег, чтобы построить для школы такую усадьбу.

Маггерабайт рассказывал, а ребяташки всё ещё сравнивали, как выглядели постройки дома и всё вокруг в прошлом и как выглядят в настоящем.

– Вон та каланча, – показал Лёва на пожарную вышку, – она тоже и в прошлом и в настоящем находится, изменилась, конечно...

– Немудрено и измениться, ведь построено новое пожарное депо весной 1882 года, это было каменное здание, которое венчала деревянная пожарная каланча. Пожары, к сожалению, случались, поэтому городу необходимо было содержать пожарную команду, в которой тогда работали 15 человек, в наличии имелись 2 пожарных насоса, 5 бочек-водовозок и один «багровый ход» — повозка, на которой вывозились багры, брезент, полог и лестницы. Вместо красно-белых машин в конюшнях стояли 12 лошадей. До конца XIX века пожарные жили при депо. Дежурных караулов не было, служили на правах солдат: в город разрешалось отлучаться в день только одному человеку, на что давалась специальная увольнительная записка. Вот так, дорогие мои, – подытожил волшебник, – мне очень нравится, что вы такие внимательные, и мне интересно, кто из вас заметил, что в наше время находится в доме купца Березина?

Ребяташки вновь повернулись к усадьбе купца и на мгновение задумались.

– Мне кажется, сейчас в доме находится какой-то музей, – начала вспоминать Ангелина, – мы, кстати, собираемся в выходной в него сходить.

– Точно! Музей истории города Кургана, – радостно сообщил Серёжа, – я

табличку там видел, у входа, успел прочитать.

Серёжа явно гордился тем, что уже умел читать.

— Когда вы посетите музей, то узнаете ещё много интересного из истории Кургана. А я вам с удовольствием хочу сообщить, что в те далёкие времена город на всю Россию прославился производством сливочного масла. Да и не только в России славилось курганское масло, его доставляли в Англию и другие страны Европы. Курган даже называли «Кухней Лондона», а газеты писали: «Англичане решительно предпочитают курганское масло любому другому». По преданию, английская королева без курганского масла не садилась за стол. Для того, чтобы масло становилось ещё лучше, в Кургане открылись курсы маслоделия, ежегодно проводились конкурсы среди производителей, выяснялось, чьё же масло вкуснее и качественнее.

И обязательно в музее вам расскажут о конструкторе гидротурбин, инженере-механике, профессоре, основателе машиностроения в Кургане Балакшине Сергее Александровиче. Сергей Александрович создал в городе чугунно-меднолитейный механический завод, который начал работу 1 января 1904 года. В наше время — это завод «Кургансельмаш». Ещё Сергей Александрович сконструировал первую в Сибири гидротурбину. В период 1905–1919 годов в Кургане было изготовлено около тысячи турбин Балакшина, которые были признаны во всём мире и отмечались многими золотыми и серебряными медалями на международных выставках. При содействии Сергея Александровича в июне 1914 года в Кургане заработала первая теплоэлектростанция. Этому выдающемуся человеку в Кургане в сентябре 2021 года в Городском саду был открыт памятник. Одним словом, много чего интересного вы узнаете, посетив Музей истории города. Но сейчас, дорогие друзья, мы с вами побываем на удивительнейшей для того времени выставке. Да, да, не удивляйтесь, именно на выставке, — но закончить Магтерабайт не успел.

— Ура, — тут же закричали мальчишки, — выставка. Мы сейчас разные картины будем рассматривать!

Мальчишкам, конечно же, хотелось скорее попасть в гущу каких-нибудь интересных событий.

— Вы бы дослушали сначала, — посоветовала им рассудительная Ангелина.

— Права Ангелина, — поддержал девочку волшебник, — выставки бывают разные, и в этом вы скоро убедитесь.

Дети уже не удивились, а только обрадовались, когда перед ними начала меняться картина происходящего: сначала появился лес, потом большая, заполненная людьми поляна. Людей было очень много, нарядно одетые горожане о чём-то оживлённо говорили, спорили, смеялись, видно было, что всем весело, настроение у всех приподнятое. Среди взрослых было много ребятишек, девочки в красивых платьицах смиренненько стояли возле родителей, а мальчишки-сорванцы, большей частью босоногие, сновали то тут, то там. Наши путешественники оказались в самой гуще событий.

— Гнедко всех обгонит, — это были первые слова, которые услышали никому не видимые пришельцы. Их выкрикивал молодой парень.

— Да где там Гнедко, вон видите, какой скакун у Нечаева, он и победит, — спорил с ним рядом стоящий мужик, — хозяин настроен серьёзно, как узнал, что за победу денег дадут, так и выставил своего лучшего коня!

Кто-то в толпе поддерживал молодого парня, а некоторые соглашались, что победит непременно нечаевец.

— Столько народа! Шумят все, смеются, нарядились, как на ярмарку! — оглядывалась по сторонам Ангелина.

— Действительно, чего они собрались среди поля, и что они пытаются там разглядеть. И о чём спорят? — заинтересовались и мальчишки.

Вдруг раздался какой-то громкий сигнал, будто выстрел, и ребятишки услышали топот копыт. В толпе закричали, засвистели, замахали руками, люди стали толкаться ещё больше. Серёжа и Лёва ринулись через толчею, им хотелось скорее посмотреть, что же там происходит. А там по дороге скакали во весь опор всадники на лошадях. Лошадей было пятнадцать, управляли ими в основном молодые ребята.

— Это соревнования, — догадался Лёва, — я понял, о чём они спорили.

— Я тоже догадался, — обрадовался и Серёжа, — сейчас, чья лошадь первой придёт к финишу, тот и получит денежный приз! Ты за какую будешь болеть?

– Я за..., – Лёва на мгновение растерялся, – мне вон тот конь нравится, светло-серый, он сейчас третий, я за него буду болеть! Давай, Серый, давай, обгоняй, – закричал Лёва со всей силы.

– Давай, Серый, давай, я тоже за тебя! – подхватил и друг.

Ангелина и Маггерабайт переглянулись и заулыбались.

– Это лошадиные скачки, – начал рассказывать волшебник. – Они были устроены в честь открытия Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки 1895 года. Открытие такой выставки в Кургане имело большое значение. С одной стороны, признавалось, что город развивается, растёт сельскохозяйственная и кустарная промышленность, оживляется торговля, строительство. С другой стороны, выставка позволяла выявить, что же ещё необходимо городу, его жителям, каким производством ещё можно заняться. Выставка работала в Кургане с 20 августа по 20 сентября. А мы с вами попали в 25 августа 1895 года, в этот день проходили первые скачки, – подвёл итог Маггерабайт, – и, действительно, впервые за лучших лошадей хозяева получали денежные призы, медали и Похвальные грамоты.

– Ура, нечаевец выиграл! – закричали в толпе.

– Ура, – закричали и мальчишки разом, – ура, мы победили!

Они прыгали, обнимались, смеялись, закружили Ангелину, сестрёнка тоже радовалась, как и все люди вокруг.

– Видите, как все радуются за победителя, а уж он-то как рад, ведь и денежный приз получит и лошадей своих выгодно продаст. А ещё 3 сентября 1895 года во время работы выставки было запланировано и проведено состязание пахарей с целью продемонстрировать достоинства местной сохи. На соревнование приглашались пахари со всей Тобольской губернии. Производители тоже определяли лучшие орудия для вспашки земли и с успехом их продавали.

– Это как реклама в наше время, – важно заявил Серёжа.

– Правильно, – согласился маг, – представление на выставке орудий труда, изделий кустарного производства, животных, продовольствия – это реклама своего товара. За год до проведения выставки, когда ещё только шла подготовка, газеты писали о её целях: «Показать

современное состояние полеводства, скотоводства, лесоводства, огородничества и садоводства. А также и кустарных промыслов. В задачи выставки входит продемонстрировать все благоприятные условия губернии для развития сельского хозяйства, указать недостатки существующего хозяйства и отметить всё, что есть лучшего в нём... Выяснить, какими мерами и какие именно промыслы возможно развивать в будущем...».

Пока волшебник рассказывал, дети переместились в центр города и оказались на большой огороженной площади, перед высокими красивыми резными воротами, украшенными флагами. Народу на площади было много, звучала музыка.

– Сама выставка расположилась в центре города, – продолжал рассказывать Маггерабайт, – здесь специально было построено три павильона для экспонатов, продуктов, изделий разных производств, навесы для сельскохозяйственных орудий и животных. Был построен даже временный театр, беседка для музыкантов, и первый в городе фонтан. И улицы благоустроили немного, и фасады домов отремонтировали.

– Курган так преобразился, я его просто не узнаю! – восхищённо заявил Лёва.

– А почему не все люди могут зайти на территорию выставки? Некоторые только через забор подсматривают, – спросила наблюдательная Ангелина.

– Вход был платным, в день открытия билет стоил 1 рубль, по тем временам это было очень дорого. Но потом цена билета снижалась, и в последние дни в павильоны можно было попасть за 5 копеек, так что все желающие горожане и гости побывали на выставке, много чего интересного увидели, узнали и приобрели что-то необходимое для себя и своего хозяйства. Всего выставку посетили более 15 тысяч человек.

В это время мальчишки услышали мяуканье, они наклонились, чтобы рассмотреть кота, который тёрся об их ноги, и увидели Севу.

– Сева-то здесь откуда? – изумился Серёжа.

Но когда ребяташки подняли головы, то обнаружили, что они уже дома. Маггерабайт растянул свои губы-чёрточки в улыбке, он махал ребяташкам с экрана ноутбука:

– До скорой встречи, ребяташки.

– До свидания, Маггерабайт, – поспешили проститься друзья.

Ангелина тут же отправилась в свою комнату, ей необходимо было подготовить сообщение о том, как развивался город в конце 19 века. А мальчишки поспешили к окну в зале, потому что из него можно было увидеть семейный супермаркет «МАГНИТ», который стоял напротив дома и сиял огнями и рекламными вывесками.

Весна 1882г. – Построено каменное здание пожарного депо.

4 октября 1893г. – Прибытие в Курган первого поезда.

Январь 1895г. – Построены вокзал и паровозное депо.

10 марта 1895г. – Закончено строительство железнодорожного моста через Тобол.

20 августа - 20 сентября 1895г. – Курганская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка.

1897 г. – Всероссийская перепись населения, в Кургане проживало 10306 человек.

1 января 1904 года. – Начал работу чугунно-меднолитейный механический завод С.А. Балакшина.

Июнь 1914 года. – В Кургане заработала первая теплостанция.

ЧЁРНАЯ КОШКА

Однажды с двумя подружками первоклассницами приключилась интересная и во многом поучительная история. Был день как день, самый конец апреля, день солнечный и тёплый, девочки, Надя Ткачёва и Таня Серова, шли в школу. Они весело болтали и смеялись, как вдруг, откуда ни возьмись, прямо перед ними, выскочила чёрная - пречёрная кошка, она мигом пересекла тротуар, по которому шли девочки, и скрылась в ближайшем дворе большого многоквартирного дома.

Подружки, не договариваясь, резко остановились, постояли некоторое время, молча, растерянно оглядываясь по сторонам, как будто размышляя, откуда взялась эта кошка и что теперь делать? Ведь если чёрная кошка перебежала дорогу, то жди неприятностей, так все говорят. Хотя девчонки не могла вспомнить, кто именно, так говорит, но не в этом же дело, а в том, что только что им пересекла дорогу чёрная- пречёрная кошка.

– А! – вспомнила вдруг Надюшка, – я же гербарий не сделала. А ты сделала? – спросила она подружку.

Танюшка растерялась: причём здесь гербарий? Но ответила:

– Нет, я тоже не сделала.

– Вот почему нам кошка дорогу перебежала, она нас предупреждает! – серьёзно заявила Надежда и нахмурилась.

– О чём предупреждает? – не поняла

– И он такой огромный, что, наверное, та выставка вся поместилась бы в нём, – предположил Серёжа, глядя на супермаркет из окна четвёртого этажа.

– Точно, – согласился с ним друг, – только лошади, быки, коровы, свиньи...

– Не поместились бы, – весело закончил Серёжа, и мальчишки рассмеялись.

Им было весело и радостно от того, что они уже дома, и от того, что живут они в таком красивом современном городе.

Танечка.

– О том, то мы получим двойки, – пожалала плечами подружка, что тут, мол, непонятного, – мы же гербарии не сделали.

– Откуда кошка знает, что мы не сделали гербарии? – удивилась Таня.

– Откуда, откуда..., – Надежде самой стало интересно, как кошка могла узнать, но ответа она не нашла, – я не знаю, откуда, – призналась она честно, – я думаю, что кошка просто чувствует, что нас ждут неприятности, вот и предупреждает.

– Кошки всё чувствуют, – добавила она значительно.

– Я тоже так думаю, – согласилась Танюшка.

Она часто удивлялась, какая её подруга сообразительная, и всегда во всём Надюшку поддерживала, и сейчас она только спросила:

– Но что же нам теперь делать?

– А давай в школу не пойдём, – Надя даже не предложила, а скорее спросила подружку, как бы советуясь.

Но Танечка с лёгкостью её поддерживала:

– Давай!

Как это она сама не сообразила, ведь это же так просто: чтобы не получить двойку, можно просто не ходить в школу, только так можно избежать неприятностей. Подружки переглянулись и развеселились, какие же они всё-таки сообрази-

тельные и дружные, не разлей вода, что называется. Они всё ещё стояли на том же самом месте, где их застала врасплох злополучная чёрная кошка.

– А куда мы пойдём? В кино? – предложила Танечка.

– Нет, в кино нельзя, – серьёзно заявила Надя.

– Почему? – удивилась Танюшка.

– Потому что это не хорошо сбежать с уроков в кино, – просто объяснила подруга, – мне мама говорила, что это очень плохо. Да и представляешь, что нас в кинотеатре найдут, это же так стыдно.

– А нас будут искать? – ещё больше удивилась Танечка и немного заволновалась, но потом подумала и сказала:

– Если найдут, то, конечно, стыдно будет, но кто нас будет искать?

– Никто, – уверенно заявила подруга, – но пойдём лучше в торговый центр, там нас точно никто не найдёт.

– Пошли! И телефоны давай выключим, как в школе.

Так подружки и сделали и, не договариваясь, развернулись назад, хотя супермаркет, надо сказать, находился совсем в другой стороне. Но ведь прямо идти нельзя, там кошка пробежала. И девчонки не поленились дойти до большого перекрёстка, пересечь улицу, обойти несколько больших домов, выйти на другую улицу, пройти по ней до следующего перекрёстка, перешли его и только потом они повернули к большущему супермаркету. Да, сделали они большой крюк, но зато обошли нехорошее место, и чёрная кошка им больше не встретилась, и, значит, неприятностей они избежали. Так думали девочки, когда довольные и радостные зашли в торговый центр и просто растворились в этом необъятном помещении.

Сколько времени гуляли по отделам большого магазина, они не знали, да и не думали об этом. В одном из отделов на них внимательно посмотрела продавщица и даже намеревалась что-то сказать им, но востроглазая Надюшка, тут же подхватив подругу под руку, сказала:

– Пойдём скорее. Нас же мама на первом этаже ждёт.

И вытащила Танюшку из отдела.

– Ты чего? – не поняла подруга.

– Да, эта тётя, наверное, хотела нас спросить, почему мы одни гуляем, тогда, что бы мы сказали? Пришлось бы нам обманывать её, а это нехорошо.

– Да, – тут же согласилась Танюшка, – обманывать это плохо.

И они с удовольствием зашли в очередной отдел с игрушками. Настроение у них было хорошее, им весело было гулять по торговому центру, а ещё они задумали купить мороженое в кафе со столиками.

И даже не представляли они, что происходило в это время в школе. Их учительница, Алёна Максимовна, к концу первого урока забеспокоилась, почему девочек нет в школе. Она знала, что они всегда вместе приходят, и сначала она думала, что подружки просто опаздывают, но урок заканчивался, а девочки не появились. Алёна Максимовна несколько раз выходила в коридор, педполагая, что девчонки стесняются зайти в класс и сидят в коридоре, ждут конца урока, но детей там не было. «Странно, – думала учительница, – вообще-то меня никто не предупреждал, что Таня с Надей в школу не придут. Что же могло случиться?» Как только прозвенел звонок на перемену, Алёна Максимовна поспешила к Раисе Петровне, учительнице третьего класса, ведь Раиса Петровна родная тётя Нади Ткачёвой, которая сегодня вместе с Таней Серовой не пришла в школу. Как только Раиса Петровна услышала такую новость, она сразу расстроилась и тут же начала звонить Надиной маме, Нине Петровне, чтобы узнать, что случилось с Надюшкой. И, конечно, Надина мама сказала, что ничего не случилось, и что Надя должна быть в школе. Нина Петровна, в свою очередь, тоже страшно расстроилась и испугалась, и тут же начала звонить Таниной маме, Руфине Фёдоровне, думая, что та знает, где девочки. Но и Руфина Фёдоровна была уверена, что Таня с Надей в школе. И тогда такое началось! Раиса Петровна оставила своих учеников Алёне Максимовне и побежала в ближайший кинотеатр, она просто молилась, чтобы девочки оказались там. Нина Петровна, Надина мама, отпросилась с работы и побежала домой, спешила домой и Танина мама, Руфина Фёдоровна, мамы надеялись, что девочки просто заигрались в куклы, забыли про школу, а телефоны, видимо, уже отключили.

Раиса Петровна вышла из кинотеатра совсем расстроенная: ни в одном из залов девочек она не обнаружила. Выйдя на большое просторное крыльцо здания,

задумалась на мгновение: куда же ещё могли пойти дети? В торговый центр! Раиса Петровна поспешила к зданию супермаркета.

В каком отделе могли быть девочки, она долго не гадала, сразу направилась в отделы с игрушками. И уже во втором магазинчике увидела прогульщиц. Таня с Надюшкой стояли напротив кукол, рядом стояла продавщица, она что-то говорила девочкам. Когда Раиса Петровна быстро и решительно подошла к ним, у Надюшки от удивления округлились глаза и почему-то она выпалила:

– А вот и мама пришла.

Танюшка удивилась ещё больше, и у неё вытянулось лицо, она испугалась за свою подружку: что это с ней случилось, она не узнаёт родную тётю.

– Это же Раиса Петровна, – подсказала она шёпотом.

Раиса Петровна, видимо, удивилась не меньше, потому что некоторое мгновение ничего не могла сказать.

– Очень хорошо, – в свою очередь затараторила молоденькая продавщица, – я как раз девочек спрашивала, почему они одни гуляют, а они мне сказали, что мама сейчас должна подойти. Какие молодцы, не обманули.

Она приветливо улыбнулась, но поспешила отойти, её явно озадачил очень строгий вид Раисы Петровны. А Танюшка с Надюшкой переглянулись: да, что-то они сделали не так. Наверное, не надо было в торговый центр идти, лучше бы пошли в кино.

– Это всё чёрная кошка, – шепнула Надюшка.

Танюшка согласно покачала головой, и девочки виновато опустила головы.

– Не обманули, говорите, да? Поче-

му вы в школу не пришли? Почему у вас телефоны отключены? – Раиса Петровна задавала вопросы так строго, что девочки отвечать побоялись, они друг за дружкой, гуськом, поспешили из магазина. За ними шла Раиса Петровна, она уже звонила мамам девочек и рассказывала, что нашла «гулён», и что они все идут в школу.

И вот все собрались в учительской, и, конечно же, взрослые начали допытываться, почему девочки не пошли на уроки, как они оказались в торговом центре, что они там делали... Сначала девчонки отмалчивались, но потом переглянулись, поняли друг друга, будто договорились, и честно всё рассказали: и про чёрную кошку, и про гербарий, и как им не хотели двойки получать.

Когда они всё честно-честно рассказали, Надина мама, Нина Петровна, строго сказала:

– Надя, ты вечером дома будешь строго наказана.

А Танина мама, Руфина Фёдоровна, ничего не сказала, она только прижала к себе доченьку крепко-крепко. Надюшке стало так обидно, что она как заревёт, да громко-громко, не стесняясь. Девочка ревела, всхлипывала, не могла успокоиться, хотя её мама уже тоже обнимала её и успокаивала. Надюшка ревела и сквозь слёзы говорила:

– Я умру. Вот увидите, умру. А, когда я умру, все мои вещи отдайте Таньке. Все-все вещи: и платья, и кофты, и куклы и другие игрушки, ей отда-а-йте.

Танюшке стало жалко Надюшку, и она тоже заревела, сначала тоже громко-громко, а потом потише. Подружки всё плакали и плакали, а эти странные взрослые почему-то уже только улыбались.

Лето знойное в разгаре

На реке весёлый крик.
 Не укрыться от загара:
 Жарко светит солнца лик.
 И в лесу прохлады мало.
 Сквозь листву лучи блещут.
 Грибники бредут устало
 В тихом поиске опять.
 Оказавшись на полянке,
 Жажду утолив водой,
 Кто корзину, кто панамку
 Наполняет ягодой.
 Всё же ждём всегда мы лето,
 Пусть жара и даже зной.
 Столько солнечного света
 Не увидишь ты зимой!

Проходит лето, стали дни короче,
 И веет холодом по вечерам.
 И очи очень чёрные у ночи,
 И бусинками росы по утрам.
 Желтеет лист в берёзовых ветвях,
 Назначен скорый срок природе.
 Налился тучный колос на полях,
 И овощи созрели в огороде.
 У солнца ещё жаркие лучи,
 Но гладь реки уже к себе не манит.
 На дне её холодные ключи,
 А воздух к ночи в голубом тумане.

«Бабье лето»

У осени второе «бабье лето»,
 И вся природа в солнечных лучах.
 За речкой рощица в янтарь одета,
 А воздух паолою листвою пропах.
 Так хочется пройти лесной тропой,
 Послушать шум берёз и сосен звон,
 Побывать в лесу наедине с собою,
 И сердце чтобы билось в унисон.
 Здесь храм лесной пронзит тебя покоем,
 И упадёт с души тяжёлый ком.
 Возможно, тайну для себя откроем,
 Когда потянет пробежаться босиком.

Подкрался вечер незаметно,
 Небесный свод, как тихая река.
 Мои сомненья снова безответны,
 И не ложится на листок строка.
 Огромная луна – ночной фонарь,
 Беспечно улыбается игриво,
 Похожая на огненный янтарь,
 В окно свой свет направила лениво.

Ночная гостья очень мне нужна,
 Её присутствие рождает вдохновенье.
 Пусть наша жизнь тревожна и сложна,
 Для вечности – лишь миг, одно мгновенье.
 Такие вечера мне дороги вдвойне,
 Когда все мысли и душа в полёте,
 Я благодарна госпоже Луне
 За свет, зовущий к творческой работе.

Бывают в жизни горькие минуты,
 А эта ноша очень тяжела,
 И если волю дашь душевной смуте,
 То можешь сам себя спалить дотла.
 Останешься непонятым для многих,
 И вынесут поспешный приговор.
 Но есть судья Всевышний очень строгий,
 Он разрешает самый трудный спор.
 А время всё расставит по местам,
 Друзья не станут для тебя врагами.
 Но только к правде путь найдёшь ты сам,
 Хотя стоял почти у края «ямы»

Тополь

Древний тополь лет уж двести
 Наш почётный старожил.
 На своём обжитом месте
 Он два века здесь прожил.
 В три обхвата ствол могучий,
 Крона, что большой шатёр,
 Помнит, как сгущались тучи,
 Полыхал войны костёр.
 Помнит, как в лихие годы
 Брат на брата шёл с ружьём.
 Пережили те невзгоды
 И ещё переживём.
 Здесь расправились жестоко
 С той, что знания дала
 И стояла у истока
 Света, правды и добра.
 Не остались мы в сторонке,
 Когда враг громил страну.
 Получали похоронки,
 А иные не одну.
 Помнит тополь День Победы,
 Когда кончилась война.
 Наши прадеды и деды
 Чашу выпили сполна.
 Здесь бывал Сергей Васильев –
 Знаменитый наш поэт.
 Находил источник силы,
 Новый творческий сюжет.
 Древний тополь, ты хранитель
 наших радостей и бед.
 Посадил когда-то житель,
 На века оставил след.

Защитникам России

Родные наши мальчишки-мужчины,
На вашу долю выпала война.
У матерей прибавились морщины,
А у отцов всё ярче седина.
Коварен враг, циничен и жесток,
На всех фронтах позорные приёмы
От терроризма и до лживых строк,
Нам это всё уже давно знакомо.
Не взять врагу землицы даже горсть,
Хотя страна моя - мишень нацистов,
Для Запада она как в горле кость,
И боремся мы против всех фашистов.
На вас надежда, воины России,
Вы не позволите врагу в наш дом войти.
Храни вас Бог и дай вам много силы
На доблестном и праведном пути.

Приуныли поля за рекой,
Белым снегом слегка запорошены.
Притаился за каждой строкой
Ветер с севера гостем непрошеным.
В снегопад облака в тучи сходятся
И стихи, словно птицы, летят.
Смотрит с тёмных небес Богородица
На земной обновлённый наряд.

Дождь

Дни почему-то все похожие,
Что завтра будет, что вчера.
Идут знакомые прохожие,
И дождик снова льёт с утра.
В окно стучит, как будто просится,
Но в гости я не позову.
В мои объятья хочет броситься,
А, может, ждёт на randevu.
Но всё ж поклон ему отвесила,
Осенний дружеский привет.
И на душе вдруг стало весело:
На свой вопрос нашла ответ.

Маме

Городская моя мама
Жизнь в деревне прожила,
По характеру упряма,
Но уживчива была.
И коровушку доила,
В русской печке хлеб пекла.
Все невзгоды выносила,
Потихоньку жизнь текла.
Деревенский быт узнала,
Не роптала на судьбу.
Было трудностей немало,

Но с отцом жила в ладу.
Путёвку в жизнь вручил ей
Челябинский завод,
В селе же изучила
Большой объём работ.
Заведовала клубом
И книги выдавала,
Была и няней в детсаду,
И птичник труд узнала.
Своих дочек берегла,
Воспитала, как смогла.
Помогал во всём отец:
Был и пахарь, был и жнец.
Нашу маму уважали
За открытость, прямоту.
В депутаты выбирали,
Был ответ: «Не подведу».
А ещё она умела
Превосходно вышивать,
И талантливо, умело
Могла скатерти вязать.
Я целую твои руки,
Мама милая моя,
Никогда не знали скуки,
В них живёт душа твоя.

Предпочтение ходьбе
Снова стало в моде.
Я шагаю по тропе
При любой погоде.
Здесь попутчики живут-
Сосны да берёзы,
Оживляют мой маршрут
Бабочки, стрекозы.
Светит солнце с высоты,
Наш небесный маг.
От волшебной красоты
Замедляю шаг.

Моя душа зимою отдыхает,
Когда брожу меж сосен и берёз,
Они приветливо меня встречают,
И потому мне радостно до слёз.
Деревья все в пушистом инее.
Едва заденешь - снежный пух летит.
И щурит небо свои очи синие,
На солнце снег, как самоцвет, горит.
С утра мороз трудился что есть мочи,
Пронзая стужей день и леса тьму,
И, как подарок, к новогодней ночи
Из жемчуга развесил бахрому.
И держит зимний лес, не отпускает,
Чудесной силой свыше наделён.
И музыка в душе моей играет,
Надеждой дух мой снова окрылён.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Вы когда-нибудь задавались вопросом, умеете ли вы мечтать? Я сейчас говорю о Мечте с большой буквы, о Мечте фантастической, сказочной, и, чем более несбыточной, тем более желанной. Помните, когда вы были маленькими, то представляли себя кто Принцем, кто Золушкой из одноименной сказки. Понимали, что это невозможно, но все равно мечтали побывать на сказочном балу. Ну, конечно же, помните...

Вы скажете, что у каждого есть своя мечта, только не каждому удастся её осуществить. Есть, конечно, баловни судьбы. Только захотел, и вот тебе её Величество Мечта на блюдечке с голубой каёмочкой! Но так бывает редко. Да и неинтересно. Все знают, что легко достается, то не ценится. Значит, и не мечта это, а так – очередное исполненное желание.

Мне довелось стать свидетельницей исполнения мечты, осуществления которой женщина ждала не один десяток лет. Это случилось в купе поезда, который ехал на восток. Моя соседка, симпатичная женщина на вид лет пятидесяти, рассказала мне свою историю. Удивительно, но людям свойственно верить самые сокровенные тайны не близким людям, а случайным попутчикам.

Мою попутницу просто распирало желание поделиться радостью, молодые от счастья глаза сияли на лице, делая его очень привлекательным. Она перескакивала с одной мысли на другую, возвращаясь к деталям своего путешествия в Париж, путаясь в последовательности событий, встреч, ощущений:

– Ах, Версаль! Ах, Лувр! Ах, замки Луары! Бокал «Бордо» и сырная тарелка в парижском кафе у Восточного вокзала, ах!

Её эмоциональность захватила и меня, выдавшую виды, и бывавшую за границей несчётное множество раз. Заграница для меня давно стала местом работы. Удивительным было то, что Татьяна (так зовут мою попутницу) сохранила возможность так ярко чувствовать в зрелом возрасте. В век открытых границ, когда каждый, кто хочет, может поехать в любую страну, её восторг сначала удивил меня. Ну, подумаешь, Париж. Но столько искрен-

него счастья было в рассказе женщины, что оно понемногу захватило и меня. Рассказ моей попутницы был ярким, эмоциональным и запомнился мне. Дорога у нас была дальняя, а рассказанная моей новой знакомой история вызвала у меня неподдельный интерес.

Со слов Татьяны, всё началось с поступления на факультет иностранных языков пединститута. Способная деревенская девчонка бредила французским языком, хотя в школе успешно изучала немецкий. Повлияли на это слова подруги, тремя годами старше её, которая уже училась на английском отделении:

– Если бы была возможность изучать второй язык по выбору, это бы непременно был французский.

Моя голубоглазая попутница рассказала мне, как преподаватель на подготовительных курсах при поступлении в институт выделила её из всей массы абитуриентов, оценила способность к разговорной речи и пыталась уговорить поступать на немецкое, а не на французское отделение:

– У вас хорошее произношение и добротные знания, соответствующие второму курсу языкового вуза. Зачем же терять такой багаж? За два года интенсивного изучения французского вы забудете немецкий, который изучается с третьего курса.

Таня сначала растерялась и пошла вместе с преподавателем в приёмную комиссию «перекладывать документы». Как правило, «на французский» поступали те, кто не прошёл по конкурсу «на немецкий». Председатель комиссии внимательно посмотрела Танин аттестат и вынесла вердикт:

– Французскому отделению тоже нужны хорошие студенты!

Это была судьбоносная фраза, с которой и началась эта история. Таня блестяще сдала вступительный экзамен по немецкому языку наравне с абитуриентами, закончившими спецшколы в больших городах, на «отлично» написала сочинение, только история подкачала – четверка, и поступила на вожаделенное французское отделение.

– Вы знаете, оказывается, изучать второй язык сложнее, чем первый, – объ-

ясняла мне моя попутчица. – Нужно привыкнуть к новому звукоряду и строю языка. Свою первую фразу на французском: «Elle va à la gare» я повторяла много раз, прежде чем слова, значение которых в отдельности я знала, обрели смысл: «Она идет на вокзал». Слова звучали как музыка и никак не могли означать такую банальность. Боже, какой красивый язык, какие поразительные гортанные перебивы голоса! Представьте, – продолжала она, – мне так нравился французский язык, что меня совсем не пугало, что в первую сессию надо было сдать экзамен на знание языка в объеме средней школы. При этом сентябрь я вместе со всеми первокурсниками провела в колхозе, поднимая сельское хозяйство, в середине ноября во время гололеда сломала ногу и долго пролежала в больнице. В итоге на программу средней школы ушло два месяца.

– Как же вам удалось сдать такой экзамен? – спросила я недоверчиво.

– Сама удивляюсь. Я думаю, что если бы не мои способности к звукоподражанию, музыкальный слух и хорошая память, задача была бы непосильной. Первая и последняя «четверка» по французскому языку была только в первую сессию. Именно «четверка» подстегнула к титаническому труду в освоении языка. Уже в конце первого курса я заняла первое место в фонетическом конкурсе всего факультета. За монолог Федры мне вручили премию – большой француско-русский/русско-французский словарь с именной надписью: «A mademoiselle N qui s'est classée première au concours phonétique»¹.

– Ничего себе! Вы обогнали даже старшекурсников?

– Выходит так. У меня от природы способности к языкам. Уже на втором курсе начались лекции на французском языке. Языковые дисциплины читали разные преподаватели. У них, естественно, были особенности произношения, которые на первых порах затрудняли восприятие речи на слух у большинства студентов. У меня такой проблемы не было. Мой музыкальный слух мгновенно адаптировался к разной манере произношения, что дало мне возможность сразу вступать с преподавателями в диалог.

– Наверное, вам завидовали?

¹ Вручается мадемуазель N, занявшей первое место в фонетическом конкурсе.

– Да, бывало. Но меня спасала бедность.

– Не поняла. При чем здесь бедность?

– Мне отчасти прощали мое первенство в учёбе, поскольку я была из бедной семьи, скромно одевалась. Я понимала, что мне никак не угнаться за сокурсницами в нарядах, дорогих украшениях и надменности поведения. И ещё я понимала, что их наряды — это заслуга их богатых родителей, поэтому никому не завидовала. Я знала, что всего добьюсь сама. Поэтому на первом курсе я училась самозабвенно, не давая себе поблажки, а потом все оставшиеся до окончания института годы жила на проценты от этих знаний. Хотя поначалу меня считали зубрилой, но помог один случай. Однажды из-за болезни преподавателя отменили вторую пару. Чтобы переждать время до третьей, мы с одногруппницей пошли в читальный зал института учить новую лексику по только что пройденной на первой паре теме. Через пятнадцать минут я захлопнула учебник, а Людмила удивленно спросила:

– Ты что, уже выучила?!

И, конечно же, не поверила, что за пятнадцать минут можно выучить сто тринадцать новых слов, пока не проверила каждое. После этого шёпот за спиной усилился, но зубрилой меня больше не называли. Мои способности, кроме зависти, стали вызывать уважение. Но всё равно я была белой вороной, очень редко ходила на общие мероприятия, в основном, из-за того, что плохо одета. При этом дружила с ребятами с немецкого отделения, с которыми была «на картошке» осенью, постоянно ходила в кино и на танцы в общежитии, где жила в комнате со старшекурсницами, часто, практически каждую неделю ездила к родителям в райцентр и мечтала, мечтала, мечтала...

– О чём же, если не секрет?

– Мечтала, что буду переводчиком. Синхронистом или литературным переводчиком, потому что, ещё учась в школе, побеждала в областных олимпиадах по литературе. Я постоянно видела сны «на языках». Антураж был разным, но сюжет всегда один. Мне снилось, что я работаю переводчиком на каких-то важных переговорах с иностранцами. Мне нельзя допускать ошибок в синхронном переводе с русского на французский и немецкий языки. Во сне я лихорадочно искала нужные слова и повторяла французские

и немецкие фразы, боясь ошибиться. Одним словом, я была очень счастлива. На третьем курсе у меня созрело решение перевестись на переводческий факультет университета в большом городе. Посоветовалась с мамой, а мама неожиданно стала отговаривать:

– А чем тебе плоха специальность учителя? Уважаемая профессия. Уедешь далеко, доченька. Часто домой приезжать уже не будет возможности. Как же мы с отцом без тебя?

– Надо сказать, что в течение полугода с момента, когда я поступила в институт, из родительского гнезда выпорхнули разом все дети. Старшая сестра вышла замуж в сентябре этого же года, старший брат женился в январе следующего. А в феврале умер дедушка, мамин отец. Так быстро распалась большая дружная семья, что мама растерялась, а потом начала сильно тосковать. И я уступила, понимая, как тяжело маме жить в опустевшем доме. Я решила, что мечта подождет, ведь жизнь впереди большая, а мама – она одна единственная. Позже я поняла, что приняла единственно правильное решение. Я продолжила учиться в своем институте, и всё пошло своим чередом. Всё это не могло заслонить моей Мечты. Побывать во Франции, услышать речь носителей языка, вступить с ними в диалог, что может с этим сравниться?

– Сейчас даже слышать об этом смешно. Люди ездят в Европу и в отпуск, и на работу.

– Сейчас – да. Но вы не забываете, что это было во времена, когда поездка за границу была равносильна полёту в космос, т.е. практически несбыточна. И вдруг появился шанс поехать в Париж по студенческому обмену. Только судьба отвернулась от меня. В течение полугода моя мамочка буквально «сгорела» от страшной болезни. Меня же в это время угораздило отчаянно влюбиться. С первого взгляда, как в кино. Когда мама увидела через окно больницы дочь с красивым молодым человеком, то сразу всё поняла. При встрече почему-то шёпотом спросила, кто он такой.

– Да... Сережка. Познакомились вчера, – ответила я нарочито небрежно.

– Доченька, да как же вы похожи!.. – сказала мама, и её глаза наполнились слезами.

Так в одночасье была решена моя

судьба. Любовь зацвела пышным цветом, отвлекая от маминой болезни, даря несбыточную надежду на её выздоровление. Одна мама знала, что дни её уже сочтены, и подтолкнула принять настойчивое предложение Сергея выйти за него замуж. На мои сомнения относительно того, что мы ещё мало дружим, плохо знаем друг друга, неожиданно сказала:

– Доченька, если любишь – конечно, выходи. Только прошу тебя, поторопись!

Только тогда я поняла, что это последнее мамино желание. Она спешила завершить свои земные дела. Ради счастья дочери мама сделала невозможное. Вопреки медицине и законам природы дожила до дня свадьбы, которую сыграли через полгода. Поднявшись со смертного одра, хотя уже не вставала больше месяца, покрасила в парикмахерской волосы и сделала причёску. Отец занёс её в ЗАГС на руках, чтобы она смогла увидеть регистрацию брака. У неё, непонятно как, хватило сил посидеть полчаса за свадебным столом в кафе, а затем машина скорой помощи увезла её домой. Через десять дней мамы не стало. Моя жизнь внезапно опустела. Спасала любовь мужа и его ежедневная поддержка. После похорон я попала в больницу. В двадцать лет у меня сдало сердце. Стажировка, как говорится, «накрылась медным тазом». Поехала другая студентка. А горе заслонило мечту на долгое время...

– Да... Нелегко вам пришлось. А что же дальше было? Как долго вам пришлось ждать осуществления вашей голубой мечты?

– Очень-очень долго! Больше тридцати лет.

– Боже мой! Больше тридцати? Вы не шутите? Разве так бывает?!

– Да, с тех пор прошла целая жизнь. После окончания института мне повезло преподавать сразу оба языка в торговом техникуме. А вскоре радость – родился сын. Только радость пополам со слезами. Из-за перенесенных переживаний, связанных со смертью мамы, мальчик родился очень болезненным и совсем не спал по ночам. Все силы уходили на то, чтобы он выжил. Преподавание пришлось бросить. Шесть лет понадобилось, чтобы вылечить сына и вернуть к полноценной жизни. Из них четыре с половиной года я работала уборщицей, положив свой диплом подальше, чтобы не рвал душу.

– Ничего себе! Уборщица со знанием

двух иностранных языков! Наверное, вы были тогда единственной в своем роде?

— По крайней мере, начальник отдела кадров сказал мне, что впервые встречает такую самоотверженную мамочку, которая, имея высшее образование, ради ребенка работает уборщицей. Но у меня не было выбора. Сын очень болел. В садик ходить не мог.

Однако, «вернемся к нашим баранам». Переезжая с квартиры на квартиру, я перевозила институтские учебники и конспекты, покупала все поступающие в продажу новые пособия, словари, художественные книги на языках, которые издавались, надо сказать, тогда редко. Французский язык не был столь популярен, как собственно и сейчас, изданий было крайне мало. Муж не понимал моего желания, норовил выбросить «эту макулатуру», говоря, что в школе мне все равно уже не работать, прошло слишком много времени после окончания института. Да только я не сдавалась, храбро защищая свои сокровища. Жизнь шла своим чередом. Все мои мысли были о семье. Сын немного окреп и пошел в школу. Значит, пора подумать о настоящей работе. Но в городе все места учителей французского языка заняты. Освободилось место заведующей канцелярией в оборонном институте, где я работала уборщицей, и я решила, что от добра добра не ищут. Работа рядом с домом, а что не по специальности, так это временно. Пока сын первоклассник, его надо встречать - провожать, кормить обедом и уроки учить. К тому же я встала на очередь на получение жилья. Институт принадлежал Минобороны, деньги на строительство выделяли больше, чем в других ведомствах, и была реальная возможность получить свою квартиру через пять-шесть лет.

За житейскими проблемами мечта не исчезла, нет, но спряталась на дно подсознания. Институт был секретный. Никому из сотрудников, даже уборщицам, нельзя было выезжать за границу. А в моих руках была государственная тайна. Словом, мечта снова отступила на неопределенное время.

А тут и перестройка ворвалась в жизнь со скоростью света и принесла неведомое до сих пор слово «конверсия». Охнуть не успели, как от стабильной жизни остались одни клочья. Зарплата ботинками, шапками-ушанками, колбасой ста-

ла нормальным явлением. Полное отсутствие денег, одежды и продуктов заставило шевелить мозгами и искать выход.

Выход нашлся. Институт обнищал и стал сдавать в аренду свои опустевшие площади возникшей на российско-казахстанской границе таможне. Вскоре я трудилась в ней начальником отдела. Двадцать один год спустя после окончания института я поехала в Таможенную академию на семинар, где по случаю экспромтом сдала французский язык, удивив и себя, и профессора сохранившимися в моей голове знаниями и хорошим произношением. Они хранились за потайной дверью в комнатке, в которую я много лет никого не пускала, и сама боялась заглядывать. В таможне я снова возглавляла секретную часть, поэтому дорога во Францию была для меня всё так же закрыта. А мечта угнездилась на донышке души и затаилась. Она ждала своего часа. Жизнь снова сделала крутой вираж. Появилась новая работа, и, наконец, возможность оформить загранпаспорт и поехать во Францию! — с восторгом произнесла Таня.

Я слушала Татьянин рассказ и смотрела на неё с огромным удивлением. Глаза моей попутчицы светились радостью. Нет, она не сетовала на судьбу за то, что так долго пришлось ждать исполнения мечты. Она ее благодарила!

— Кто бы мог подумать, что деревенская девчонка сможет побывать за границей, да еще в Париже?! — говорила она, вспоминая свои первые впечатления от города своей Мечты. — Париж!.. Самолёт приземлился в аэропорту Шарль де Голль, который поразил меня своими размерами. За окнами маршрутного такси было мрачное утро. Тучи, скрывавшие небо, были низкими, свинцовыми. Пригород Парижа казался обыкновенным, никакого восторга не вызывал: обычные городские здания. Удивление вызвало только количество транспортных развязок, ведущих к неисчислимым терминалам аэропорта. Сорок минут на маршрутке едва позволили адаптироваться к новым впечатлениям, как вдруг на горизонте появился знакомый по фильмам и фотографиям Париж...

— Господи! Какое счастье! Неужели сбылось?! — пульсировало в моей голове. — Восторг заполнил мою душу и не отпускал. Как будто кто-то зажёл внутри меня яркий свет. Я остановилась в маленьком

отеле, расположенном в центре у Восточного вокзала, который разместился в старинном пятиэтажном (шестиэтажном по-русски) здании в форме колодца. За крошечной конторкой сидел портье, который с удивительным нажимом произносил слово *Oui*, в котором йота звучала гораздо более выразительно, чем учили в институте. Крошечный лифт, вмещавший только одного человека, даже без багажа, был образца XVIII века, чем вызвал благоговейный трепет. Семь дней пролетели, как один. Целая неделя счастья! Она вместила в себя Лувр, Версаль, Оперу Гарнье, замки Луары, прогулку по Сене, Нотр Дам де Пари, Сакре кёр, Эйфелеву башню, фабрику Фрагонар, парижские магазины и кафе, возможность общаться с живыми французами!

— Не зря говорят: «Увидеть Париж и умереть!» — сказала Таня, устало улыбаясь. — Хотя нет, рано умирать! Я еще не бывала в Италии, Испании, Швейцарии,

ну и так далее по списку. Мечтать! Надо мечтать!».

Мы проговорили с ней целый день. Вернее, это она говорила, а я слушала. Солнце за окном уже скатилось к закату, и пора было отдохнуть. Поезд прибывал в мой город поздно ночью, а Тане предстояло ехать еще двое суток. Она намеревалась проводить меня до выхода из вагона, но обессиленная своей исповедью, крепко уснула. Видя, каким молодым стало её лицо, как счастливо она улыбается во сне, я не стала будить мою случайную попутчицу.

Прошли годы, но эта случайная встреча не перестаёт будоражить мою память. Удивительная женщина, поделившаяся со мной своим счастьем, оставила в моей душе яркий след и ощущение радости от общения с красивым и искренним человеком:

— Счастливого пути тебе, Таня! Пусть сбудутся все твои мечты!

ЗЕНША

Удивительная все-таки штука — наша жизнь. Она похожа на таинственную планету, на чью орбиту центростремительной силой вбрасывается энное количество встречающихся нам людей, которые некоторое время вращаются вместе с нами. Затем Некто Всесильный производит сортировку, выбросив центробежной силой ненужное большинство, оставив только тех, кто станет нам или другом, или врагом. Эти две взаимоисключающие группы людей, объединённые одной задачей научить нас главному в этой жизни — наши учителя.

Никогда не задумывались, со сколькими людьми вы были знакомы в течение жизни? Можете вы назвать цифру: одна, две, три тысячи, а может, десять тысяч? А сколько запомнилось? Вот и я о том же. Мы помним только тех, кто чему-то нас научил в этой жизни. Добру или злу — неважно. Главное — они приходят в нашу жизнь в нужное время, чтобы дать нам урок.

Об одном таком важном в моей жизни человеке и пойдет дальше речь. Тётя Зина Журавлёва жила по соседству с нами, в доме Тупикиных, приютивших её с ребенком по доброте душевной. Она ослепла вследствие тяжелого инфекционного заболевания, перенесённого ею в детстве. Позже, когда подросла, я узнала

не только название этой болезни (трахома), но и причину появления тёти Зины в семье Тупикиных. Дальние родственники выгнали её из дома за то, что она родила внебрачного ребёнка от бесстыжего насильника, который воспользовался беспомощностью слепой девушки. Не знаю, что это за родня такая, если так жестоко обошлась с попавшей в беду молодой женщиной. Я познакомилась с тётей Зиной, когда дядя Паша и тётя Нюра, абсолютно чужие для неё и её ребенка люди, уже приняли их в свою семью, проявив сострадание и милосердие.

Я искренне любила и жалела эту кроткую, хрупкую женщину, которую предали родственники. Дети интуитивно чувствуют хороших людей и тянутся к ним. Вот и я льнула к тёте Зине, чувствуя в ней бесконечную доброту и искренний интерес ко мне.

Однажды, забравшись к ней на колени, я стала трогать руками её лицо, проводя пальчиками по невидящим глазам, носу, губам. Мне казалось, раз она ощупывает моё лицо и тело, то и мне можно это сделать.

— А почему у тебя глазки всегда закрыты? — спросила я тетю Зину.

— Так нету у меня глазок, милая. Они у меня вытекли.

– Как это вытекли? Они же твердые.
– Из-за болезни, моя хорошая. Воспаление было. Глазки болели-болели и выболели. Поэтому глазных яблок у меня нет, глазницы провалились, а веки срослись.

– А как же ты видишь? Ведь ты ходишь по дому, всякую работу делаешь.

– Руками вижу, милая, – ответила она.

Спустя многие десятилетия после описываемых событий в моей памяти сохранился образ этой удивительной женщины, научившей меня доброте и терпению. Теперь я знаю, что глаза тети Зины можно сравнить с глазами ныне покойной прорицательницы Ванги, которую знает весь мир. Моя любимая тетя Зина с руками, заменившими ей глаза, была болезненно худенькой, высокой (так мне казалось в детстве), с искривленной от долгого сидения за прялкой спиной. Она все время работала. Мыла в корыте овечью шерсть, теребила её, пряла, вязала из этой пряжи носки и варежки, стараясь быть полезной своим благодетелям. Непоказная доброта, желание всем услужить и скромность делали её облик очень трогательным. Её невозможно было не любить.

Хорошо помню её длинное с надетым поверх передником ситцевое платье, через которое выпирали косточки, белый в крапинку ситцевый платочек на голове и неизменно добрую и странную, блуждающую, как будто извиняющуюся, улыбку на бледном, почти сером лице. Из-за слепоты она нечасто бывала на свежем воздухе.

Всякий раз, приходя к соседям в гости, я помогала тете Зине, становясь её глазами.

– Ну, что, милая? Будем сегодня с тобой куделю прясть? – однажды спросила она с улыбкой.

– Какую куделю?

– Овечью шерсть, которую мы с тобой позавчера вымыли, а вчера теребили, чтобы не было комочков.

– А как это – прясть?

– Ну вот, привяжем её к прялке и будем скручивать шерстяную нитку, наматывая её на веретено. А после в клубочки скручивать.

– А зачем?

– Мы с тобой из этих ниток всей семье на зиму носки да варежки свяжем. Всем тепло будет. Все нам спасибо говорить будут.

– Ты и меня научишь вязать?

– Да, конечно, научу. А потом мы твоему дяде Паше нюхательный табак рубить будем.

Назавтра, нарубив табак и понюхав его из любопытства, мы с ней дружно чихали и смеялись друг над другом, когда кто-нибудь из нас чихал особенно громко.

Я часто водила тётю Зину через огород в баню, помогала ей вымыться, попариться. У соседей бани не было, и мои родители всегда звали их в нашу. Как все слепые, тетя Зина достаточно хорошо ориентировалась в пространстве, и сама могла найти дорогу в баню, но предпочитала ходить туда со мной. Я вела её за руку, а она, осторожно переступая ногами, несла свой тазик с бельём и мочалкой. Дружба взрослой женщины и маленькой девочки, которые дарили друг другу сердечное тепло, была удивительной для окружающих.

Какой трогательной в своей кротости была эта хрупкая женщина, безропотно принявшая все удары судьбы, и какой сильной! Моя тетя Зина была знахаркой. Лечила детей от испуга и заговаривала молитвами грыжи. Женщин лечила от бесплодия, от порчи, от «надсады», используя народный способ с помощью массажа вправлять ущемленную грыжу. К ней приезжали лечиться жители Курганской, Челябинской, Тюменской областей, и даже из Казахстана. Денег за лечение она не брала. Предполагаю, что люди платили ей благодарностью и какими-нибудь продуктами, хотя ни разу не видела, чтобы она что-нибудь получала за свою помощь.

При этом её положение в семье Тупикиных было зависимым. Помнится, что тетя Нюра почему-то звала её Зеншей, хотя логичнее было звать Зиншей (от Зинаиды). Вообще-то обычай присоединять окончание «ша» к первой части имени (Коль-ша, Надь-ша, Валь-ша) характерен для Восточной Сибири, а в Зауралье к имени принято добавлять «ка» (Коль-ка, Надь-ка, Валь-ка). Тетя Нюра только тётю Зину называла на восточно-сибирский лад, а больше она никого так не звала. В таком произнесении имени был какой-то унизительный оттенок. Или это моё чуткое ухо слышало особую интонацию, с какой оно произносилось?..

Тетя Нюра, как все люди маленького роста, была командиршей. В противовес тихому и глуховатому голосу тети Зины,

голос у неё был высокий и резкий, фальцетный.

– Зенша! Опять ты ведро в куть поставила? Сколько раз тебе говорить, что, умывальник с другой стороны?!

Тетя Зина сносила всё, молча, не оправдываясь. Только слёзы текли из её изъеденных трахомой глаз. Она привыкла быть девочкой для битья: виновата во всём, что бы ни случилось.

Причиной конфликта между двумя женщинами было скрытое соперничество за любовь Витьки – сына тётки Зиной, которого они обе любили без меры. Они баловали мальчишку напропалую, ни в чем не отказывая. Первый велосипед – у Витьки. Первый транзистор и телевизор – тоже у него. За двойки его не ругали – нельзя, приступ может быть. Он был болен эпилепсией. Витька же был хитрован, каких свет не видывал. Он извлекал выгоду из их безмерного обожания, по очереди выпрашивая подарки, в том числе и у дяди Паши. Вариант беспроектный. Если мама вдруг говорила «нет», он шел к тётке Нюре, а потом и к дяде Паше. В условиях такой конкуренции Витька вырос махровым эгоистом.

Мирило тетю Нюру с тёткой Зиной только то, что Витька тоже звал её мамой. Повезло Витьку. У него был отец и две мамы: мама Зина и мама Нюра. Он так их и звал, чтобы не перепутать. Я понимала, что именно из-за него обижали тётку Зину, поэтому он вызывал у меня внутреннюю неприязнь.

Я очень жалела мою любимицу, всегда стараясь перевести разговор с опасной темы, рассказывая о чём-нибудь смешном, иногда изображая голоса домашних животных и птиц. Я была маленькой, но отлично понимала, что идти тётке Зине некуда. Эта удивительная женщина подала мне пример просто ангельского терпения и всепрощения. Хлебнув столько горя, она знала цену людской доброты, понимала, почему так криклива была тётка Нюра, и заранее всё ей прощала.

Повзрослев, я тоже поняла, что и тётке Нюре жилось нелегко. У неё не было детей, которых так любил её муж. Присутствие в доме посторонней, хоть и слепой, но более молодой женщины, не давало ей покоя. Ревновала она тётку Зину и к мужу, и к приёмному сыну, которого любила без памяти. В силу моего возраста не могла я этого понять и сердилась на неё за то, что

она обижала мою тётку Зину.

Только спустя десятилетия я смогла оценить величие души простых людей: дяди Паши (Павла Алексеевича) и тётки Нюры (Анны Митрофановны) Тупикиных, которые практически спасли от гибели молодую женщину с ребёнком. Правда, этот залюбленный всеми ребенок, сыграл в их жизни зловещую и, даже можно сказать, роковую роль.

Витька, которому потакали во всём, очень рано начал пить и быстро стал хроническим алкоголиком. Я думаю, что эта болезнь досталась ему в наследство от его неведомого отца – мерзавца. Он вымогал у своих приёмных родителей деньги, бил их, уже стареньких и беспомощных, и выгонял из дома. Иногда то тётка Нюра, то дядя Паша прибегали одолжить у моих родителей деньги до пенсии потому, что Витька заставлял их это делать. Без памяти любя этого ребенка, который вырос в огромного и физически очень сильного мужика, они вырыли себе могилу.

Никогда не забыть мне дня, когда старички пришли к моим родителям и буквально встали на колени:

– Вася! Вера! Помогите, Христа ради! Заберите нас жить к себе! – со слезами просил дядя Паша.

– Соседи дорогие! Не дайте погибнуть! Витька без конца требует денег, а сегодня чуть не задушил Пашу, – плача, вторила мужу тётка Нюра. – Отбирает у нас всю пенсию себе на водку и бьёт, заставляет одалживать деньги. Мы уже всем должны, а отдавать нечем. Просто сил нет так жить!

Отец поднял соседей с колен и со слезами на суровом лице с сожалением ответил:

– Павел Алексеевич, Анна Митрофановна! Куда ж я вас заберу, когда у меня самого семья из шести человек, а живём в маленьком пятистенке? Я думаю, надо заявить в милицию на вашего Витьку. Пусть его посадят за хулиганство. Тогда он, даст Бог, одумается.

В милицию Тупикины не заявили, боясь навредить своему обожаемому монстру. В конце концов, они уехали в европейскую часть России к каким-то очень дальним родственникам и очень скоро умерли на чужбине.

Витька же остался жить в доме приёмных родителей, женившись на какой-то тётке с детьми, которая была намного старше его. Они родили ещё двоих со-

вместных, которых нянчила тётя Зина. Вскоре она умерла, ненадолго пережив супругов Тупикиных. Витька умер следом за матерью от приступа эпилепсии, оставив маленьких детей сиротами.

...Вот такая очень грустная история, из которой я, благодаря моим учителям, извлекла несколько жизненно важных уроков. Теперь я тоже знаю, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным, хотя это не истребило во мне потребность помогать всем, кто в этом нуждается. Я знаю, что безмерная любовь может

быть убийственной, и потому старалась строго воспитывать своего единственного сына. Пословица «Терпение и труд всё перетрут», которую часто повторяла тётя Зина, научила меня трудиться и терпеливо ждать, когда чёрная полоса в жизни сменится белой. Сама удивляюсь, сколько его во мне, терпения. Другой человек давно бы обозлился на жизнь, которая принесла ему столько испытаний и разочарований, а я неизменно верю, что завтра всё изменится к лучшему. Только надо совсем немного потерпеть...

ЗМЕИНЫЙ ЯЗЫК

Случайно наткнувшись в интернете на рекламу восточного гороскопа, Татьяна хотела привычно пролистнуть эту страницу. Она не верила гороскопам. Но вдруг её внимание привлекла фраза: «Змею водяные стихии называют самой умной. Человек этого знака постоянно стремится к новым знаниям и достижениям. Имеет проникновенный ум, желания и возможности развития личности».

«Хм... Ну, положим, эти дифирамбы можно петь любому человеку. Кому не понравится, что его считают умным», – скептически подумала женщина и продолжила читать: Эти люди, если рядом, то навсегда. Змея – надёжный и верный друг. Без сомнений бросается на помощь в трудную минуту. – Ну, хорошо. На этот раз угадали. А дальше что?»

«Они наделены шармом и мудростью, способны к глубокому анализу, очень проницательны, обладают сильной интуицией, очень творческие и противоречивые натуры». «Да ладно! Каждый первый готов слышать про себя, что он творческий и противоречивый!» – снова подумала Татьяна.

«Добры, терпеливы, но очень обидчивы. Змея никогда не нападает первой, она, как правило, обороняется. Но если вы её сильно и незаслуженно обидели, то берегитесь её гнева. Змеи безоглядно храбры, способны выступить против превосходящего силой противника. Если Змея вступила в бой, помолитесь за души врагов её, ибо не знают они, что уже мертвы!»

– Вот это даааа! Надо же! Вот это уже точно про меня! – вслух ахнула Татьяна, вспомнив, как однажды она, оскорблённая до глубины души несправедливыми публичными обвинениями начальника,

ворвалась после аппаратного совещания в его кабинет и высказала ему в лицо всё, что чувствовала:

– Кто дал вам право говорить со мной в оскорбительном тоне? И главное – за что?! Вы же лучше всех знаете, что обвинили меня в невыполнении обязанностей начальника другого отдела, вашего друга по совместительству. Вы ко мне несправедливы!!

И тут же, не дожидаясь ответа, повернулась и вышла, так хлопнув дверью, что посыпалась штукатурка. В тот момент ей было всё равно, что ошарашенный начальник мог уволить её за несоблюдение субординации. Зато она отразила несправедливые обвинения в свой адрес. Ну, кто мог такое стерпеть?! Злопамятный начальник позже отомстил ей, но не рискнул уволить хорошего работника. Однако, спустя год примерно, он принёс ей свои извинения. Таня тогда удивилась, но извинения приняла, поняв, что не каждый мужчина, особенно самолюбивый руководитель, способен на такой поступок.

«Выходит, что-то есть в этих гороскопах. Зря я так скептически к ним относилась», – подумала Татьяна, прочитав информацию до конца.

В том, что она Змея, Тане предстояло убедиться ещё раз. Четыре подруги собрались в кафе на традиционный девичник. Они привычно делились последними новостями. Таня рассказала о неожиданной встрече со своей бывшей подчинённой, с которой были связаны очень неприятные воспоминания.

– Представляете, выхожу из автобуса, а мне навстречу с объятиями бросается Иванова. Та самая Иванова, которую устроили в наш отдел по блату. Она дума-

ла, поскольку у неё есть высокие покровители, то можно не работать, а целыми днями в карты в компьютере играть. Муж у неё был большой шишкой. На мои требования она не реагировала. Пока не получила выговор за невыполнение своих прямых обязанностей. Представьте, срочный московский документ передала в профильный отдел через три дня после контрольной даты. Естественно, после такого инцидента отношения вконец испортились. А тут она бросается мне на шею, обнимает и типа радуется, увидев меня. Артистка.

— Почему артистка? Очень хорошая и компанейская женщина. Мы с ней встречались на юбилее у общих друзей, — заметила Тамара.

— Ага, очччень хорошая. «Стучала» на меня начальству за то, что я её заставляла работать наравне со всеми. А начальство, друг семьи, приложило руку к тому, чтобы вынудить меня уволиться.

— Ну, признайся, что ты просто плохой начальник, что не умела руководить людьми, — ехидно заметила Тамара.

И тут Татьяна взорвалась:

— Откуда, чёрт возьми, ты знаешь, какой я начальник? Без конца меня подкальываешь, что бы я ни сказала. Почему ты, моя подруга, защищаешь не меня, а чужого человека? Может, потому, что всю жизнь тихо завидуешь мне?! Тебе покоя не дают мои успехи? Тогда спроси у других моих коллег, какой я начальник, а не у твоей компаньонки по застолью!

— Танька, ну ты даёшь! — удивлённо произнесла Наталья.

— Причём здесь Танька? Может, просто Тамара не подруга мне, а обыкновенная завистница?! — возмутилась Татьяна.

— Да у тебя змеиный язык! Вот ужалила, так ужалила! — добавила Наташа.

— Да, змеиный! Я же змея по восточному гороскопу. Никого не трогаю, пока мне на хвост не наступили! А наступили — сами виноваты.

— Да.... Уж... Неожиданно... Дружим столько лет, но я никогда не видела тебя в таком гневе, — ответила Галина.

— А не наступайте на больную мозоль! Сколько можно так бессовестно вести себя?! Защищать подлого человека — это уж слишком! — выдала Таня ошарашенным собеседникам.

На некоторое время повисла неловкая тишина.

— Тань, извини! Я не хотела тебя оби-

деть. Правда, нехорошо получилось. Я неправа, — сказала смущённо Тамара в ответ на Танину отповедь. — Никакая ты не змея. Ты очень добрая, мы все это знаем. Столько лет дружим. Прости меня, пожалуйста.

Татьяна, выплеснув свою обиду, тут же успокоилась и миролюбиво рассмеялась:

— Да ладно! Я точно змея. Так гороскоп говорит. И язык у меня раздвоенный, как у змеи. Помнишь, Галя?

Галина с недоумением посмотрела на подругу детства.

— Помнишь, мы с тобой ещё в школе не учились. Как-то раз у нас в ограде играли «в баши». Догонялки такие. Нужно догнать, коснуться игрока рукой и сказать «баш». Тогда уже он догоняет других игроков. Но если игрок садился на корточки и говорил: «Чур, я в домике», то по правилам игры его нельзя было «забашить».

— Да, все мы помним такую игру, — сказала Наташа. — Носились все, догоняя друг друга, как угорелые. Сколько визгу и радости было!

— А змеиный язык-то здесь причём? — спросила Тамара.

— В тот раз я убегала от Галинки. Видела, что она вот-вот меня догонит, её рука почти коснулась меня, и я решила спрятаться «в домике». Я резко присела на корточки, говоря нужные слова, ударив со всей силы коленками по нижней челюсти, и сильно прикусила язык. Так сильно, что почти откусила его кончик. Крови было много, а слёз и того больше.

— Вот теперь вспомнила, — сказала Галина. — Ты потом долго разговаривать не могла и не выходила играть.

— Да, очень больно было. Родители заперли меня дома, чтобы не ушла гулять с такой травмой. А я встала напротив зеркала, что висело над комодом, чтобы посмотреть, что там у меня болит, и с ужасом увидела, что самый кончик почти отрезан от распухшего языка. Я не могла ни говорить, ни есть. Травма была очень серьёзная. Этот кусочек языка, похожий на полуостров, причинял мне сильную боль и кровил при малейшем движении. Весь день я просидела взаперти. Очень хотелось есть, а я даже воды попить не могла от боли. Так намучилась, что не выдержала и решила отрезать этот злополучный кусочек. Взяла ножницы, протерла их тройным одеколоном. Потом забралась прямо на комод,

чтобы лучше видеть себя в зеркало, и отрезала его!

– Ой! Не обманывай! Не может этого быть! Это же очень больно! Как ты могла сделать себе такую страшную операцию? – воскликнула Наташа.

– Не верите? Смотрите! – с этими словами Татьяна показала язык, и все присутствующие увидели, что кончик языка у неё заметно раздвоенный.

– Ну, Тань, ты даёшь! Кто бы мог подумать, что ты способна на такой поступок! – охнула Наталья.

– А я теперь верю, что способна. Вон как решительно меня «срезала»! – всё

ещё ощущая неловкость и чувствуя себя виноватой, добавила Тамара.

– Ну, Татьяна, ты сегодня по-настоящему удивила нас всех! Выходит, прав гороскоп. Ты самая настоящая «змея», бесстрашный борец за справедливость! – засмеялась Галина, окончательно разрядив обстановку.

Подруги принялись шумно обсуждать восточные гороскопы, иронично комментируя описываемые качества, которые можно отнести к любому знаку зодиака. К концу встречи они пришли к весёлому выводу: «Что-то в этих гороскопах всё-таки есть! А вот что именно? Да шут его знает!»

ИНОПЛАНЕТЯНКА

Подруги, сидя в уютном ресторане, выпили уже по два бокала сухого белого вина, насладились вкусом салата с королевскими креветками и модной теперь рукколой и с нетерпением ждали, когда подадут стейк из форели на гриле, когда одна из трёх, старшая по возрасту, вдруг заявила:

– А вы в курсе, мои дорогие, что я инопланетянка?

Две другие замерли на мгновение, растерянно переглянулись, не зная, как реагировать на столь странное заявление.

По лицам подруг Валентина поняла, что они сочли – два бокала подряд для неё многовато, но это только подстегнуло её:

– Да, да! Не сомневайтесь даже! Напрасно вы мне не верите, – продолжила она с серьёзным видом, но глаза её при этом искрились смехом.

Елена и Светлана пришли в полное замешательство. Три подруги внешне абсолютно разные. Елена – жгучая брюнетка, пышная роковая красавица. Карие, почти чёрные, как у Кармен, глаза, красивый звонкий смех и женское обаяние настолько привлекательны, что невозможно не влюбиться.

Красота Светланы другого типа, нордическая. Хрупкая, высокая, утонченная блондинка, которую подруги называют «ум, честь и совесть нашей эпохи», полная противоположность Елены.

Валентина рыжеволоса и голубоглаза, внешне похожа на строгую учительницу, но Елена и Светлана знают, какая она шутница, и дружат с ней уже много лет,

несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте. Валя, на их взгляд, особенная, ни на кого не похожая, часто парадоксальная. Её неординарность привлекла их внимание с момента знакомства.

Всё началось буквально на третий день её трудоустройства в управление, где Светлана и Елена работали начальниками отделов. Удивительным образом все трое оказались в числе делегации, которая поехала с ответным визитом в Казахстан. Женщины ехали в микроавтобусе в центре кавалькады, сопровождаемой спереди и сзади милицейскими машинами, которые всю дорогу до самой границы с Казахстаном оглушали окрестности sireнами.

Елена и Светлана, познакомившись с Валентиной, держались обособленно, обращались друг к другу только по имени – отчеству, разговаривали почти шёпотом. Валентина почти всю дорогу смотрела в окно, отвечала на редкие замечания коллег спокойно, держалась с достоинством.

Хлебосольный прием в Петропавловске объединил женщин. Они стали общаться доверительно и просто, а всю обратную дорогу в салоне автобуса звучали их веселые голоса и искренний смех. Теперь они обращались друг к другу просто по имени, хотя Вале еще не могли сказать «ты», учитывая её возраст. Света и Лена забавно описывали свою первую реакцию на её появление в автобусе. Увидев в руках новой коллеги упакованную в чехол одежду, обе немного смутились. «Ничего себе, фифа», – подумали они одновременно.

Им и в голову не пришло, что Валентина не стала надевать в дорогу офи-

циальный костюм потому, что он был из мнущейся ткани, а не для того, чтобы показать, что она птица высокого полёта и, как иностранка, возит с собой запасную одежду.

После командировки женщины стали постоянно общаться, часто в технический перерыв вместе пили чай, становясь с каждым разом ближе друг другу. Их объединяли общие профессиональные интересы и личная симпатия. Оригинальность мышления и жизнелюбие Валентины не переставали удивлять Светлану и Елену.

Однажды Света ворчала, наливая чай подругам:

– Не люблю свои дни рождения! Что за радость – стать на год старше? Одни хлопоты от застолий: готовить и кормить гостей. А результат – гора невымытых тарелок.

– А я люблю свой день рождения! – заявила Валя.

Подруги с удивлением посмотрели на неё.

– Никто не верит, а я, правда, люблю. Это только мой праздник, больше ничей. Да, я стала старше. Но какое счастье, что я дожила до этого возраста! Так здорово, что меня все помнят и поздравляют. В такие дни я вижу, что я нужна, что меня уважают и любят. Классно! Я весь день порхаю, как бабочка. И это ничего, что накануне я не отходила от плиты, что я устала. Зато в день рождения я чувствую себя королевой.

Валентина часто удивляла подруг высказываниями по разным поводам. Она говорила вслух то, что все думали, но не решались озвучить. Точность характеристик, видение сути проблемных ситуаций, поражали коллег. Было понятно, что Валя хорошо разбирается в людях, понимает глубинные мотивы их поведения. Природная интуиция помогла ей мгновенно почувствовать, с кем она имеет дело. И это было тем более поразительно, что все её прогнозы в отношении развития той и иной ситуации со временем полностью сбывались.

Однако её сегодняшнее заявление было вообще за гранью понимания.

Подруги, которые теперь работали

в разных организациях, по сложившейся традиции, несколько раз в год встречались в ресторане. Это бывало теперь не так часто, как хотелось бы. Иногда они чуть с опозданием отмечали женский праздник или Новый год. Иногда, соскучившись, собирались спонтанно в обеденный перерыв, чтобы только повидаться и почувствовать дружеское тепло. Они решили обходиться без подарков в дни рождения, а вместо них баловать себя вкусными блюдами и приятной беседой.

– Откуда ты это узнала? Кто тебе это сообщил? Пришельцы? – смеясь,отреагировала Светлана.

– Зря смеетесь. У меня есть документальное подтверждение.

– Даааа? Серьёзно? – веря и не веря, включилась в беседу Лена.

– Вполне! Ещё в студенческие годы я обращалась к врачу по поводу сильных головных болей. Мне сделали рентгеновский снимок черепа и обнаружили за турецким седлом – там, где область третьего глаза – ромбовидное тело абсолютно правильной формы, высотой примерно два сантиметра.

– И что это? – сказала Света.

– Как что? Это инопланетный микрочип! Вы думаете, почему я всех людей насквозь вижу? Третий глаз у меня открыт! Поэтому обмануть меня практически невозможно. Вот, например, сейчас вижу, что вы обе хотите поднять тост за именинницу, за меня, то есть! – сказала Валентина и рассмеялась, видя, что подруги с облегчением выдохнули.

– За нашу замечательную именинницу! За тебя, Валя! – дружно, почти хором сказали Светлана и Елена, подняв бокалы.

– За нас, девочки! За нашу удивительную дружбу! – лукаво и, одновременно, загадочно улыбаясь, поддержала тост Валентина.

P.S. А документальное подтверждение все-таки есть! Станный рентгеновский снимок с ромбовидным телом за турецким седлом Валентина сохранила на память. Ну, вот. А теперь, хотите – верьте, хотите – нет...

Откровения социального элемента

Как не хочется быть «социальным»
Пенсионного фонда, клиентом,
И уже жить с прицелом недалёким,
«Отработанным» быть элементом.

Экономно считать в магазине,
Где продукты лежат по ранжиру,
И, на цифры смотря на витрине,
Думать: выжить бы, сейчас не до жиру.

И рубашки донашивать можно,
Ну и что, что давно уж не модно.
Коль беречь, да стирать осторожно-
Лет на пять ещё хватит, свободно.

Только пять лет – огромные сроки!
Для коленей, «скрипящих» к «погоде»,
Жаль, не сменишь, как тапочки, ноги,
Хоть и носят тебя ещё вроде.

Не поймет нас молодых поколение:
Дескать, срок свой пожилы – и хватит,
Срок «дожития» вам с разрешенья
Удлинят, но куда его тратить?

Вы ж теперь «элемент социальный»,
Пенсионного фонда забота,
И ущерб вам ведь платят моральный
За учтённую раньше работу.

Я «не плачу, отнюдь, не рыдаю»
Как нам пел наш кумир на экране.
И спина пусть к погоде страдает,
Полежу в этот день на диване.
И пусть цифры порой на витринах
С кошельком моим не совпадают –
Буду реже бывать в магазинах,
«Заморожу» бюджет, не растает!

В рассуждение дальнейших «прицелов»
Не спешу, ведь никто же не знает,
Где конец, где начало пределов,
Что найдёт, и когда потеряет.

Наша жизнь - колесо

Наша жизнь – колесо на дороге-судьбе:
То на гору скрипит, то под гору.
Коль зажётся?! – Гореть!
Коли боль – так терпеть,
И дадут тебе вряд ли, где фору.

Лишь, от обода след будет виден вдали;
Здесь родился, тут гнал время лихо,
Здесь кому-то помог, тут тебе помогли,
Здесь сказал про любовь слова тихо.

Пусть ошибся не раз,
лишь бы понял потом:
Подбирать себе груз надо впору,
Защищая свой дом хоть хлыстом,
хоть крестом,
Знай, что друг не придет к тебе скоро.

В наши дни сто колес хоть в упор,
хоть вдогон
Переедут твой след без разбора,
Передернут затвор, и дошлётся патрон,
Начинённый безжалостью скорой.

Остановлен твой бег, не скрипит колесо,
И дорога теперь лишь под гору.
Тонкой памяти след, да в морщинах лицо,
Пыл остыл, и затихли все споры.

Старый альбом

Я, наверно, вступаю в ту пору,
Когда поздно о чем-то жалеть,
Когда стихли, так важные споры
И не можешь уже ты гореть.

Остаются из всех восприятий
Только в памяти лучшие дни,
Да альбом, мой надежный приятель,
Мы с тобою оттуда одни.

Краткий миг подарил обаянье
Всех друзей, вы сейчас далеки.
И вернул из судеб-расстояний
Дни, когда все мы были близки.

Старых фото, картинки из детства
Для меня ты альбом сохранил.
И, как в песне «найти где мне средство»,
Чтоб то время опять посетил.

Собирали ты кусочки мгновений
В снежно-белых объятьях страниц,
Отраженья моих поколений
Из больших и из малых частиц.

Наши старые фотоальбомы,
В вас останемся. После, потом,
Небеса когда станут нам домом,
Сберегите нас в кадре простом.

Необратимость

Исчезают события, факты,
Остаётся лишь даты значимость.
Через вёрсты житейского тракта
Понимается необратимость;

Детства, юности, первых свиданий,
Добрых слов, мимолетной улыбки,
Горьких слез, неизбежных прощаний,
Невозможность исправить ошибки.

Пробуждения жизненных соков,
Увядания неоспоримости.
От страданий ухода до срока,
Чтобы где-о вновь сердце забилося...

Принимая безропотно старость
Или снова себя открывая,
Так не хочется чувствовать жалость
В поколение, что жизнь утверждает!

Так не хочется этого факта,
И неважна уж дат тех значимость.
Цепь событий житейского тракта
Принимаю, как необратимость.

Самоизоляция

Седьмое апреля.
Зима возвратилась,
А только недавно
Со всеми простилась.

Долги января,
(надо так понимать),
Решила метелью
Сегодня отдать.

К бордюрам трусливо
Прижались машины.
Ведь только вчера
Поменяли резину!

Сугробы растут,
Как грибы, на глазах,
И ветер свистит
И гудит в проводах.

А тут еще вирус
Откуда-то взялся,
Из прошлых пророчеств
Кошмаром прорвался.

Вдогонку за нефтью
Наш рубль бросает,
И кризис масштабный
Разрухой пугает.

Программа ТВ –
Из одних «сидидома»,
А лица ведущих
До боли знакомы!

Читают, «вещают»
И нас просвещают,
И к лету порядок
Ввести обещают.

И граждане верят –
Законопослушны,
А что ж еще делать?
Терпи, если нужно!

Но все ж потихоньку
Рассаду сажают,
Готовность теплиц,
Инвентарь проверяют.

Как срок подойдет,
Так посадят картошку,
И, как говорится:
Всего понемножку.

Пусть только природа
Режим соблюдает;
Пусть вовремя снег,
И пусть вовремя тает.

Вот так, из «озимков»
Стишок мой родился.
В тетрадь записать –
Карандаш пригодился.

Вот вЕдь «изоляция»
Штука какая!
Сию, сочиняю,
А люди читают.

Мир во мне

Хочу жить каждый день – как последний,
Всё успеть (может, это смешно),
Да, менять серебро на грош медный
Я привык так легко, так давно.

Хочу знать: какой век мне отмерян,
Да, об этом не скажет никто.
Может, он уже в прошлом растерян
По дорогам за счастьем-мечтой?

Поколения маленькой долей
Быть когда-то на этой земле,
И, мечтая о призрачной воле,
Все ж хотеть, чтоб был сыт и в тепле.

Кто вложил в нашу душу живую
С невозможностью всё совместить:
Быть счастливым, невзгоды минуя,
А в несчастье – врагов всех простить?

Не объять необъятное – знаю.
Не открыть, что открыто другим.
Неужели себя пролистаю
И исчезну, как призрачный дым?

Мир вокруг – дань изменчивой моде.
Мир во мне – тот, что сам я постиг,
Что живем мы – спасибо природе,
Для неё мы – коротенький миг.

Я, конечно же, всё не успею,
Да и нужно ли думать о том?
Но притронуться к счастью – посмею.
К счастью, что приходило в мой дом.

Сон

Мне приснилось сегодня то время,
Когда жизнь бесконечной казалась,
И шагал я уверенно с «теми»,
С теми, с кем мне о счастье мечталось.

Знал, что нужен, и знал, что сумею
И успею открытия сделать,
И сомненья легко я развею,
И за новое брался я смело.

Мне приснилось: домой возвращался,
Маячками окошки светились.
Трудный день мне счастливым казался,
Меня ждали, а значит, любили.

И наивные мысли о счастье,
Как о чем-то доступном, попутном,
Я откладывал, чтобы в ненастье
Вспомнить их, когда будет мне трудно.

Сон прошёл. Да, ведь так всё и было,
Но сместились пространство и время.
По щеке лишь слезинка скатилась,
Подсказав: лучший день мой был с «теми».

Пусть к нам сны о прошедшем приходят.
Пусть тревожат и пусть направляют.
Нас за руку из прошлого водит
Наше счастье, что было. Я знаю!

Я не был первым никогда

Я не был первым никогда,
Но неплохим вторым среди прочих,
И утешал себя всегда:
«Я лидер среди разнорабочих».

К тому ж, без первых нет вторых,
Как без вторых нет первых,
Тогда зачем хлестать гневных
И тратить попусту всем нервы?

Такой же финиш у вторых.
Такой же точно, как у первых!

Не первый

Выжигает бензин
 трасса,
Стоп-сигналы в пыли
 первых
Я давлю на педаль
 «газа»,
Отвечает мотор
 верный.

Обгоняя других,
 слышу
Зов азарта победной
 власти.
Обгоняют меня
 – спишут,
Не заметят, какой
 масти.

Ну а тот впереди,
 кто первый,
Оглянувшись мне вслед,
 скажет:
– Не растрачивай зря
 нервы.
И не стоит пытаться
 даже.

Вот, отстал и забыли
 сразу,
Хоть и есть у тебя
 силы,
Но я первого слышу
 фразу,
На душе, хоть жара,
 стыло.

Я его догоню,
 точно!
Из вторых снова буду
 первым...
Но в кильватере третий –
 прочно,
Значит, дело моё
 скверно.

Снова круг, снова стали
 скрежет,
Я дорогу ловлю
 устало,
И опять впереди –
 те же,
Обогнавших огни
 стоп-сигналов...

Ода ванне

(посвящается горожанам)

«Набуровлю» воды в ванну
И добавлю шампунь пенный,
И представлю всю жизнь многогранно,
И шагну я за край вселенной!

Окунусь с головой в воду
И закрою глаза в умиление:
Независимо от непогоды
Получу я в тебе наслаждение!

Не нужны мне моря, реки,
Даже думать о них – странно.
Вам спасибо, далекие греки,
Что придумали вы ванну!

Что за дивное сооруженье!
Только тут отведешь душу,
И, отбросив одежду снаряжение,
Водопад будешь крана слушать.

Я подбавлю воды горячей,
И мочалкой натрусь нежно.
Просто я не могу иначе:
Я в Сибири родился снежной.

Смотрит душ со стены строго,
Слёзы-капельки падают в воду;
«Разве можно так лить много,
В ванне «булькаться» взяли моду!»

На дворе уж в разгаре лето,
Отключили давно отопленье.
Только солнце за тучами где-то,
На дверях же висит объявление,

Что отключат воду горячую,
И, возможно, холодную в кране.
Так что, я не могу иначе,
Буду петь дифирамбы – ванне!

А, в инете всё блогеры, блогеры...

А в «инете» всё блогеры,
Как старушки на лавочке.
ОБС - служба старая,
Заполняет эфир.

Стало модным занятием
Собирать слухи разные,
Нахватавшись верхушечек
Удивлять грешный мир.

Не заботясь о верности,
Не страдая о точности,
Безответственно, ляпами
Выдаёт за свое.

Да ещё поучительно,
Беспардонно, безграмотно
Простодушным читателям,
То есть нам, продаёт.

И «бабосики» капают
В кошельки электронные,
Ведь по зёрнышку курочка,
Потихоньку клюёт.

И не надо горбатиться,
И не надо заботиться,
Яндекс – штука надежная
В дом «что хошь» принесёт.

Все словечки проплачены,
И рекламой всё схвачено,
В новый век информация
Стала литься рекой.

Родилась популяция;
ОБС - как формация,
Впарить ближнему фикцию –
И вперед! За другой.

Что нам делать, сограждане,
Вместе всем или каждому?
Коль кругом профанация
И неверье в слова.

Не создать ли нам фракцию,
Предлагаю вам, братцы, я:
Не читать впредь «сенсации»,
Под названьем «молва».

Вот, такое вот веянье
В интернете посеяно,
ОБС – вещь серьезная,
Опасайтесь, друзья.

От прилипчивой глупости
Один шаг нам до тупости,
Хоть реакция каждого
В этом деле своя.

(P.S. ОБС – одна баба сказала)

ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ...

Когда человек влюблён, или ему кажется, что он влюблён, что в принципе одно и то же, главное – верить в своё собственное чувство... Так вот, когда человек во власти этого чувства, то у него вырастают крылья, появляется желание лететь, мчаться к любимой сломя голову, преодолевая пространство и время, неблагоприятные метеоусловия и прочие препоны.

Именно об этом всё преодолевающим чувстве и думал молодой человек, сидящий в плацкартном вагоне поезда, идущего в областной центр. Состав мчался через заснеженную лесостепь. Мелькали за окном берёзовые колки, перемежающиеся пушистыми ёлками, станции и полустанки, отдельные постройки с милой деревенской архитектурой. Николай учился на третьем курсе, получая художественное образование, потому не по рассказам знал и ценил прелести и красоты Зауральской природы. По приглашению своей однокурсницы мчался к ней, чтобы вместе встретить Новый год.

Они познакомились, когда проводили пленэр на природе. Правда, она была на школьном отделении, но это не мешало им часто встречаться, и он влюбился. И сейчас сердце вторило перестуку вагонных колес. Его сладостные грёзы прерывали лишь кратковременные остановки поезда...

Но вот и областной центр. Быстрее на автовокзал! Встал в очередь за билетом в село, где жила его любимая. Предстояло ещё пару часов ехать на автобусе. В очереди перед ним стоял курсант военного училища. Стройный, подтянутый, с сумкой на плече. Он взял билет на этот же автобус. В автобусе, оказавшись рядом, познакомились и разговорились. Ещё большим доверием прониклись, когда узнали, что оба едут к любимым девушкам.

Но вот и село. Выйдя из автобуса, пожали друг другу руки и простились. Уже вечерело. Николай, справляясь у редких прохожих, легко нашёл нужный адрес.

Каково же было его удивление, когда он заметил, что с другой стороны к этой же калитке подходит знакомый курсант! Тот тоже замедлил шаг, недоумённо глядя на Николая...

В калитку вошли вместе. Встретила

звонким лаем маленькая живая собачонка, из числа тех безобидных шавок, что не кусаются, но, как звоночек, обращают на себя внимание сородичей, а уж те своим разноголосым лаем всполюшат всех людей, живущих в округе.

Навстречу открылась входная дверь, и на крыльце в наспех накинутой фуфайке и валенках на босу ногу появилась она – Ольга! Заполосно глянув на парней, она закрыла пунцовое лицо руками и промчалась мимо опеших женихов в раскрытую калитку. Парни растерянно переглянулись, потоптались во дворе, но поскольку изрядно продрогли, то решились-таки войти в дом. Собачка не возражала, лишь обнюхала их сумки, из которых пахло очень вкусно.

Войдя в кухню, в которой никого не было, разделись и сели поближе к печи. Оба обескураженно молчали. Так бы и сидели, но тут в сенях скрипнула дверь. На пороге появился пожилой мужчина в полушубке с лицом истинно сельского труженика. Из-под шапки-треуха смотрели добрые, располагающие к себе глаза.

– Чо, робя, невеста убежала? Да простите уж вы её!.. Я Ольгу с детства знаю, девка хорошая, ладная. Родителей нет. Померли. Воспитывает тётка. Учится в училище, мы всей роднёй ей помогаем. А что вскружила вам голову, так вы поймите её... Живёт девка в такой глуши, она ить была уверена, что к ней никто не наосмелится приехать. А вы, я вижу, мужики порядочные... Ну, а Новый год-то всё равно встречать! Не кручиньтесь, это такой праздник, что всё случается, и все мирятся!

С этими словами он поставил на стол потрёпанную кирзовую сумку, извлёк из неё трёхлитровую банку с настойкой, которую назвал «голбешным кагором», и всякую домашнюю снедь. Включили телевизор, начали подтягиваться гости, стали знакомиться, новогодний праздник начинался. Вернулась и виновница переполоха...

Вот такая вот произошла история. А Ольга нашла себе достойного спутника, сейчас у них большая семья. Я же всем влюблённым желаю, чтобы они не путали влюблённость с увлечением. И, чтобы поговорка «За двумя зайцами погонишься...» не имела продолжения.

Я боюсь пустоты

Я боюсь пустоты!
Знаешь, это, наверно, мой крест.
Всё, что было со мной,
оставляло немало отметин.
Сколько б не было зла,
мне на всё невозможно ответить,
Даже если в душе
нарастает и жжётся протест.

Я боюсь пустоты!
Настоящей, незримо-живой.
Где на выдох и вдох
у мечты ничего не сложилось.
Боль горчит на губах...
Пусть от этого я изменилась
И осталась одна
в этом мире былинкой слепой.

Я боюсь пустоты!
На пороге ненужных забот,
У подножья скалы,
что меня укрывает от встряски.
Вновь в себе нахожу
то, что нужно судьбе для развязки,
Но опять ускользну,
закрывая себя от невзгод.

День сурка

В этом мире кривых зеркал
Я устала искать ответы,
Открывая свои секреты,
Собирая себя в куплеты

И встречая ТВОИ рассветы
Там, где ты никого не ждал.

На подарки судьба скупа.
Никогда не подаст надежды.
Только плещется вновь безбрежный
Ветер — радостный и мятежный.

И смотрю в небеса я нежно,
Хоть одна я, всегда одна.

От себя никуда не уйдёшь.
Я люблю этот мир до дрожи.
И скользит по горячей коже
Холод тот, что сдержать не можешь.

День сурка? Ну и что же, что же?
Ты меня всё равно найдёшь.

Раскат непогоды...

Тут всего ничего
от последнего шороха трав.
Запах ветра и звёзд
над просторами заводи тихой.
У осоки порой открывается
каверзный нрав,
В потайных уголках
у природы пленительно дикой.

Тянет лёгкою дымкой
сгоревшего где-то костра.
Пахнет терпко травой
и топлёными сливками с кофе.
Вдруг пахнуло тревогой...
Но это всего лишь игра
На краю тишины,
что подобна почти катастрофе.

Соглашаться с собой мне не хочется —
это не смех.
Чуют запахи трав,
слышать тихое эхо природы.
Что случилось со мной,
будет просто подсказкой для тех,
Кто сегодня не слышит
далёкий раскат непогоды.

Не uznанный никем

Не uznанный никем в туманных бликах,
Я впитываю запахи осоки,
Где, выбившись из сил в боях жестоких,
Насквозь пронзённый день
исходит криком.

Случайное касание, как бритвой,
Подспудно оцарапало сознание.
А эхо — обладатель мироздания,
Баюкает неистовой молитвой.

В насмешку ли, случайно ли над миром
Текут молочно-белые туманы.
Бинтуя ими призрачные раны,
Я пользуюсь одолженным мне мигом.

Слова, слова...

А прямо за забором просто лес.
Берёзки на прогулку вышли стайкой.
А я опять с заветною тетрадкой
Бреду, как будто в бок толкает бес.

И бормочу слова, слова, слова...
Их много... Их так много! Боже правый!
А солнце утомлённо и лукаво
Заглядывает с нежностью в глаза.

Пока есть силы...

Кружить, кружить... пока слетает снег,
Пусть для меня – по замкнутому кругу.
Пока есть силы на безумный бег.
Но обгоняя яростную вьюгу,
Смерть выдернет из круговерти лет.

Пусть вся и всё, что было далеко,
Вдруг упадёт безмерно тяжким грузом.
И пусть порою будет нелегко,
Я, заключив союз с незримой Музой,
На все вопросы получу ответ.

И знание то даст снова силы жить.
Невежество теперь не по карману.
Пока держусь за призрачную нить
И не поддамся лживому обману
Среди снегов и яростных ветров.

Где упаду? Не скажет мне никто.
Ведь, может быть,
в круженье бесконечном
Пойму я: мне одно лишь суждено -
Отдаться в этой жизни скоротечной
В объятья мыслей и беззвучных слов.

Пустые улицы

Пустые улицы усталых городов.
Попав душой в таинственные сети,
Мы снова тонем в омуте столетий
Без права жить на свете без оков.

Как думаешь, дождь сможет
смыть следы,
А ветер поцелует тронет кожу?
А слёзы и молитва мне помогут
Забыть свои обиды и мечты?

Я помню всё. И только яркий миг
Даёт мне право жить на этом свете.
А умерев, воскресну на рассвете,
Чтоб нечто бесконечное постичь.

Я сегодня не одна

Ты знаешь, я сегодня не одна
В пустых застенках собственной души.
И мне сейчас не нужно тишины,
Чтоб осознать, как мне, увы, нужны
Простые и неспешные слова.

Я жду их от тебя давным-давно
Как тот глоток воды в полудний зной.
Когда шепнуть ведомому «Постой»,
Чтобы укрыться тонкой пеленой
Нет силы... и по сути всё равно.

Что ожидает в будущем меня?
Ведь главное – я вновь тебя нашла.
О, как же долго этого ждала,
Что все, что были, свечи я сожгла
Средь ясного и солнечного дня.

Ведь ты любила

Давай пойдем с тобой в апрель
Шажок за шагом.
Тебе открою тихо дверь
И буду рядом.
С тобою просто говорить,
Пусть о бредовом,
А значит, дальше будем жить
Мы в мире новом.
Давай сейчас забудем мы
О том, что было.
Ведь это происки зимы –
Душа застыла.
Но март отринул тишину –
Живая сила.
Давай шагнём с тобой в весну,
Ведь ты любила.

Сновиденья

Опять, минуя плен кривых зеркал,
Сама себя от них спасти пытаюсь.
Но волчий снова видится оскал,
Кажется, что с жизнью я прощаюсь.

А нужно–то всего открыть глаза
И сбросить груз тяжёлых сновидений,
Чтоб подсознанья вечная игра
Рассеяла остатки наваждений.

Лунное молоко

Пахнет прошлым лунное молоко.
Больно помнить.
Звать ушедшее нелегко.
Вдруг с ладоней
Между пальцами, словно простой песок,
Сыплет время.
Ветер целится мне в висок.
Нет! Не верю,
Что когда-нибудь стихнет напевный звон
Птичьей песни
И в груди моей оборвётся стон,
С болью вместе.

Давным-давно

Давным-давно уставший верить
в реальность призрачной мечты,
Ты продолжаешь взглядом мерить
размеры вечной пустоты.

Той, что осталась после боли,
скользнув сквозь пальцы, как вода.
Где, отмечая все события,
тебя оставят навсегда
На этой крохотной планете.
Где рядом друг, твой верный Лис.
За тихий свет звезды в ответе
и Лис, и ты, и я, и принц.

Умирает зима

У меня за окном
умирает зима тихонько.
Жмётся к стенам домов и
шуршит по покатым крышам.
Скоро слёзы её застучат
по карнизам звонко,
Чтобы даже глухой этот звон
непрерывно слышал.

А пока... умирает зима...
И в соседнем сквере
Все сугробы, скукожившись, ждут,
что придёт расплата.
Я согласна давно
С этой горько-нужной потерей.
Потому что сама в этом холоде виновата.

Нелюбовь...

Я целую твоё предплечье,
Прижимаюсь к нему щекой.
Нас с тобой захватила встреча...
И тому нелюбовь виной.

Будни, молча, ушли с дороги.
Тонут в чувствах душа и свет.
Без тебя зависали строки,
А теперь, что ни стих - сонет.

Отвергаю в словах подтексты,
Недосказанность обхожу.
И, твои повторяя жесты,
Как в тумане одна брожу.

Заплутав в паутине улиц,
Потеряла себя и суть...
Я к любви едва прикоснулась,
Чтоб опять в нелюбви тонуть.

Пишу...

Задумчивый мой, нежный,
Здравствуй снова.
Не устаёт писать тебе рука.
Она по строкам вновь бежать готова,
Пока плывут по небу облака.

И мысли чередой
В строку ложатся
И множатся, цепляясь, за листы,
Тебя, возможно, вынудив смеяться,
Меня лишив на время пустоты.

За окнами метель тоскливым воем
Рвёт душу, словно струны, что есть сил.
А я тебе пишу...
Пишу запоем...
Жаль, ты меня об этом не просил.

Господи, знаешь...

Господи, знаешь, если в короткий миг
Мир мой неожиданно рухнет
к твоим ногам,
Я умоляю, дай дописать мне стих,
Ну а потом швыряй меня всем ветрам.

Если решишь ты,
что я недостойна жить,
И на судьбе захочешь поставить крест,
Я умоляю, дай мне любви испить,
Той, от которой ангелом станет бес.

Если оставишь мне на раздумье день,
Чтобы подумать, как мне себя спасти,
Ты проследи, чтобы стало
в душе ясней.
Впрочем, ты знаешь, лучше грехи прости.

Глупая душа

Я от себя сбегаю в Зазеркалье.
Там снова верит глупая душа,
Что, несмотря на годы расставанья,
По мне грустишь ты, память вороша.

Я рук твоих тепло хотела вспомнить,
Чтоб из-под ног опять ушла земля.
И чтоб, как раньше, нежные ладони,
Качая, убаюкали меня.

Наивно верить, что вернуть возможно
Былое отражение зеркал.
Но где - то там...
(я чувствую подкожно)
Ты вспоминать меня не перестал.

Вкус на губах...

Вкус на губах от слова «пустота»
Горчит и жжёт несбывшейся мечтой.
За окнами немая темнота
Ложится в лужи вечною тоскою.

Осенний ветер бьётся в проводах,
Как в клетке только пойманная птица.
И, навернувшись, слёзы на глазах
Уже готовы по щекам скатиться.

Воспоминанья облаком листвы
Асфальт укроют ярким покрывалом.
А я хочу с судьбою быть на «ты»,
Чтоб не узнать вкус слова «опоздала».

Тишина

Как хочется порою тишины!
Без хлопанья дверей, вопросов, вздохов.
Без медленно летающей листвы,
Где шорохи по венам кровотоком.

Как хочется порой побыть одной,
Чтоб звон в ушах от тишины в квартире.
Чтоб телефон не нарушал покой -
И ты одна...
Одна в подлунном мире.

Самой себе, наверное, лгала
Душа...
Когда об отдыхе мечтала.
И так упорно тишину ждала.
Она пришла...
Я от неё устала.

Вдруг...

А мне вдруг весны захотелось отчаянно!
Где небо прозрачное, солнцем согретое,
Где сердце красавицы взглядом ужалено,
И вновь вдохновение – яркое, светлое.

А мне вдруг весны захотелось неистово!
Над бурной рекою – свидания тайные.
И чтобы в глаза твои
пристально-пристально,
И шёпотом, нежно, слова небанальные.

А мне вдруг весны захотелось до одури!
Чтоб канули в лету печаль и депрессия.
Мне хочется крикнуть,
да так, чтоб все вздрогнули.
Мне хочется всех вас лишить равновесия.

Будем живы...

Снова дождик танцует сальсу
На проталинах среди снегов.
Что, зима, ты грозишь нам пальцем,
Словно видишь вокруг врагов?

И метелями вновь пугаешь
Нас, забывших тепло и свет.
Только мы не боимся! Знаешь,
Я открою тебе секрет.

Надоело устало верить
В то, что время твоё прошло.
Лучше настужь открою двери,
Чтобы в дом ворвалось тепло.

Нынче послана кем-то свыше
В наказание всем война.
Но пищат воробьи под крышей:
– Будем живы! Идёт весна...

За словом - слово...

Закрыв глаза...
Пройти по кромке фраз,
Что не дают покоя до рассвета,
Задать вопрос звезде и ждать ответа,
Пока с рассветом блеск их не угас.

За словом слово собирать в венок
Покрытые росой весенней чувства.
Забыв, что могут обвинить в безумстве.
Подняться в небо, словно ветерок.

Души ожоги и свою тоску,
Как подорожником, лечить словами.
И, на колени встав пред образами,
Благодарить за каждую строку.

Ты дыханием своим...

Ты дыханием своим мне греешь руки –
Я в смущении пытаюсь их отнять.
Может, это всё у нас с тобой от скуки?
Только мне тебя не хочется терять.

Тихий вечер... Встреча будто бы случайна.
Взгляд, улыбка и недолгий разговор.
Для меня ты неразгаданная тайна,
Что крадет покой и сон мой, словно вор.

Тихий вечер... Ты дыханьем греешь руки,
А душа трепещет, требуя тепла.
Я лечу стихами раны от разлуки
И с тобой хочу быть.... Если бы могла!

Сгорать, возрождаясь

Когда ты доходишь до кромки земли,
Объятья небес нестрашны.
Луны серебро заплетая в венки,
Шагнуть в пламя вечной войны.

Сгорать, возрождаясь, – нет муки страшней.
Ведь с бесом играть в поддавки
По силам тому, кто душою сильней,
Тому, кто живет вопреки.

Без страха пройдя напролом сквозь века,
Расправив крыла за спиной,
Подставишь лицо налетевшим ветрам,
В них свой обретая покой.

Последний день весны

Рассвет последний и закат прощальный
Нам дарит уходящая весна.
И дождем в окно, звонком хрустальным,
Морзянкою стучит любви слова.

Отбушевав вишнёвым снегопадом,
Под трели очумевших соловьев
Уйдёт.
Рассвет даря в награду,
Залитый ярким летом до краев.

Не нарушая вечные каноны,
С обрыва
Улетающей тоской,
Она шагнет, не проронив ни стона.
Исчезнет незаконченной строкой.

Я случайно...

Я случайно шагнула в небо.
Белой пеною облака
Под рукою пушистым снегом.
Даль бескрайняя вновь близка.

Так и тянет нырнуть в бездонье
Под ногами скользящих вод.
Зачерпнуть облака в ладони,
Прогуляться по небу вброд.

Улететь, упорхнуть синичкой,
Руки - крылья отдав ветрам.
Чтобы стало моей привычкой
Доверяться вот так мечтам.

Дом у дороги

У края дороги стоит
обветшалый домишко,
Забывший, что значит хозяин.
Покинутый всеми.
Он так одинок...
Одиночество – это уж слишком,
Но прошлого бродят по дому
забытые тени.

За плинтусом мышь
догрызает последнюю свечку.
В углу паучиха плетёт
смертоносные сети.
Сверчок забронировал место
у старенькой печки,
А вечный сквозняк
размечает по комнатам сплетни.

Случайным прохожим
сюда не проложена тропка.
Не скрипнет калитка,
гостей дорогих приглашая.
Так в жизни бывает.
Достань же граненые стопки,
И выпьем за старость...
Седины её уважая.

Мой мир из грёз

*Мне грустно, бес. Посмейся надо мной
за глупую беспочвенную веру
в отсутствие кинжала за спиной
и в то, что мир теперь не чёрно-белый*

Светлана Ширанкова

Мой мир из грёз, что душу согревают,
Влечёт меня неистовой волной,
В которой, утонув, ещё жива я.
Мне грустно, бес. Посмейся надо мной.

Поток лучей уносит в пропасть дня
С рассветом позабытую химеру.
И вновь теряю я саму себя
За глупую беспочвенную веру.

С надеждою ловлю опять мгновенья,
Найдя в твоих объятиях покой,
Отбрасывая в сторону сомненья
В отсутствии кинжала за спиной.

Посмейся, бес. В наивности своей
я, как всегда, не чуяла предела.
Пропала вера в то, что нет цепей
И в то, что мир теперь не чёрно-белый.

Дожди

Зябкий вечер среди жары
плечи кутает в палантин.
Погибаю от духоты,
но молюсь и шепчу: «Аминь.»
Подсознание горит огнём.
Бьёт по нервам прощальный взгляд.
Все когда-нибудь мы умрём...
Просто знать – нелегко принять.
Шаг за шагом иду вперёд,
каждой клеточкой чуя боль
Тех, кто ждал, но уже не ждёт,
счётчик жизни смотав на ноль...
Поздно каяться, не с руки.
Рухнул мир и лежит в ногах.
Блик дрожащей в руке свечи
отражается в зеркалах.
Невозможно предугадать -
где себя вновь смогу найти.
По прогнозу придётся ждать -
целый месяц дожди, дожди...

Стенаем и ропщем:

Дождь; нет настроенья!
А дождик-то, в общем,
Совсем не осенний!
Без свиста и воя
Взбесившихся ветров,
Игры над трубою
Печную «оркестров».
Без листьев, что под ноги
Ветер швыряет,
Безжалостно, подолгу
Ими играет.
Печалью не гложет
Дождь душу нисколько,
Лишь чуть-чуть тревожит
Задорная «полька»:
То громче, то тише,
То вовсе истошно
Танцуют на крыше
Капли-горошины.

Грачи

На рассветном небе тучею
Бесконечную грачи.
Гонит сила их могучая,
На крыло подняв в ночи.
Облепили обнажённые
Ветки клёнов, тополей;
Чёрные, как обожжённые,
Ходят рядом, по земле.
И канавы придорожные
Тоже их, грачиный мир –
Позабыв часы тревожные
Собрались на «званный пир».
И на поле свежееубранном
Вижу их, за рядом ряд.
Тут свершают птицы мудрые
Свой таинственный обряд!
В ритуальном «танце» кружатся,
(Может, так оно и есть?);
То попьют воды из лужицы,
То зерно нагнутая съесть.
Кажется, что птицы истово
За поклоню бьют поклон,
К Богу обратясь с молитвою,
Чтоб к ним милостив был Он.

Проба сил

Словно забавляется
Осень, силы пробуя.
Красота особая.
Под ноги, как к празднику,
Бросила дорожки –
Красные, нарядные:
Да то осинки-крошки!

Ели сплошь завесила
Шишками отборными;
Клён кивает весело
Листьями узорными.
Нарядила в жемчуга
Скромный снежнотодник;
Одуванчики в лугах
Все в уборах свадебных.
Днём нас радует теплом,
Льёт росы горошины.
Целый мир стал полотном
Для маэстро-осени!

Символ лета

Сколько песен о берёзе спето!
Сколько книг написано о ней!
Для меня берёза – символ лета,
Символ стороны, что нет родней!
Флёром нежных листиков стыдливо
Плечи оголённые укрыв,
Летнего тепла ждёт терпеливо,
Свои косы до земли склонив.
Обнимая ствол её шершавый,
Слушая чуть слышный листьев шум,
И, щекой к берёзе припадая,
Умиротворения прошу!

Крик души

На шабашах нацистских глотки рвёте,
Вопите: «Москаляку на ножи!»,
И ждёте, что в Евросоюз войдёте.
- Да только вы Европе не нужны!
Вас в зомби превратили кукловоды,
Накачивают щедро наркотой;
Кричите вы про «неньку», про свободу,
А вас цинично гонят на убой!
Стреляете по городам с упорством,
Взрывчаткой начинаете поля...
И вас, не принимая даже мёртвых,
Отринула и прокляла земля!
Провозгласил поход крестовый клоун,
И злобно изрекает: «Русь падёт!»
Почувствовал себя Наполеоном,
Забыв, чем кончился его поход.
Страну мою поработить пытались
Француз и немец, лит, поляк и швед.
Отпор такой пришьельцы получали,
Что убегали прочь, не взвидя свет!
Усвойте же истории уроки:
И ты, хохол, и подлый англосакс,
Ваш мир – мир подлости и лжи, порока,
И неприемлем мир такой для нас.
Нам Бог поможет с сатаной сладить,
И Богородицы Покров святой;
Мы землю нашу не дадим изгадить –
Вот наш зарок, вот наш ответ простой!

Болит душа

Болит душа, и сердце плачет...
Из песни выдернув слова,
Я понимаю, что иначе
Сказать могла бы я едва.
Как будто мы вернулись снова
На восемьдесят лет назад;
Вновь наши мужики готовы
За Родину, Россию встать!
Вновь на вокзалах провожают
Парней российских на войну,
Вновь славу вечную стяжают
Те, что не предали страну.

Вопросы и ответы

Другие нынче отвечают
Про А и Б, что на трубе!
Мы ж, каждый новый день встречая,
Вопросы задаём себе:
«Всегда ль ты был, как пишут в книжке,
С другими честен и с собой?
И не была ли жизнь пустышкой?
Как омут, тихой? Как прибой?
А люди – те, что были рядом,
Согрелись ли твоим теплом?
Или под равнодушным взглядом
Случился в их душе надлом?»
И вот на них, как ни пытайся,
Порой не радуют ответ.
Достоин жизнь прожить старайся,
И свой закат достойно встреть!

Мои сны

Я пишу о стороне родной,
О ином я просто не умею! –
Стороне, что даже в снах со мной,
Перед чьей красотой немею.

Снится бор, пшеничные поля,
Взгорья и грибных оврагов шрамы,
Кряжистые, строем, тополя
И погост – приют отца и мамы;
Мелодичный звон лесных ручьёв,
День и ночь поющих миру славу;
Сосны, что стоят к плечу плечом,
Заливного луга разнотравье;
За рекой соседнее село,
Величавая громада храма;
Плеск воды негромкий под веслом,
Одуванчиков цветущих пламя...
Этой ночью, может быть, опять
Милые места во сне увижу;
Время что ли повернуло вспять?
С каждым годом прошлое всё ближе!

Мы не забыли!..

Мы не забыли огненные вьюги,
Через которые отцы прошли;
Хоть мы не замирали от испуга,
Когда снега свинцовые мели.
Под вой сирен в подвалы не спешили,
Чтобы укрыться от бомбёжки там;
На крышах зажигалки не тушили,
Где страх и смерть ходили по пятам.
Мы хлеб с осиновою корой не ели,
И в плуг впрягаться тоже не пришлось,
Не видели, как матери сидели
И выли от отчаянья без слёз...
Пусть сами мы войну не пережили,
Нам с кровью эта боль передалась;
Мы огненную вьюгу не забыли,
Что по стране и судьбам пронеслась.

АЛФАВИТ

— Помнишь, когда тебе исполнилось семь, мы стали придумывать свой алфавит? Не тот, который ты знала уже в пять, а наш с тобой. Только наш. Было воскресенье, день, когда Лена разрешала нам видаться. Мы сидели в машине. На улице лил дождь. Изнывая от скуки и не зная, чем заняться, ты достала из кармашка сидения блокнот, в котором мы обычно рисовали. Я уже не помню, кто из нас первым предложил придумывать новые буквы, но то, что первую букву записала ты, это я помню совершенно точно. Она была робкая и неказистая, наверное, потому что первая. Её линии «плясали» и завивались в какую-то замысловатую закорючку. Буква не была похожа ни на одну известную мне, да и вообще на букву она была мало похожа. Назвала ты её тоже необычно — «Утро». Я спросил:

— Почему «Утро»?

— Потому что! Потому, что каждый новый день начинается с утра! Потому, что солнышко появляется утром. Потому, что я родилась утром и вообще, папа, почему я должна разжёвывать тебе элементарные вещи? — сдвинув брови и придав лицу очень серьёзное выражение, выпалила ты.

— Хорошо, дочь. Тогда, следуя твоей логике, следующая буква обязательно должна называться «Кофе», — и я изобразил что-то похожее на кружку, над которой клубился пар.

— Это, папочка, следуя твоей логике! Это ведь ты у нас без кофе жить не можешь!

Возразить было нечего, и поэтому я снова согласился.

Вот интересно, почему люди, чем меньше знают, тем меньше сомневаются? Детей это касается в первую очередь. Наверное, потому, что ваша память еще не засорена огромным количеством информации и ещё большим количеством воспоминаний, которые словно старые игрушки в доверху набитой кладовой пылятся и ждут, когда их достанут. Некоторые иногда достают, чтобы стряхнуть с них пыль. Некоторым игрушкам везёт, ими делятся. Пока ты изображала следующую букву и думала, как её назвать, из кладовой моей памяти я достал одну из таких игрушек.

Летнее, воскресное утро. Яркое солн-

це нагло пытается раздвинуть шторы и заглянуть в спальню. Из раскрытого настежь окна одновременно с пением птиц доносятся звуки просыпающегося города. Тебе около двух. Ты спишь в своей кровати у стены, мило подсунув ручку под щеку. Лена, откинув лёгкое одеяло, тоже спит. Её длинные волосы, как продолжение солнечных лучей, которые не смогли пробраться в спальню, рассыпались по подушке. На красивом лице играет едва заметная улыбка. Я глажу её волосы, чувствую тепло, идущее от её тела. Какое-то время я лежу и люблюсь моими ангелочками, потом тихо встаю, умываюсь и иду на кухню готовить завтрак. Мне очень хочется сделать что-то приятное для моих любимых девочек! И пусть, это такая мелочь, завтрак, но я знаю, что Лене это точно понравится...

— Папа, ты где? — твой голос вернул меня в реальность.

— Извини, дочь, задумался. Ну что, какая буква у нас следующая?

— «Вода», только не спрашивай, почему!

— Хорошо, не буду. Я уже понял правила составления нашего алфавита — никаких правил. Сплошная импровизация.

— Какой ты умный, папочка!

— Тогда следующая буква будет называться, будет называться... она будет называться «работа».

— И как же ты её изобразишь?

Я задумался. Если вспомнить предпоследнее место работы. Я бы, ни секунды не колеблясь, изобразил эту букву в виде бутылки. Устроился на работу — надо обмыть, а то мужики не примут. Конец рабочей недели — надо отметить, а то коллеги не поймут, и так пошло, поехало. Дни рождения, премии, корпоративы и т.д. и т.п. Лена сначала терпела, потом стала ругаться, потом умолять, потом снова ругаться, а потом собрала вещи, переехала к маме и подала на развод.

— Папа, ты опять завис? Рисувай давай!

— Знаешь, что, а давай-ка изобразим её в виде осла!

— Прикольно!

С тех пор, если погода не позволяла нам гулять, мы придумывали буквы для нашего алфавита. Какие только закорючки мы с тобой не рисовали. И как только мы

их ни называли. Всё было хорошо, если не считать того, что твоя мама никак не хотела меня прощать. Боялась, что я опять сорвусь. Но я держался. Я приезжал к тебе каждые выходные. Я знал все твои тайны. Во всяком случае, я так думал. Ты росла на моих глазах. Всё было хорошо до тех пор, пока в нашем алфавите не появилась буква «зю». Буква, похожая на чёрную тучу и обозначающая горе, беду, трагедию.

У тебя обнаружили серьёзное заболевание. Нужна была срочная операция за границей, которая стоила больших денег. Очень больших денег. Потянулись недели тяжелых испытаний. Больницы, обследования, уколы, капельницы. Твоё состояние ухудшалось с каждым днём. Радио, телевидение, спонсоры, фонды. Мы собирали деньги. Деньги собирались очень медленно. А ещё мы помирились с Леной. Сначала, конечно, она винила во всём меня. Ругалась, кричала, плакала. Но потом по-

няла, что не время. И снова белые халаты, крашенные коридоры, твои осунувшиеся глаза. Письма, запросы, кабинеты, отказы. И так по кругу день за днём. Машину я продал, но наш блокнот носил всегда с собой, и, когда становилось совсем невмogu, я придумывал новые буквы. В нашем алфавите появились: «храм», «молитва», «вера», «надежда», «надежда», «надежда» ... Надежда угасала.

А потом вдруг из неоткуда появилась буква «чудо». Нашёлся волшебник, который сразу выделил всю недостающую сумму. Тебе сделали операцию. Ты идёшь на поправку, и скоро вы с мамой будете дома. Мы обязательно допридумываем наш алфавит. Мы втроём. Я уверен, есть ещё немало букв, которые обязательно надо придумать. Дочь, только чур, последнюю букву запишешь ты, даже, если она будет похожа на два маленьких холмика. Назови эту букву «память».

САПОГИ

Утром Коля был самым счастливым человеком! На улице стояла по-весеннему теплая погода. Ласковое солнце купало свои лучики в придорожных лужах. Поднимающаяся настроение, пели птицы. А Коля шёл в садик в новых резиновых сапогах. Синие, с серой полосой на голенище! Как они сверкали и переливались на солнце! Мальчик даже ноги старался поднимать повыше, чтобы прохожие могли, как следует, разглядеть его новые лакированные сапоги.

А вот дальше что-то пошло не так. Неудачи стали наматываться на день, как спагетти на вилку. Надо же было попасться на пути этой огромной луже и как раз в тот момент, когда Коля чуть приотстал от мамы. Мальчик решил испытать новые сапоги. Ну откуда он мог знать, что под водой притаился нерастаявший лёд? Когда мама заметила его пропажу, было уже поздно. Коля барахтался в грязной, холодной воде и никак не мог подняться. Мама, с трудом сдерживая смех, вытащила сына из лужи. От чистого опрятного мальчика не осталось и следа. Перед мамой с опущенной головой стояло чудо-юдо, с одежды которого, как с лохматого пса, стекали грязные струйки воды. Вылив воду из сапог, мама с сыном поспешили обратно домой, переодеваться. Коля бежал за идущей быстрым шагом мамой и плакал. Плакал не потому, что мама его отругала,

не потому, что ему было холодно и некомфортно в мокрой одежде, и даже не потому, что некоторые прохожие показывали на него пальцем, обращаясь к своим детям, а потому, что ему было очень жалко его новые сапожки, каждый шаг в которых отзывался противным чавканьем.

Коля с мамой очень спешили, но всё равно опоздали и на зарядку, и на завтрак. И если по поводу зарядки мальчик не переживал, то по поводу пропущенного завтрака немного расстроился, но ненадолго. Вскоре мальчиков разделили на две команды для игры в войнушку. Чтобы дети отличали своих от чужих, воспитательница, Ольга Владимировна, одной команде раздала пилотки, другой бескозырки. Коля попал в команду к морякам, где командиром назначили Сашку. Вот тут-то уже Коля расстроился по-настоящему, Сашку выбрали командиром только потому, что он был выше всех ростом в команде моряков. Разве это справедливо? Ведь Коля был ниже Сашки всего-то на два пальца! Кое-как смирившись с решением воспитателя, он решил в бою доказать, кто по-настоящему, достоин звания командира и... перестарался.

Коля бился, как лев. Громче всех стрелял из своего автомата «тра-та-та-та-та». Перебегал от одного укрытия к другому, перекачивался, как настоящий солдат, бросив гранату, и так увлёкся, что

не заметил, как вместо гранаты-мячика запустил кубик от деревянного конструктора и попал прямо в нос Мише из команды противника. Из Мишиного носа пошла кровь, игру тут же остановили, а команде моряков засчитали поражение. Настроение было испорчено окончательно...

Во время сончасы Коля долго ворочался и не мог уснуть, а когда уснул, ему приснилась настоящая война. Вокруг рвались снаряды и свистели пули. Едкий чёрный дым марал лицо и пробирался в нос. Коля, командир моряков, отважно вёл свой отряд в наступление на позиции противника. Его бойцы один за одним падали, сражённые врагом, но Коля героически продолжал наступление, пока не остался совсем один. Коварные враги окружили Колю и взяли его в плен. Поставив командира в угол, они решили выведать у него военную тайну, но Коля, как настоящий герой, молчал. Тогда враги, поняв, что от Коли им ничего не добиться, решили отпустить его. Но не тут-то

было. Коля отказался выходить из угла и продолжал упорно молчать. Враги даже отдали Коле его автомат, а он стоял. Ольга Владимировна попросила прощения у Коли за то, что засчитала морякам поражение, а он стоял. Сашка отдал ему свою мятную жвачку и пообещал больше никогда не быть командиром, а он стоял. Вот уже сначала мама, а потом и бабушка, со слезами на глазах, умоляют Колю выйти из угла... и тут мальчик проснулся. Несколько минут Коля лежал и вспоминал сон, а потом подумал, что если бы мама и бабушка попросили его выйти из угла, то он скорее всего согласился бы.

Забирать Колю из садика пришла бабушка и принесла его новые сапожки. Они были чистые и сухие, и блестели так же, как утром. По дороге домой бабушка крепко держала внука за руку, а Коля шагал, высоко поднимая ноги, и думал о том, что он обязательно должен пройти ту лужу и не упасть, ведь настоящие герои все свои дела доводят до конца.

ГОСТЬЯ

Я не могу точно вспомнить, как она появилась в моей жизни. Сначала она вела себя достаточно скромно, так скромно, что я практически не чувствовал её присутствия. При этом она всегда была рядом: и когда я спал, и когда я ел, и даже, когда я мылся в душе. Она ходила со мной в университет, плавала в бассейне, зажигала на вечеринках и умудрялась оставаться незамеченной. Очень редкое, по нынешним временам, качество – оставаться незамеченным. Вроде бы ты есть, но в то же время тебя нет. Я чувствовал, что я уже не одинок, но не мог понять кто она? Где она? Так было только первое время. Постепенно она освоилась и лишившись скромности, да, да, именно скромности, стала из маленькой неприемлемой девочки превращаться в особу, требующую внимания к своей персоне...

Я же поступил с ней так, как поступают с плохой привычкой, недавно забравшейся в твой организм. Первое время ты попросту не замечаешь её. Потом тебе становится интересно, ты наблюдаешь. После думаешь, что можешь, стоит только тебе этого захотеть, избавиться от неё в любое время. А это самое время медленно утекает. И вот уже вредная привычка прижилась, пустила корни и стала не-

отъемлемой частью твоей жизни. И ты не можешь с ней ничего сделать потому, что она сильнее тебя. Чтобы не чувствовать себя слабым, никчёмным человечешкой, не способным справиться с банальной привычкой, ты начинаешь оправдывать себя. Врать и себе, и людям. Говорить, что это ты так захотел, что это совершенно не вредно. И вообще, не причиняет никакого беспокойства ни тебе, ни окружающим. Всё, ты порабощён!

То же самое вышло с этой особой, получив нужное для акклиматизации время, она настолько освоилась, что стала не просто видимой, но и довольно назойливой. С каждым днём она беспардонно расширяла границы своего ареала. Она стала питаться моей плотью. Будить меня по ночам. Портить мне кровь. А порой, мне даже казалось, что её сердце бьётся у меня под кожей. Это биение причиняло мне боль. Ситуация становилась похожей на семью, в которой и вместе никак, и порознь, смерти подобно. Вернее, один из них понимает, что может прожить без другого, а вот тот, другой, без него вряд ли. И они живут вместе и терпят друг друга.

Но любому терпению когда-то приходит конец. Нужно было срочно что-то решать и решать кардинально, а для этого

нужна сила воли или какая-то другая сила, которая возьмёт и вырвет её из моей жизни раз и навсегда. Если ты слаб духом, ты боишься брать на себя ответственность за принятые решения, и ты начинаешь надеяться на кого-то другого или на чудо.

МАНЕКЕН

Смеркалось. Большой шумный город запускал искусственные световые корни в неотвратимо надвигающуюся темноту ночи. Над проспектами и тротуарами зажигались фонари. Окна домов, в которые, словно щупальца огромного осьминога, уже пробрались световые корни, выстраивались в клетки замысловатого кроссворда. Луна – круглый сосуд, заполненный апельсиновым и томатным соками, с явным преимуществом томатного, оторвавшись от горизонта, упёрлась «головой» в дремлющее облако, а «ногами» зацепилась за водонапорную башню и стала похожа на бокал с коктейлем. Водители ревущих машин включили фары и наперегонки мчались к своим домам. Прохожие, плывущие бесконечным потоком по тротуарам, под прикрытием света от фонарей с одной стороны и манящего света витрин с другой стороны, тоже спешили. Все эти люди торопились зажечь свет в окнах своих домов и заполнить пустующие клетки кроссворда словом «жизнь».

Вера, никуда не спеша, возвращалась с работы. Восемь месяцев и три дня прошло с тех пор, как Сергей ушёл от неё к другой. Боль и обида, долгое время терзавшие душу, как казалось Вере, отступили. Депрессия длинною в несколько месяцев сошла на нет. Разочарование улеглось, но девушка всё равно не спешила возвращаться в пустую квартиру. Слишком много воспоминаний до сих пор хранилось там. Погрузившись в себя, она петляла по тротуарам шумного города, пытаясь, как можно дольше, отсрочить возвращение домой и забрела на незнакомую улицу. Обнаружив скамейку напротив бутика модной одежды, Вера, присела немного отдохнуть, а заодно и оглядеться вокруг. Вывеска над входом в бутик, выполненная золотыми буквами, оповещала прохожих о том, что здесь продаётся брендовая итальянская одежда. Скамейка, на которой расположилась Вера, стояла справа от входа в бутик под сенью молодой липы. Слева от входа пристроилась точно такая же скамейка, под точно

Со мной случилось чудо! Я случайно сильно надавил на то место, где жила моя незваная гостья. Воспалённая кожа лопнула и вместе с неприятной на вид жидкостью вылилась и моя гостья – маленькая чёрная заноза.

такой же липой. Вход делил большую стеклянную витрину бутика ровно на две половины. Время от времени бутик, как огромный кит, открывал свою автоматическую пасть и заглатывал людей. Помусолив их внутри своего чрева и отфильтровав карманы, он выплёвывал посетителей с большими красивыми пакетами. В левой витрине стояла девушка-манекен, одетая в красивое лёгкое платье и фетровую шляпку. В витрине напротив Веры стильно одетый «молодой человек» полустоял, полусидел на высоком табурете. Ценники на его одежде предупреждали рядовых граждан о том, что им нужно обходить этот бутик стороной, но Вера на ценники даже не взглянула. Что-то необычное в облике самого манекена заставляло девушку присмотреться повнимательнее. Несколько раз оглядев его с ног до головы, Вера так и не смогла понять, чем этот манекен отличается от всех других манекенов. Нет, он, конечно, отличался от тех, у кого совсем не было лица. У него-то как раз оно было и очень даже человеческое. Взлохмаченные волосы, чётко прорисованные голубые глаза, черные брови, тонкие губы, широкие скулы, которые придавали лицу мужественность, совершенно не присутствующую манекенам. Холодные голубые глаза смотрели прямо на Веру и одновременно сквозь неё. И тут девушка поняла, чем этот манекен привлёк её внимание. В его глазах она увидела грусть. Ту самую грусть, которая уже так долго жила в ней самой.

«Бедняжка», – подумала девушка, продолжая рассматривать манекен.

– Сама ты бедняжка, – послышалось в ответ. Вера закрутила головой в поисках источника звука. Рядом никого не было.

– На ценники мои посмотри! – снова послышалось Вере.

Еще раз посмотрев по сторонам, девушка поняла, что слышит голос в своей голове.

«Кто ты? И как попал в мою голову?» – испуганно, подумала девушка.

– Ой! А ты что меня слышишь? – не менее испуганно отозвался мужской голос.

– Да, где же ты? – продолжая крутить головой, спросила Вера.

– Прямо перед тобой.

Вера внимательно всмотрелась в лицо манекена, и в какой-то момент ей показалось, что он подмигнул ей. Хотя она и не была в этом уверена.

– Это что, розыгрыш?! В моей голове говорящий манекен! Разве манекены могут разговаривать, – недоверчиво сказала девушка.

– Я тоже не предполагал, что люди умеют слышать, – парировал манекен.

– Ты хотел сказать слышать, как думают манекены?

– Пусть будет так. И это тем более удивительно. Ведь вы, люди, не то, что мысли, вы уже и слова-то слышите только те, которые хотите слышать.

Вера пристальнее всматривалась в манекен, пытаясь заметить хоть малейшее изменение на пластиковом лице. Но никакого движения не было, холодные голубые глаза по-прежнему, не моргая, смотрели сквозь неё.

– А ты, я вижу, большой специалист по людям, – иронично вставила Вера.

– Не скажу, что специалист, но повидал вашего брата немало. Знаешь сколько людей за сутки передо мной останавливается, а сколько мимо проходит? И каждый...

– А как ты это делаешь? – перебила Вера.

– Что, это?

– Ну, как ты со мной разговариваешь? Ты что телепат? Или это я телепат?

– Не знаю, мне кажется, я всегда это умел. Первое время было очень трудно сортировать поток мыслей и определять хозяина, но постепенно я научился этому, а со временем, чтобы как-то развлечься, стал разговаривать с людьми. Только ты единственная, кто меня услышал – чисто-сердечно признался манекен.

– Скорее, ненормальная! Сажу на скамейке и болтаю с манекеном. Расскажи кому, не поверят!

– Ну да, у вас же это принято, если человек хоть немного отличается от других, он сразу ненормальный. Но ты не переживай, ты не ненормальная, ты просто одинокая.

– С чего это ты решил, что я одинокая? У меня вообще-то жених есть, – зачем-то соврала Вера.

– Ты обманываешь меня, нет у тебя никакого жениха.

– Тебе-то откуда знать?

– Во-первых, если бы у тебя был жених, ты бы меня точно не услышала. А во-вторых, когда человек влюблён, я это сразу вижу. Такие люди всегда выделяются из толпы. Не важно, как они одеты, спешат ли они вместе со всеми или, задумавшись, медленно бредут, никого не замечая. От таких людей всегда идёт свет, и чем сильнее человек влюблён, тем ярче этот свет...

– Подумаешь экстрасенс нашелся! Да у нас сейчас каждый второй ауру видит, а то и чистит, – снова перебила Вера.

– Да причём здесь аура, это особый свет. Я не смогу тебе объяснить природу этого света, но, думаю, что ты тоже можешь видеть людей с таким свечением.

– Почему ты так решил?

– Потому что мы с тобой очень похожи, – чуть дрогнувший голос манекена выдал его смущение. От надменности, которую слышала Вера в его голосе раньше, не осталось и следа.

Вера увлеклась беседой и не заметила, как стала отвечать манекену вслух. Ей даже казалось, когда он отвечал ей, она видела мимику на ровном и гладком, как яйцо, лице. Вере было совершенно всё равно, что подумают о ней прохожие. А прохожим не было никакого дела до сидящей на скамейке и говорящей, не понятно с кем, девушки. Некоторые были настолько поглощены своими мыслями и заботами, что и девушку не замечали.

– Ты пришёл к такому выводу, потому что сам одинок? – после короткой паузы и тоже «потеплев», вопросом продолжила разговор Вера.

– И поэтому тоже. А еще, ты заметила, что мы сразу перешли с тобой на «Ты»? Как будто знакомы очень много лет.

– Действительно. Я раньше не замечала за собой такой фамильярности. А давай знакомиться, меня Вера зовут! А тебя? У тебя есть имя? Подожди, не отвечай. Дай, я сама угадаю, – игриво зашебетала девушка, – тебя зовут Кен. Нет, нет подожди, не Кен, а Ник! Ой, какая же я глупая, итальянского мачо должны звать как минимум... Лоренцо!

– Спасибо за мачо! Ты будешь смеяться, но меня зовут просто Иван.

– Что? Просто Иван?! Почему? – вырвалось у девушки.

– Да, просто Иван, – сказал манекен, не замечая разочарования в голосе Веры, – а хочешь расскажу, кто меня так назвал?

– Конечно, хоч, манекен Иван!

– Меня так назвала госпожа Мелания, хозяйка этого магазина. За день до открытия она сама лично одевала меня и сказала: «Ну что, Иван, покажем этим медведям настоящую моду?». Так я и стал Иваном. Только я так и не понял, про каких медведей она говорила. Я стою в этой витрине уже несколько лет, но ни разу не видел ни одного живого медведя.

– Не парься. Это она так пошутила, – сказала вслух девушка, а сама подумала: «Манекен Иван, читающий чужие мысли, угораздило же меня...»

И тут же услышала в своей голове:

– Ты жалеешь об этом?

– Ой, извини! Не могу никак привыкнуть к тому, что ты слышишь мои мысли.

– Так ты жалеешь об этом? – повторил Иван.

– Нет, что ты, совсем не жалею. Я давно уже ни с кем так мило не болтала. А то, что ты манекен, так это даже забавно, – и, немного помолчав, добавила, – а еще я бы очень хотела, чтобы у меня был такой друг, как ты. Мне кажется, ты очень чуткий, и тебе можно доверить любые секреты, и ты их точно никому не разболтаешь.

– Конечно, не разболтаю, меня же никто не слышит, кроме тебя. Я бы тоже хотел, чтобы у меня появился друг или подруга. Ты не представляешь себе, как тоскливо постоянно стоять здесь и, умея «говорить», молчать сутками на пролёт.

– К сожалению, мне пора, – посмотрев на часы, сказала Вера, – время позднее, а мне завтра на работу. Очень рада была познакомиться с тобой, Иван. – И, встав со скамейки, побрела на поиски ориентира, который позволил бы ей найти дорогу к своему дому.

– Я увижу тебя ещё? – услышала Вера.

– Возможно, – обернувшись, сказала девушка и помахала рукой.

– А что значит «не парься»?

– Потом расскажу, – уже, как эхо, донеслись до Ивана слова Веры.

На следующий день, после работы, ноги сами понесли Веру к бутику итальянской одежды. Ей не терпелось увидеть нового знакомого и убедиться, что случившееся вчера, это не сон.

Когда Вера подошла к магазину, её скамейка как раз освободилась. Юноша и девушка, сидевшие на скамье, доев мороженное и взявшись за руки, побрели в сторону центра города. А Вера смотрела

им вслед и не верила своим глазам. От них шёл свет! Вечер уже немного притушил сияние солнца, и свет, который исходил от молодых людей, был отчётливо виден. Робкий, как росток, только что пробившийся из-под земли, он словно окутывал парочку в кокон, и теснее прижимал к друг другу.

– Я вижу! Я его вижу! – восторженно закричала Вера, обращаясь к Ивану.

Девушка плюхнулась на скамейку и стала присматриваться к прохожим, вычисляя всё новых и новых влюблённых. Веру удивляло, что среди влюблённых, было немало тех, кто не вписывался в её определение «молодой человек». Она видела свечение у людей за тридцать, и у тех, кто годился ей в «отцы», и даже у пожилых! Свет от всех влюблённых шёл разный, у кого-то он только-только зарождался, а у кого-то горел уверенно и ярко.

«Действительно, любви все возрасты покорны», – думала девушка.

А ещё Вера обратила внимание на то, что эти люди отличались от остальных не только свечением, но и выражением лиц. На лицах не было масок озабоченности. Эти люди не смотрели далеко вперёд, они были счастливы здесь и сейчас. Засмотревшись на прохожих, она совершенно забыла о своём новом друге. Обнаруженная способность видеть свет, исходящий от влюблённых, настолько поразила девушку, что она просто не могла заставить себя оторваться от этого зрелища.

– Здравствуй, Вера! Я же говорил тебе, что ты тоже можешь, – услышала она знакомый голос в своей голове.

– Привет! – выходя из оцепенения, поздоровалась девушка. – Слушай, чувствую себя каким-то уникалом! Это так интересно!

– Конечно, интересно. Представляешь, раньше это могли видеть все люди, а теперь эта возможность даётся только избранным. Тем, кто ещё не утратил способность удивляться и верить в чудо.

– Но, я совершенно не чувствую себя избранной. Хотя то, что я разговариваю с тобой и вижу свет, идущий от влюблённых, это действительно похоже на чудо. Спасибо тебе за это, без тебя я бы точно никогда не увидела ничего подобного.

– Всё, что должно, обязательно случится. И я здесь совершенно ни при чём.

– Так ты ещё, ко всему прочему, и фаталист!?

– А кто это?

– Ну, это человек, который верит, что

бы с нами не случилось, это всё давно predetermined.

– Не знаю, может быть. Только, в отличие от тебя, я никак не могу повлиять на свою жизнь. Принарядили, поставили в витрину – стою. Завтра перенесут в другое место – буду стоять там. Устарею, разденут и вынесут в подсобку, а то и на свалку вывезут. Что я смогу сделать? Ровным счётом ничего!

– Ты считаешь, что люди могут управлять своей судьбой?

– Во всяком случае у людей есть выбор. Ты же сама обратила внимание на то, что влюблённые не заглядывают далеко вперёд. Но увы, это скорее исключение из правил. Посмотри, вон идёт семейная пара с двумя детьми. Они идут из парка аттракционов. Видишь, как счастливы детки. Ты думаешь взрослые счастливы так же? Не тут-то было. Мужчина, вместо того чтобы наслаждаться возможностью провести этот день в кругу своей семьи, идёт и переживает о том, как бы его не сократили на работе. А женщина? Она идёт и пересчитывает деньги, которые они сегодня потратили! Если бы я мог, я бы им крикнул: «Люди, радуйтесь тому, что имеете сейчас, ведь это может с вами больше никогда не случиться!» А вот смотри, из нашего магазина выходит девушка с большими рыбьими губами и фирменным пакетом. Она только что потратила приличную сумму и накупила себе вещей, о которых многие могут только мечтать. И что ты думаешь, она идёт и радуется этому? Не тут-то было! Она идёт и переживает о том, что сделала себе слишком маленькие губы, и «пусик» из-за этого может её бросить. Видишь, у этих людей есть выбор – быть счастливым здесь и сейчас или найти себе причину для переживаний. Почему-то люди выбирают последнее.

– Чего же им не хватает?

– Всем по-разному. Кому-то денег, чтобы жить в достатке и не думать, как завтра заработать на кусок хлеба. Тех, у кого есть достаток, гнетут мысли о том, как бы его сохранить и превратить в роскошь, и потом с её помощью затмить таких же, как они. Кому-то просто, как у вас сейчас модно говорить, не хватает понтов, чтобы выглядеть как те, у которых всё есть. А знаешь, кто по-настоящему счастлив? Вон, видишь, нищий у дома напротив? Он нарыл в мусорных баках алюминиевых банок из-под пива и нашёл пакет с едой,

объедки, выброшенные после вечеринки, и он счастлив. Ему больше ничего не надо. Сейчас он пойдёт сдаст эти банки, купит себе, как он выражается, пойла, завалится в свою нору и всё – «жизнь удалась».

– Ты хочешь сказать, что мы рабы достатка?

– К счастью, не все. Ты тому подтверждение. Не одна тысяча людей прошла мимо меня. Думаешь, хоть один заметил мою грусть в глазах? Нет. Всех интересует только цена вещей, которые на мне одеты. А «видеть» душу за модной одеждой – увы, удел одиноких.

– Может быть, ты и прав.

– Извини, я совсем загрузил тебя своими размышлениями. Видимо, накопилось.

– Представляю. А что бы ты хотел сделать в первую очередь, если бы смог ожить? – переводя разговор в другое русло, спросила Вера.

– Знаешь, если бы я смог ожить, хоть на чуть-чуть, я бы очень хотел почувствовать, что такое дождь! Когда он начинается, люди прячутся под зонты или стараются побыстрее найти укрытие, и я не могу понять, почему вы это делаете. Мне кажется, это так здорово, гулять под дождём!

– Как интересно!

– У меня было ещё одно желание, и сегодня, благодаря тебе, оно осуществилось, для этого даже не пришлось оживать.

– Но я ничего не сделала.

– Ты будешь смеяться, но мне всегда очень хотелось почувствовать то, что чувствуют люди при встрече – радость! Я столько раз видел это сквозь стекло своей витрины. И сегодня, когда увидел тебя, я понял, что это такое – радость от встречи!

– Ну, тут ты глубоко ошибаешься, Иван. Люди, к большому сожалению, не всегда рады тебя видеть. Иногда очень даже наоборот.

– Объясни, почему? Почему люди не всегда радуются человеку, которого давно не видели?

– Ну и вопросики ты задаёшь! Да всё потому же! Потому, что у каждого полно своих дел, своих забот. И лишний раз встречаться с кем-то, это значит выбиться из своего графика. Это значит не успеть сделать то, что запланировал. А бывает и так, что ты не рад встрече просто потому, что не хочешь видеть этого человека.

– Почему, ведь следующего раза может не быть?

– Всё, философ, на сегодня хватит! Мне пора идти домой.

– Я тебя утомил?

– Нет, что ты. Просто мне захотелось побыть одной, да и поздно уже.

С тех пор Вера, как только у неё появлялась свободная минута, бежала к своему манекену и делила с ним все свои горести и радости. Он стал для неё настоящим другом, без которого она уже не представляла своей жизни. Они могли часами напролёт «болтать», забывая о времени. Вера рассказывала Ивану, как у неё прошёл день, объясняла значение слов, которые он не понимал, рассказывала ему о городах и странах, а иногда просто читала стихи. Иван умел слушать, и это очень импонировало девушке, к тому же он был прекрасным собеседником, хотя и пускался часто в философские рассуждения. Вера слушала Ивана и удивлялась, как такие очевидные вещи, подмеченные манекеном, не замечают они – живые люди. А ещё она не замечала, просто не могла этого заметить, как из неё самой, словно первый утренний лучик сквозь тучу, начал пробиваться свет.

Однажды, когда Вера в очередной раз спешила к своему другу, она уже издалека увидела, что рядом с ним стоит ещё один манекен, девушка из соседней витрины. Предчувствие чего-то нехорошего овладело Верой. Нет, это была не ревность, а именно предчувствие. Подойдя на расстояние, на котором обычно Иван уже улавливал её мысли, Вера поздоровалась с ним. Ответа не последовало. Приблизившись к своей скамье и не замечая молодого человека, уже сидевшего там, девушка снова поздоровалась. В голове тишина, ни звука.

– Иван, я тебя чем-то обидела? Почему ты не хочешь со мной разговаривать? – что-то близкое к истерике зрело в душе Веры.

– Ответь, не молчи! Это всё из-за неё? Она такая же, как ты?

– Не отвечает? – Вера не сразу поняла, что сидящий рядом молодой человек обращается к ней, – моя тоже не отвечает.

– Что? – не понимая, что происходит переспросила Вера, – кто не отвечает?

– Моя Вера.

– Какая еще к чёрту Вера? – готовая разрыдаться, от предчувствия чего-то необратимого, закричала девушка.

– Вы знаете, я вас понимаю. Я и сам

очень привык к Верочке, мне кажется, даже начал влюбляться в неё. Кстати, вы не можете посмотреть, от меня идёт свет?

– Я не понимаю, что происходит? Кто вы? И при чём здесь ваша Верочка? – хлюпая носом, выдавила из себя Вера.

– Давайте я вам всё объясню. Меня зовут Иван. В витрине рядом с вашим манекеном моя Вера. Раньше она стояла в витрине слева от входа, а я обычно сидел вон на той скамейке, – молодой человек показал рукой на скамью, стоящую с противоположной стороны от входа в бутик, вы всегда были так увлечены общением со своим молодым человеком, что не замечали никого вокруг. А между тем, я вас видел, и я, как никто другой, могу понять, что вы чувствуете сейчас.

– Иван? – Вера смотрела в лицо молодого человека и не верила своим глазам. Перед ней сидел, один в один, её манекен Ваня, только живой. Она переводила взгляд с манекена Ивана на молодого человека Ивана и не верила своим глазам.

Тем временем он достал очки, которые обычно стеснялся носить, и с меньшим удивлением стал попеременно разглядывать то Веру, сидящую рядом, то Веру-манекен.

– Не может быть! – в голос выкрикнули молодые люди.

В витринах стояли точные копии их самих, только в других одеждах и с пластиковыми лицами.

С неба, словно желая оживить, замерших и не сводящих друг с друга глаз молодых людей, закапал дождь. Вера очнулась первой, достала из сумочки зонт и уже хотела его открыть, но Иван протянул ей руку и сказал:

– Я люблю гулять под дождём без зонта...

Эту историю своего знакомства рассказали мне мои друзья. Семейная пара, дружно живущая вместе много лет. Кстати, они утверждают, что секрет их счастливой семейной жизни в понимании друг друга с полуслова и умении слышать мысли друг друга на расстоянии! Может быть, какие-то детали стерлись у них в памяти, а может быть, моё воображение дорисовало что-то лишнее, но получилась вот такая удивительная история. Вы не верите и думаете, что это всё враки? Тогда спросите у манекена Ивана, уж он-то точно не соврёт.

* * *

Заблудшие дети духовных отцов,
Мы бродим в надежде прозреть
И бредим наивной мечтою птенцов
Быстрее из гнезда улететь.

Душевные силы, как крылья слабы,
Лишь только желание сильно.
Пока мы своих заблуждений рабы,
Оковы нам снять не дано.

Воскреснуть из мёртвых,
взлетев к небесам,
Оставив свой след на земле,
Во славу всем светлым
и мудрым богам,
Хотелось и мне, и тебе.

В себе исправляя изъян бытия,
К разумности делаю шаг.
И вечность, меня бескорыстно любя,
Раскроет мне **Истины** знак.

* * *

Не рассказывай другим
то, что понял сам,
не своим и не чужим,
даже мудрецам.
Не ищи учеников
– ты же не Иисус.
Бойся знания оков,
это тяжкий груз.
«Меньше знаешь – крепче спишь»,
– говорит народ,
но иначе не узришь
истины полёт,
и величие Небес
в вечной красоте,
и унылость адских бездн,
что живут в тебе.
Не почувствуешь родство
сущего Творца,
не узнаешь естество
жизни до конца.

* * *

Заблудилось бабье лето, заплутало,
Задержалось где-то, да и опоздало.
Загуляло, в пляс пустилось и пропало...
И надежды на тепло уже не стало.

Приуныло бабье лето и всплакнуло,
Будто грустью влажнослёзной потянуло.
И закутались в холодные туманы
Бледно-жёлтые берёзок сарафаны.

Убегает бабье лето, исчезает,
Оглянувшись, ничего не обещает.
Полетели с грустной песней журавли,
Бабье лето за собою унесли.

* * *

Октябрь скулил морозящим дождём,
Небесные хляби разверзлись на землю.
По лужам за осенью тихо бредём,
Но я её серую грусть не приемлю.

Забудь, что одежда промокла уже.
Пускай надвигаются грозные тучи.
Нас греет тепло, что осталось в душе,
И светит надежды устойчивый лучик.

Мне ветер не сдует улыбку с лица,
Я помню о солнце, что за облаками.
Уверенность есть – мы дойдём до конца.
Погоду земную мы делаем сами.

* * *

Я гуляю, и осень
среди листвы и дождей,
мысли в небо уносит
синевою своей.
Словно дервишей танец,
закружил листопад,
желтизна и багрянец
начинают парад.
Дни, прощаясь, уходят
вслед за сыростью вдаль,
Незаметно возводит
снежный замок январь.
Но грядущее веет
новым вешним теплом.
Значит, буду теплее
вспоминать о былом.

* * *

Осень бросается под ноги
грязной листвой.
Ветра жестокого слышится
радостный вой.
Кончилось летнее бремя
расслабленных нег,
время тебе на голгофу
идти, человек.
Тяжесть креста ощути
у себя на плечах.
Чувствуешь, как зарождается
собственный страх?
Бойся не смерти в неравном
священном бою,
подлостью бойся наполнить
ты душу свою.

Дьявол внутри, и он будет
тебя искушать.
Пусть оберегом твоим
будет Родина-Мать.
Встанет за правду с тобою
Небесная рать.
После зимы снова солнышко
будет сиять.
Будет победа над тёмными
силами зла,
коль справедливость нас всех
за собой позвала.
Будет победа!
Но память о павших, как встарь,
Снова прольётся слезой
на священный алтарь.

* * *

Вот и снова зима на пороге,
И маячит уже Новый Год...
И теряются в прошлом дороги,
Что судьба мне под ноги кладёт.
Что же в будущем ждёт? Я не знаю...
Где соломку бы мне подстелить?
То доволен собой, то страдаю,
Что судьбу не могу изменить.
Что меня ожидает в итоге?
Ведь себе не солгать, не схитрить.
Из иллюзий не строят чертоги,
Остаётся – по-божески жить.

День матери

Да, это слово в разных языках
Звучит благословенно, нежно,
И добротой пропитано в веках,
Оно, как небеса, – безбрежно.
Когда его произношу,
То сердце трепетно стучится...
Я у Всевышнего прошу –
Терпенью твоему учиться.
О, мама! Ты прости меня
За то, что мир несовершенен.
Увы, без дыма нет огня,
И каждый день судьбой оценен.
Неумолимый календарь
Листы осенние теряет.
Пусть прошлое уходит вдаль,
А будущее нас встречает.

**После прочтения стихов
Григория Поженяна
из сборника «Сорок утренников»**
Скрип половиц в старинном доме
Выслушивала печь в истоме,
Под завывания в трубе.
Им аплодировали ставни,
А на дворе – грустили сани,
С мечтой об удалой езде.

Мела позёмка возле тына,
Стог в огороде, как детина,
Немного сгорбившись, стоял.
А в небесах горели звёзды...
Следов глубокие борозды
Седой декабрь пробивал.
Над этой узкою тропинкой
Кружился лёгкою снежинкой
Ещё не наступивший год.
Каким он, бедолага, будет?
Подумайте об этом люди,
Забыв про груз своих забот.
Луна уйдёт с небес под утро,
И зазвучит рассвет, как будто
Высоким голосом земным.
И будущность шагнёт в сегодня,
Открыв все двери Новогодью,
И я последую за ним.

* * *

Умом весну нельзя понять,
Сознанием не внять предвзятым.
Лишь чувства могут передать
Что в сердце, пламенем объят,
И боль, и радость, и восторг,
И к новой жизни устремленье...
С весною не уместен торг,
Она – есть символ обновления.

* * *

Нет, не был окаянным Святополк,
Однако, братьев всё-таки убили...
И колокольный благовест умолк,
И ветры панихиду им отвыли.
Сегодня братья бьют друг друга в кровь.
Теперь уже не будет примиренья.
Бессильна христианская любовь,
Коль вырвана она с остервененьем.
Наполнен ядом, ненависть бурлит
В когда-то этом добродушном малом,
И разум задурманен и «прошит»,
Отравлен не горилкой и не салом.
И бывший брат становится при том
Жестокосердным, с хитростью змеиной.
С ним разговор короткий, как с врагом.
Порвав канат – не свяжешь паутиной.
Не захотел он больше братом быть
И проданся чужой далёкой воле.
Убить хотел, он Русь хотел убить,
Забыв о том, кто сеял это поле.
Родство отбросив, словно медный грош,
Перечеркнув всю нашу память разом,
Он на того Иуду стал похож,
И не моргнув своим лукавым глазом.
Увы, не разрешат ему прозреть,
И до последнего Украины солдата
Огню войны безжалостно гореть.
Теперь врага я вижу, а не брата.

В марте 2023 года отметили юбилей наши женщины-литераторы:

Дружкова Ольга Алексеевна – 5 марта, член Союза писателей России, автор нескольких сборников стихов, в том числе детских

Астафьева Валентина Васильевна – 16 марта, член Кетовского литобъединения «Тобол», автор нескольких сборников стихов и прозы,

Гилёва Мария Афанасьевна – 18 марта, член Союза писателей России, руководитель Далматовского литобъединения «Исетский причал».

Двадцатого апреля отметила юби-

лей **Возмилова Ольга Ильинична**, член Союза писателей России.

Десятого января 75-летний юбилей отметил **Мельников Валерий Васильевич**, поэт, член Кетовского литобъединения «Тобол».

Третьего марта исполнилось 80 лет **Гриценко Владимиру Петровичу**, члену Союза профессиональных литераторов, заместителю председателя Областного Совета ветеранов.

Семнадцатого апреля исполнилось 50 лет **Мурзину Алексею Никитичу**, члену Союза писателей России.

ИСТИННЫЙ СЫН СВОЕЙ ЗЕМЛИ

Десятого января исполнилось 75 лет Валерию Васильевичу Мельникову. Человек удивительной судьбы, талантливый поэт и художник, замечательный певец, главный Дед Мороз этого года, объехавший весь округ с поздравлениями и подарками – Валерий Васильевич не устает поражать своей энергией и оптимизмом.

Его поэзия не знает жанровых границ, а природная одарённость проявляется во множестве направлений творчества. Его глубокий баритон звучит на музыкальных сценических площадках в проникновенных песнях и мудрых баснях, лирических стихах и тонких эпиграммах, а его художественный талант навсегда запечатлен в иллюстрациях к первой книге стихов Сергея Кокорина.

Но к своим талантам Валерий Мельников относится снисходительно, считая более важным в своей жизни – многолетнюю административную работу. Будучи прекрасным организатором, он сумел многого добиться для развития района и области, вникая в самую суть вопроса, решал любую задачу со свойственной ему дотошностью и скрупулезностью.

Валерий Васильевич считает, что ему крупно повезло в жизни на встречи с интересными людьми. Он с теплом вспоминает своих школьных учителей, институтских преподавателей, коллег по работе, руководителей, говорит, что многому научился у каждого из них.

В друзьях у него и водители, и электрики, и большие чины, и врачи. Дружба для него вне профессий и личной выгоды.

Это дорогого стоит.

- В зрелом возрасте, чтобы обрести друга, требуется немало времени, но это возможно – я считаю, что обрел такого друга в лице Валерия Волкова. Он кузнец, прекрасно поёт, на многие вещи наши взгляды совпадают, и это очень важно. Среди моих друзей вообще много Валериев, - смеется он. – В Тамбове Валерий, этот – Валерий.

Будучи первым секретарем Лебяжьевского райкома комсомола, Валерий Мельников был также членом райкома партии, и выполнял некоторые партийные поручения, например, - контролировал работу самой дальней молочной фермы района в колхозе «Искра». «Закрепили за надоями», как шутит Валерий Васильевич. Именно там он встретил ребят, с которыми подружился на всю жизнь.

На новеньком УАЗике, полученном за отличную организацию работы по ремонту школ района (которые, кстати, ремонтировались силами комсомольцев, а не «силами родителей»), он наматывал каждый день немалые километры, и одна из таких поездок запомнилась ему на всю жизнь. Дело было в конце зимы, дороги напоминали тоннели, проложенные в сугробах, и водитель заболел, пришлось самому сесть за руль.

Как-то раз он, привычно выехав ранним-рано к утренней дойке в Большое Моховое, и, оказавшись там еще до прихода доярок (а утренняя дойка начинается в половине шестого утра), увидел в коровнике копну соломы, в ней кто-то шевелился, издавая непонятные звуки. «То ли животное какое?» – подумал Валерий Васильевич. И тут из копейки вылезает парень в тельняшке, весь в соломе, заспанный...

– Ты кто? – спрашивает Мельников.

– Нисковский Гриша, - отвечает тот.

– Гриша, ну кто ты?

– Я ветврач.

– А что ты тут делаешь, спишь почему здесь?

– Да две коровы отелились, – устало объяснил ветеринар.

Гриша понимал, что у одной из коров отёл пройдёт сложно, и заночевал на ферме.

– *Эти встречи и эти люди мне очень ярко запомнились, потому, что они были настоящие, – говорит Валерий Васильевич. – Это не было работой ради показухи, не была работа ради работы. Это была реальная отдача. Еще один пример: 1974-1975 год, была страшная засуха. Добывали сапропель, чтобы прокормить свиней, часть животных вывезли в Омскую область, и надо было ехать в Запорожье заготавливать солому.*

Райком партии поручил Мельникову сформировать бригады молодых людей, нужно было идти к руководителям хозяйств, просить отпустить этих людей,

а они «до зарезу» нужны были здесь, на месте. В то время градообразующими, продуктивно работающими крупными предприятиями в Лебяжьем были ремзавод и «Сельхозтехника». Приходилось договариваться, убеждать, руководство относилось с пониманием к ситуации, помогали с подбором людей для бригад. Со многими из них Валерий Васильевич поддерживает отношения и сейчас.

В область пошла солома, а вместе с ней, кстати, и колорадские жуки, которых до той поры у нас не было.

В 1975 году Мельникова «забрали» в обком комсомола заворгом, а в сентябре 1978 – в обком партии.

Тут необходимо сказать, что в партию Валерий Васильевич вступил в двадцать лет, ещё работая учителем в своей родной школе в деревне Лопатки Лебяжьевского района. Три высших образования, полученных заочно («без отрыва от производства», как говорили тогда), в соответствии с характером Мельникова не были поверхностными знаниями, но прочными и глубокими, как и положено человеку, выросшему на земле и глубоко пустившему корни в эту землю.

Когда сдавал старославянский вместе с очниками, преподаватель ставила его в пример, поражённая отличным знанием древнего языка студентом-заочником, внеурочно заявившемся на сессию.

Его первое стихотворение было написано во времена, когда Валерий Мельников был первым секретарем райкома в Лебяжьем. Начал писать случайно и сразу – с пародий. На партийных курсах для комсомольских работников в Кургане первые секретари жили в общежитии, среди них были два мальчика из Одессы, учившиеся в КМИ (институтский комитет комсомола приравнялся к райкомам), на стихи одного из них, Якова Шехтера, Валерий и написал пародию. Потом была «выпускная» песня в соавторстве с профессиональным баянистом – первым секретарем из Мокроусово Витей Папуловым: «На асфальт опускается небо, льёт мелодию дружбы баян...»

Это был юбилейный год – 30 лет со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Валерий Васильевич говорит, что стихи о войне рождались сами, и, приехав домой, он написал стихотворение, которое опубликовали в районке. Виктора Николаевича Дубровина, секретаря газеты

«Вперёд», Мельников считает человеком, который дал ему путёвку в жизнь.

Пишет, когда приходит вдохновение, ни поэзия, ни сцена никогда не были для Валерия Васильевича главными в жизни. Просто увлечение. В молодости играл на баяне и руководил школьным хором в Лопатках, когда ещё учительствовал, у сестры на свадьбе был главным баянистом, играл на семиструнной гитаре...

Он и раньше жил споро, с азартом – преподавать начал в семнадцать, женился в восемнадцать, в партию вступил в двадцать, и все это на фоне постоянной учёбы.

Он и сейчас такой – ни минуты не сидит без дела. Избирком, активная общественная деятельность, членство в литобъединении «Тобол», выступления на всех, не только крупных, мероприятиях РДК в составе вокального коллектива «Кетовчане», поездки в сёла района с братьями-поэтами.

А ещё на его плечах забота о семье, где он главный стержень и крепкая опора своим близким.

С 1995 года Мельниковы живут в Кетово. Именно в те годы он познакомился с Сергеем Кокориным, стоял у истоков соз-

дания первого литобъединения «Тобол», которое вновь возродилось семь лет назад.

- Мне очень нравится в литобъединении, - говорит Валерий Васильевич. – Там собираются очень интересные люди, творческие.

Старший сын в многодетной семье, где кроме него было еще пятеро детей, кажется, что он умеет делать всё – с детства не чурался никакой работы. Старшеклассником в летние каникулы пас скот, в школе же получил права тракториста-машиниста широкого профиля, может полоть, пахать, выжигать и резать по дереву, знает токарный станок по дереву – за это всё он благодарит своих учителей. И сейчас всю мужскую работу по дому делает сам.

Не всё в его жизни было просто и гладко, но ни личные трагедии, ни шторма и невероятные перемены в жизни страны не смогли сломить этого удивительного человека. Поэт, литератор, историк, певец, художник, прекрасный организатор, мудрый человек и истинный сын своей земли – Валерий Васильевич Мельников.

Ольга Вихорева

ЮБИЛЕЙ ВЕТЕРАНА

Девятого декабря 2022 года свой 95-летний юбилей отметил участник Великой Отечественной войны Аркадий Николаевич Кокорин. Почётную грамоту за активную гражданскую позицию и за помощь мобилизованным бойцам-зауральцам Аркадию Николаевичу вручил федеральный инспектор по Курганской области Артём Пушкин.

Его сын Андрей Кокорин посвятил отцу стихотворение:

Мой отец не погиб на войне:
Он в шестнадцать шёл в военкомат
Без повестки – желанья хватило вполне,
А потом под Челябинском в Чебаркуле
Получал боевой автомат.

Шёл с оружием этим в крестьянских руках
На восток, но на фронт, а не в тыл,
Заменив в поредевших армейских рядах
Того парня, что лёг в европейских полях,
Пробивая наш путь на Берлин.

Мой отец не погиб на войне.
Не на запад он шёл – на рассвет.
Европейских столиц он не видел в огне,
Как его старший брат, не горел на броне,
В зимней Волге не стыл, как наш дед.

Но судьбы боевой он отведаль с лишком,
 Шёл не просто служить – воевать,
 По пустыне ночами прошёл марш-броском,
 И пришлось ему биться с коварным врагом,
 И товарищей в битве терять.

И живём мы, мой брат, и мой сын, и мой внук
 В этой сильной и гордой стране
 Потому, что тогда в сорок пятом году,
 Среди бойцов, закрывающих грудью страну,
 Мой отец не погиб на войне.

Вручение грамоты Аркадию Николаевичу Кокорину

Фото с награждёнными ветеранами в Областном Совете ветеранов

Также стихотворением поздравил ветерана Николай Анощенко, староста Кетовского ЛО «Тобол», член Союза писателей России:

Аркадию Николаевичу Кокорину

В нелёгкое время исканий,
Суровым декабрьским днём
Родился младенец Аркадий.
Расскажем немного о нём.
 Крестьянское трудное детство
 Средь Скоблинских скромных дворов.
 Но твёрдый характер, в наследство,
 Он принял от славных дедов.
Войной опалённая юность,
Взрослея, ушла на восток
И зрелостью вдруг обернулась
В короткий, но огненный срок.
 А после военных баталий,
 Когда, всё ж вернувшись домой,
 Другие земли пахали,
 А он за учебной доской
Учил молодёжь не сгибаться
И физику знать, и любить,
И духом крепчать, закаляться,
Традиции прадедов чтить.
 Страна поднималась и крепла,
 Ей сильные руки нужны.
 Но запах военного пепла
 Хранили тревожные сны.
А вскоре семья появилась...
Уже сыновья подросли.
Судьбой с небосклона спустилась
Спокойная нежность зари.
 Семейное тихое счастье,
 Дочурки залиvistый смех.
 Бывали, конечно, ненастья
 В строю знаменательных вех.
Жизнь лёгкой, увы, не бывает,
Но правнуки силу дают.
Вас все земляки уважают,
Родные уют создают.
 Здоровья Вам, долгие лета!
 Душа не умеет стареть,
 А сердце любовью согрето,
 Чтоб пламенем жизни гореть!

2022 ГОД

ОКТАБРЬ

14 октября – Творческая встреча писателей со старшеклассниками школы № 44 города Кургана

НОЯБРЬ

16 ноября – Встреча с Винокуровым О.А. писателем, историком, краеведом
19 ноября – Собрание, посвящённое 5-летию Ассоциации литобъединений
22 ноября – Вечер памяти поэта Вячеслава Веселова
23 ноября – Встреча со студентами Курганского технологического колледжа
26 ноября – Благотворительный концерт в поддержку Донбасса

ДЕКАБРЬ

6 декабря – Мероприятие, посвящённое 110-летию «Юговки»
15 декабря – Вручение литературных премий имени В.Ф.Потанина
15 декабря – Заседание Совета по культуре при Губернаторе
17 декабря – Ежегодное собрание Курганской областной организации СПР

2023 ГОД

ЯНВАРЬ

6 января – «Рождественские встречи» в Кетовской библиотеке
20 января – Вечер памяти Высоцкого, встреча со студентами КТК.
27 января – Презентация альманаха «Тобол» в «Юговке»
27 января – Встреча со школьниками в Каширинском музее

ФЕВРАЛЬ

3 февраля – «Урок мужества» в Кетовской средней школе
6 февраля – Торжественное собрание, посвящённое 80-летию Курганской области. Филармония.
10 февраля – 16-й съезд Союза писателей России. Москва. ЦДЛ.
15 февраля – Конкурс патриотических стихов в Лесниковском лицее
17 февраля – Награждение победителей конкурса «Молодая литература Зауралья»
27 февраля – Учреждение региональной организации Культурного фронта России

МАРТ

3 марта – Кочегинские чтения в с.Шмаково
18 марта – Мероприятие, посвящённое годовщине присоединения Крыма
21 марта – День поэзии

АПРЕЛЬ

12 апреля – Мероприятие, посвящённое Дню космонавтики
12 апреля – 200 лет со дня рождения А.Н.Островского (1823-1886) выдающегося русского писателя-драматурга и театрального деятеля

110 ЛЕТ «ЮГОВКЕ»

Шестого декабря Курганская областная универсальная научная библиотека имени А.К. Югова отметила свой 110-летний юбилей. Сертификат на 200 тысяч рублей от Правительства Курганской области вручили директору библиотеки Катайцевой Н.А.

ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИЙ ПОБЕДИТЕЛЯМ

Пятнадцатого декабря в Кургане наградили победителей литературного конкурса имени В.Ф. Потанина и конкурса художников имени Г.А. Травникова, который в этот день отметил своё 85-летие.

Эти конкурсы состоялись в Зауралье впервые. Дипломы победителям вручила заместитель губернатора Лариса Кокорина. Победители первого литературного конкурса: Виктор Воинков – доцент КГСХА имени Т.С. Мальцева, член Союза писателей России, Андрей Ветров – индивидуальный предприниматель, член Союза писателей России, Борис Поспелов – преподаватель КГУ.

«Эти премии объединяют творческих людей, они ставят перед ними очередные цели, вдохновляют на решение новых задач. Эти премии они будут вкладывать в творчество, в издание новых книг», – отметил член Высшего творческого Совета Союза писателей России В.Ф. Потанин.

ИТОГОВОЕ СОБРАНИЕ

Семнадцатого декабря состоялось ежегодное собрание Курганской областной организации Союза писателей России. Зауральские писатели подвели итоги уходящего года.

В 2022-ом году были приняты в Союз писателей России Андрей Ветров (Кетовское ЛО «Тобол») и Мария Гилёва (Далматовское ЛО «Исетский причал»). Вновь принятым писателям членские билеты вручил член Высшего творческого совета СПР В.Ф. Потанин.

Он также поздравил победителей первого литературного конкурса имени Потанина. Дипломы и премии им вручались накануне 15 декабря в Художественном музее имени Г.Травникова. В 2022-м году лауреатами литературного конкурса стали: В. Воинов, А. Ветров, Б. Поспелов.

АССОЦИАЦИИ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЙ – 5 ЛЕТ

Девятнадцатого ноября в «Юговке» прошло Собрание Ассоциации литературных объединений Курганской области, посвящённое пятой годовщине создания Ассоциации. В нём приняли участие более семидесяти литераторов из города Кургана и районов области.

АНОЩЕНКО НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ, 2.11.1964 г.р. Инженер-конструктор ООО «Строительная испытательная лаборатория» (г. Курган), занимается спортивным туризмом, пишет стихи, автор двух поэтических сборников, староста Кетовского литобъединения «Тобол». Член Союза писателей России.

АРТЕМЬЕВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ родился 19.09.53 г. в г. Норильск Красноярского края, закончил Курганское культпросвет училище. С 1975 г. по 1990 г. работал руководителем коллективов художественной самодеятельности Половинского района, с 1990 г. работал мастером на производстве масла в фирме «Подсолнечник». В настоящее время пенсионер. Увлекается поэзией с 2016 г. Печатается в газетах Половинского района.

АСТАФЬЕВА ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА 16.03.1953 г.р. Начальник отдела Курганской таможни, руководитель общественной приемной губернатора Курганской области, начальник отдела УФССП России по Курганской области, параллельно – преподаватель КГУ и Курганского филиала РАНХиГС. Номинант национальных конкурсов Российского союза писателей (Москва): «Поэт года» (2017 г., 2019 г.), «Писатель года» (2017 г.), «Георгиевская лента» (2020 г.). Награждена РСП юбилейной медалью Анны Ахматовой. Лауреат второй премии конкурса «Мир и Отечество» Фонда мира. Автор сборника стихов «Алая заря» (С. Петербург, 2020 г.) и сборника рассказов «Жираф за печкой» (Курган, 2022 г.). Член редакционного совета журнала «Родник».

БАРАНОВА НЕЛЛИ ВИЛЬГЕЛЬМОВНА, 31.05.1965 г.р. Родилась и проживает в г. Кургане. В 1984 году закончила Курганское педучилище, в 1998 году – Курганский базовый медицинский колледж. Стихи начала писать в детстве. Красота и гармония природы, любовь к людям – вот императивы её творчества.

ВЕТРОВ АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ родился в г. Семипалатинске 26.07.1972 г. В 1989 году закончил Травнинскую среднюю школу. Работал водителем, бригадиром, управляющим. В настоящее время индивидуальный предприниматель. Член Российского союза писателей. Автор двух поэтических сборников: «Скромные события» 2010 г. и «МоноСны» 2015 г. Лауреат и дипломант поэтических фестивалей в России и за рубежом (Курган, Екатеринбург, Москва, Санкт-Петербург, Грузия, Бельгия, Германия). Член Кетовского литобъединения «Тобол».

ВИНОГРАДОВА НИНА НИКОЛАЕВНА, 29.10.1955 г.р. Педагог Падеринской средней школы, автор прозы и стихов, лауреат литературных конкурсов, член Кетовского литобъединения «Тобол».

ВИХОРЕВА (ВЛАСОВА) ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА, 23.02.1962. Родилась в г. Кургане. Окончила среднюю школу № 34 Кургана, затем Миасский Геолого-разведочный техникум. Сменила много профессий, в основном, работала в культуре. В 1980 году стала лауреатом Ильменского фестиваля, печаталась в «Миасском рабочем», в газетах Курганской области и журнале «Юность». Лауреат и член жюри бардовских фестивалей разных лет во многих регионах России. Лауреат «Бардовских костров». Стихи и песни пишет со школьной скамьи. В настоящее время работает в Кетовской районной газете «Собеседник». Член Кетовского литобъединения «Тобол».

ВОИНКОВ ВИКТОР ПАВЛОВИЧ, 17.10.1981 г.р. Преподаватель кафедры «Строительство и пожарная безопасность» Курганской ГСХА им. Т.С. Мальцева, кандидат технических наук, доцент, автор трёх поэтических сборников, редактор литературного журнала «Родник» и бюллетеня «Курс района», член литстудии КГУ и Кетовского литобъединения «Тобол», заместитель председателя Курганской областной писательской организации. Член Союза писателей России.

ДЕМИДЕНКОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА, 5.11.1975 г.р. Родилась в селе Сафакулево Курганской области. Окончила Сафакулевскую школу. Всю жизнь прожила в родном селе. Работает в торговле. Стихи пишет с 14-ти лет. Сборники, куда вошли стихотворения: книга «Сельские мотивы» 2016 год, «Мир без мамы» 2017 год, «Сафакулево и сафакулевцы» 2020 год. Печаталась в областном сборнике «Дорогие мои старики» 2018 год.» Печатается в районной газете.

ЕНИНА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА, 23.08.1946 г.р. Ветеран педагогического труда,

автор пяти поэтических сборников, лауреат литературных конкурсов, член Кетовского литобъединения «Тобол».

ЕФРЕМОВА НАДЕЖДА ВИКТОРОВНА, 16.01.1960 г.р. Ветеран педагогического труда, писатель-прозаик, автор сборников рассказов, член литстудии КГУ и Кетовского литобъединения «Тобол».

КОКОРИН АНДРЕЙ АРКАДЬЕВИЧ, 19.11.1957 г.р. В 1974 году закончил Куртамышскую среднюю школу, в 1978 году – Московский инженерно-строительный институт. Почётный энергетик РФ, кандидат юридических наук. Пишет стихи, прозу, путевые заметки.

КОКОРИН СЕРГЕЙ АРКАДЬЕВИЧ, 8.06.1955 г.р. Председатель Курганской областной организации Союза писателей России и Ассоциации литобъединений Курганской области, член Общественной палаты Курганской области, автор двадцати книг, в том числе трёх поэтических сборников и одиннадцати прозаических.

КОНОВАЛОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ, 13.12.1948 г.р. Родился в городе Катайске. Закончил Шадринский государственный педагогический институт, филологический факультет. Член Союза журналистов России. Печатался в газете «Знамя» более 25 лет, а также в областных газетах «Новый мир», «Зауральский ветеран». Автор многочисленных статей и очерков по истории и культуре родного края. Лауреат областных литературных конкурсов. Возглавляет литературное объединение «Катайск» при редакции районной газеты «Знамя».

МАСЛЯЕВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ, 23.04.1956 г.р. Живёт и работает в Кургане. Историк, писатель, краевед. Председатель регионального отделения Союза профессиональных литераторов России. Автор 11-ти книг.

МИХАЙЛОВА ТАТЬЯНА САМУИЛОВНА, 21.08.1954 г.р. Ветеран педагогического труда, автор прозы, стихов, песен, лауреат литературных конкурсов, член Кетовского литературного объединения «Тобол».

НИКИТИН АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ, родился в 1948 году на Урале. Жил в г. Катайске. Работал художником на насосном заводе. Помогал своей жене Татьяне оформлять её стихи рисунками. Мастер жанра сатиры. В 2013 году издал свою книгу с иллюстрациями, карикатурами, шаржами. член литературно-художественного клуба «Катайск». Более 30-ти лет сотрудничает с районной газетой «Знамя», предоставляя свои рисунки и юмористические рассказы. Автор эмблемы клуба «Катайск».

НОХРИН ВИТАЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, 17.08.1973 г.р. Родился в с. Чаши, Каргапольского района. Проживает в г. Кургане, работает на заводе «Корвет». Стихи пишет со школьных лет. Ветеран боевых действий. Активно работает в общественной организации «Пограничники Зауралья» Руководитель военно-исторического клуба «Курган». Лауреат областных литературных конкурсов и международного пограничного литературного конкурса «Границы Содружества». Печатался в журнале «Пограничник Содружества» г. Москва.

ПОСПЕЛОВ БОРИС ИВАНОВИЧ, 6.03. 1962 г.р. Проживает в с. Лесниково Кетовского района. Закончил Свердловский юридический институт. Работал следователем, адвокатом, федеральным судьёй. В настоящее время преподаватель КГУ. Начал писать с 2013 года: пьесы, рассказы, повести. Выпустил четыре книги. Лауреат литературного конкурса имени В.Ф. Потанина 2022 года.

ПРЯМОНОСОВА ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА, 21.06.1986 г.р. Родилась и проживает в г. Кургане. Закончила КГУ, учитель-логопед. Пишет прозу, печаталась в различных сборниках и городском журнале «Курган.Текст»

СЕМЁНОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА, 22.01.1959 г.р. Начальник отдела снабжения Курганской ТЭЦ ОАО «Курганская генерирующая компания», поэт, автор трёх поэтических сборников, член Кетовского литобъединения «Тобол».

ТАНАЕВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА, 26.06.1975 г.р. Преподаватель иностранных языков Курганского технологического колледжа, руководитель литстудии КТК, поэт, прозаик, автор нескольких поэтических сборников, член Кетовского литобъединения «Тобол». Член Союза писателей России.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. С. Кокорин	3
Поэты о Донбассе	6
Борис Пospelов. Рассказ «Мурка-разведчица»	14
Виктор Воинков. Стихи	20
Сергей Кокорин. Повесть «Ветер удачи». Часть первая	23
Ольга Вихорева. Стихи	65
Татьяна Михайлова. Стихи	68
Екатерина Прямонослова. Рассказы	69
Виталий Нохрин. Стихи	73
Марина Танаева. Рассказы. Стихи	77
Андрей Кокорин. Очерк	82
Леонид Коновалов. Статьи	93
Нелли Баранова. Стихи	100
Владимир Масляев. Рассказы	102
Татьяна Демиденкова. Стихи	109
Надежда Ефремова. Рассказы	111
Нина Виноградова. Стихи	119
Валентина Астафьева. Рассказы	121
Виктор Артемьев. Стихи	132
Александр Никитин. Рассказ «За двумя зайцами»	136
Ирина Семёнова. Стихи	137
Мария Енина. Стихи	142
Андрей Ветров. Рассказы	146
Николай Анощенко. Стихи	152
Наши юбиляры	154
Ольга Вихорева. Очерк	154
Литературный календарь	159
Литературные новости	160
Краткие сведения об авторах	163

«РОДНИК»

ЖУРНАЛ-СБОРНИК

КЕТОВСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ТОБОЛ»

Редакционный совет благодарит за помощь
в издании авторского сборника «Родник»
Генерального директора ООО «Универсал-5»

Алексея Анатольевича Быкова,
Генерального директора ООО «Мастер»
Виталия Геннадьевича Шишова,
Депутата Курганской областной Думы
от партии «Единая Росси»
Вяткина Родиона Владиленовича.

При поддержке Курганского
областного отделения Фонда мира
Отпечатано в ООО «Типография «ДАММИ».

г. Курган, пр. Машиностроителей, 13 А.
Заказ № 87714 Тираж 300 экз.